В. А. Чудинов
ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА РУСИ

Чудинов В. А. Письменная культура Руси. М. [2001-?] - 94 с. - Библиогр. в конце кн.

СОДЕРЖАНИЕ

В.А. Чудинов,
д.ф.н, проф., академик РАЕН

ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА РУСИ

Предисловие

Настоящая работа является обобщением опубликованного ранее и имеющегося в рукописях материала, предназначенного для широкого читателя. Поэтому в ней больше обращается внимание на основную суть дела, на интересные повороты сюжета, тогда как доказательность и мелкие подробности по сравнению с имеющимися монографиями выявлены в гораздо меньшей степени. Перед автором стояла задача в предельно малом объеме отразить все выявленные особенности русского слогового письма, его связь с отечественной культурой, его эпиграфические и лингвистические характеристики, его соотношение с двумя славянскими азбуками, чтобы показать, какой пласт русской, или шире, славянской духовной культуры мы полностью забыли. По данной проблематике автором опубликованы две монографии [1, 2], две брошюры [3, 4], и около ста статей и заметок.

Декабрь 2000 года, Москва

Введение

Вопрос о наличии или отсутствии собственной, не заимствованной от каких-то других стран письменности давно перестал быть чисто лингвистическим. Если наличие собственного языка (а не диалекта основного языка метрополии) является основой для претензии на образование независимого от метрополии нового государства, то наличие собственной письменности позволяет считать его подошедшим к вершине духовной культуры. Обычно считается, что свои типы письма были только у народов центров древних цивилизаций: у китайцев, индийцев, египтян, арабов, греков…. Следовательно, если какой-то суперэтнос претендует на то, что он представляет или представлял в древности самостоятельную цивилизацию, он должен (наряду с государственностью) обладать и самобытным видом или даже типом письма. Так что речь идет об этническом престиже данного народа в его исторической ретроспективе.

Со славянами в целом и с русскими в частности положение в этом отношении пока обстоит в исторической науке хуже некуда. Якобы славяне как народ появляются на исторической арене только в V веке н.э., да и то только под влиянием ухудшения климата, необычно холодного и влажного в V-VI веках, причем находятся среди «варваров», постепенно приобщаясь к «провинциальной римской культуре». А если бы не давление природы, они могли бы еще пару веков оставаться в своем европейском захолустье на обочине культуры. При этом у всех славян в это время существует общий язык, слабо затронутый диалектными различиями, а с социальной точки зрения господствует племенной строй без зачатков какой-либо государственности. Их название варьирует между словами *словене*, *скловене, стловене, склавы*, что позволяет думать о славянском происхождении и имени *ставаны*. Кроме того, существует имя *анты*, а также имена *венеты*, *венеды, энеты*; как они связаны между собой, пока неясно. Возможно, что это названия народов, близких к славянам. Неясно и происхождение имени *Русь*; возможно, что к этому имени близки названия народов *росов, роксаланов, ругов, рутенов, ретов*. Все эти странные народы имеют похожую религию, которую принято называть язычеством без выявления в ней каких-либо конфессиональных деталей; с точки зрения христиан она является разгулом грубой народной фантазии, связана с наивным обожествлением природы и поклонением небесным телам типа Луны и Солнца; эта религия запутанна, бессистемна, поверхностна, и в лучшем случае представляет собой подготовительный этап к принятию идеи Спасителя, с чего, собственно говоря, и начинается история славян.

Легко видеть, что при таком понимании славяне не только не могут претендовать на какое-либо видное место в европейской истории, но и вообще должны быть рады тому, что о них упомянули византийские и другие историки раннего средневековья, зафиксировав, по крайней мере, факт их существования. Из всего сказанного следует, что пока в европейской историографии доподлинно известно лишь одно: что к V веку н.э. славяне сложились как этнос и что ранее того, в античное время, о существовании предков славян можно только догадываться. Остальные характеристики этого народа в раннем средневековье пока видятся весьма размытыми.

Не лучше обстоит дело и с характеристикой Руси, историю которой обычно начинают с X века, с 988 года, то есть со времени ее крещения Владимиром, или с чуть более раннего периода, называя при этом Русь *древней*,

хотя все другие государства того же периода, с которыми Русь активно взаимодействовала, считаются *раннесредневековыми*. Возникающий при этом парадокс никого не удивляет, ибо представляет собой *ложь во спасение*, поскольку иначе бы термина *древняя Русь* не существовало. Скажем, германцы во II веке н.э., то есть в период поздней античности, были, и даже нападали на римлян, а того же периода *древних* русичей не было и, следовательно, не было и древней Руси.

Позже, когда появляется Русь, она заимствует от соседей все, что только можно: князя, государственность, религию, письменность, бытовую культуру, — так сегодня видятся ее первые шаги. К сожалению, в создание этой неприглядной картины русской истории внесли свою лепту несколько точек зрения. Сначала русские историки немецкого происхождения (Байер, Миллер, Шлёцер) создали теорию *норманизма*, согласно которой не только государственность, но и многие зачатки правовой культуры Русь VII-X века почерпнула на Западе, прежде всего у скандинавов (у которых, как выясняется, своей государственности тогда еще не было); затем русская православная церковь весьма расширила позиции *византинизма*, согласно которым вся духовная культура Руси была заимствована вместе с православием из Византии; наконец, марксистская наука в советской России связала возникновение письменности с возникновением государства, а возникновение последнего вывела за рамки племенного строя, назвав его *первобытнообщинным*. Тем самым Русь возникла в одночасье как государство, скакнув из первобытнообщинного строя сразу в феодализм, минуя рабовладение. Сам скачок через формацию с активным заимствованием и государственности, и наиболее развитой религии, и очень высокой культуры казался чем-то само собой разумеющимся и не требующим специального объяснения. При этом забывается, что речь идет не о скачке второразрядного государства в перворазрядные, но о гораздо большем деянии, — о создании на пустом месте и государства, и религии, и литературы, и даже концепции «Москва — третий Рим». Короче говоря, речь идет об историческом чуде, *из грязи — да в князи*. И чудо выглядит тем фантастичнее, чем менее развитым этносом оказывается русский народ до этого скачка. Но зато на фоне представлений о полной культурной неразвитости наших предков до Киевской Руси оно правдоподобнее.

Правда, в наши дни существует горстка исследователей, не согласных с этим суровым предположением, среди которых находится, в частности, и академик Б.А. Рыбаков. К ним принадлежит и автор этих строк. Я полагаю, что вывод об исторической неполноценности русских основан не столько на недоразумении или злом умысле историков, сколько на трех других вещах: на сознательном уничтожении многих памятников древней культуры многочисленными неприятелями русского народа, из-за чего до наших дней почти ничего не осталось; на тенденциозной интерпретации этой лакуны исторических документов; наконец, на неумении археологов и эпиграфистов извлечь нужную информацию из бесценных текстов, начертанных на памятниках старины подъемного археологического материала, то есть из надписей на черепках, из керамических клейм, царапинах на костяных изделиях, подписях на пряслицах, из странных знаков на берестяных грамотах, узорах на ювелирных изделиях и вязи на монетах, из удивительных значков на надгробьях и каменных крестах, из некоторых рисунков и портретов, из буквиц и заставок кирилловских книг. Занявшись ликвидацией этого последнего

недостатка, я понял, что извлеченный из земли материал как раз и является той не уничтоженной частицей нашего исторического прошлого, по которой можно восстановить некоторые утраченные его черты и тем самым существенно изменить неверные интерпретации современной историографии. Поэтому вначале я хочу показать, что слоговое письмо как письмо наших предков сохранилось в народной памяти и было приведено в исследованиях некоторых отечественных историков; более того, ряд его реликтов продолжает действовать и в современной буквенной графике. Далее, показывается, как постепенно, начиная с 1836 года, публикуются тексты на этом письме и выдвигаются гипотезы о его характере, наконец, эпиграфисты начинают читать сначала малые, а затем все более крупные его фрагменты. Такова первая часть данного исследования. Во второй части производится чтение наиболее интересных документов различных групп. Наконец, в третьей части производится исторический, лингвистический, палеографический, социологический анализ прочитанных текстов, чем и доказывается значимость русской слоговой письменности.

Как мы увидим ниже, документы говорят сами за себя: слоговая письменность на Руси не только существовала, но и отражала высокий уровень древней русской культуры и русского менталитета. Целью данной работы как раз и является реконструкция этого наиболее древнего пласта духовной истории Руси.

Часть первая

Если слоговое письмо существовало, каким оно могло быть?

Назначение этого раздела — понять, какие прямые и косвенные свидетельства сохранились до настоящего времени в пользу существования слогового письма, а также какими свойствами оно должно было бы обладать. При этом следует различать исследования очные, то есть при наличии у эпиграфистов знаков данной письменности, и заочные, когда образцы начертаний еще не были известны исследователям и оставалась полагаться на любые косвенные доказательства.

Глава первая
Косвенные свидетельства

Если у славян существовало какое-то широко распространенное письмо, оно не могло остаться незамеченным современниками, а информацию о нем должным были передавать из поколения в поколения вплоть до фиксации этих сведений историками.

Какое-то письмо существовало. «*Подлинно же славяне и славяно-руссы собственно до Владимира письмо имели, в чем нам многие древние писатели свидетельствуют…*»,— писал в XVIII веке русский историк В.Н. Татищев [1, с. 16]. Екатерина Великая в своих анонимных «Записках касательно Российской истории идет много дальше: «*Закон или Уложение древнее Русское довольно древность письма в России доказывают. Руссы давно до Рюрика письмо имеют*» [2, с. 13]. Наконец, по свидетельству всех 23 дошедших до нас списков «Паннонского жития», Константин (Кирилл), создатель кириллицы, обнаружил в Херсонесе Евангелие и Псалтырь, написанные русскими буквами.

В XX веке проблема существования докирилловской письменности обсуждалась рядом ученых. В.А. Истрин уделил ей целую главу под названием «Существовало ли письмо у славян до введения азбуки Кирилла (Константина) и каким было это письмо», где пришел к выводу: «… *Существование у славян протокирилловского письма представляется несомненным*» [3, с. 98]. Главу под названием «Свидетельства очевидцев» ввел в свое исследование и М.Л. Серяков; в частности, он привел вывод польского исследователя С. Микуцкого [4, с. 20, 30, 37] о том, что договоры Руси с Византией 911 и 971 гг. были составлены и, следовательно, первоначально записаны русской стороной; «*перед нами еще одно свидетельство существования письменности в языческой Руси*» [5, с. 22]. Из средневековых авторов он цитирует сочинение анонимного арабского писателя «Моджмал ат-таварих» 1126 года: «*Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел места себе*» [5, с. 22-23]. Он приводит также цитату из византийской пасхальной хроники, где перечисляются народы, которые пользуются собственными буквами; среди них — скифы. Наконец, он вспоминает византийского писателя Евтихиуса (ум. В 939 году), относившего русских к народам из колена Иафета и отмечавшего, что они имеют свою

письменность [5, с. 23]. На основании своего исследования он приходит к такому выводу: «*Итак, опираясь на эти, а также и на приводимые в последующих главах факты, можно с абсолютной уверенностью утверждать — письменность на Руси в дохристианскую эпоху была. Это бесспорно и только предвзятый человек возьмется отрицать этот факт*» [5, с. 23].

Характер докирилловской письменности. Под словом «характер» я понимаю следующее: является письмо самобытным или заимствованным; если самобытным, то, начиная с какого периода; если заимствованным, то от кого и опять-таки, когда. Кроме того, к какому типу оно принадлежит: пиктографическое (рисунчатое); идеографическое (символическое); иероглифическое (запись целыми словами), силлабическое (запись слоговыми знаками), консонантное (запись только согласных звуков) или алфавитное (буквенное).

Здесь, в случае заочного и тем самым весьма абстрактного рассмотрения проблемы, имеется удивительное единообразие мнений. Болгарский монах (черноризец) X века, Храбр, в своем сочинении «О начертаниях» («О писменехъ») отмечал, что славяне не имели до крещения книг и, будучи язычниками, считали и гадали «чертами и резами» [3, с. 144]. Из этого следует, что знаки в виде черт и резов применялись исключительно в астрологических и магических целях; тем самым, будучи по назначению аналогами современных астролого-астрономических обозначений планет или сакральными начертаниями типа пентаклей, они должны быть отнесены к символам, то есть к идеографическому типу. На эту точку зрения встал и Петербургский академик Ватрослав Ягич, который отверг представление о том, что славяне Мекленбурга в X веке использовали германские руны для начертания имен славянских божеств на металлических фигурках в городе Ретре, но попытался обосновать точку зрения, что у славян были *черты и резы*, то есть символическое письмо, письмо зарубками типа «рабушей» (счетных палочек) сербов и болгар.

С другой стороны, вплоть до XIX века исследователи полагали, что иероглифическая и слоговая письменность существовали лишь на Востоке, но никак не в Европе, для которой характерна буквенная письменность; следовательно, докирилловское письмо Руси представляло собой буквы. Так, в частности, тот же Татищев предположил в итоге своего рассмотрения: «*Следственно, в такой близости и сообществе со греки и италианы обитав, несомненно письмо от них иметь и употреблять способ непрекословно имели, и сие токмо по мнению моему*» [1, с. 17]. Иными словами, раннее письмо русских имело характер греческих и латинских начертаний. Н.М. Карамзин полагал, что «*Славяне же Богемские, Иллирические и Российские не имели никакой азбуки до 863 года, когда Философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены Греческим Императором Михаилом в Моравию к тамошним Христианским Князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковных книг с Греческого языка, изобрели Славянский особенный алфавит, образованный по Греческому, с прибавлением новых букв*» [6, с. 92]. Хотя тут речь идет об отсутствии докирилловской письменности, но подчеркивается связь кириллицы с греческим письмом. Того же мнения придерживаются и некоторые современные исследователи. Говоря о славянской письменности, Б.Н. Флоря отмечает, что «*первоначально это были тексты, исполненные чужим письмом и на чужом языке. Такой характер имели, например, греческие надписи болгарских правителей VIII-первой половины IX века*» [7, с. 299]. «*Хотя*

древнерусская письменная традиция формировалась в условиях контактов с традициями славянской письменности и в Центральной Европе, и на Балканах, раньше и сильнее всего здесь проявились воздействия, идущие со славянского юга, из Болгарии (л чем говорит, в частности, языковой анализ текстов договоров Руси с греками 911 и 944 гг.). Анализ эпиграфических находок и текстов древнерусских рукописей XI-начала XV в. показывает, что на Руси были хорошо известны оба славянских алфавита — и кириллица, и глаголица» [7, с. 304]. Симпатизируя точке зрения В.А. Истрина о существовании у славян письма до кириллицы, но не вникая в представленные им изображения и тем самым вставая на заочную точку зрения, московская исследовательница Е.В. Уханова полагает, что «*наиболее удачное объяснение… могла бы дать гипотеза о знакомстве Константина с письмом древних «русов»-жителей Приднепровья IX в., но, как мы показали, каких-либо следов его существования нет*» [8, с. 112]. Иными словами, страусиная позиция зарывания головы в песок для того, чтобы не видеть очевидного, весьма удобна, и она приводит к единственной точке зрения: у наших предков существовали только «черты и резы» как гадательные символы, а развитой системы письма к настоящему времени «не найдено».

Современное русское письмо как источник. Отсутствие упоминания типа средневековой письменности славян и русов у современных им авторов еще не означает невозможности определения типа этого письма при заочном рассмотрении. Ведь наверняка в современном русском языке должны были бы остаться какие-то реликты предшествующей графики вплоть до прямого перенесения некоторых ее элементов. Даже в азбуке мы должны были бы встретить эти реликты. Так, если бы первоначальное письмо было пиктографическим, мы бы встретили какие-то нечитаемые знаки рисунчатого типа; если бы это было идеографическое письмо, то нечитаемые знаки носили бы характер символов (в том числе и в виде букв); при слоговом первоначальном письме мы бы имели некоторую подсистему слоговых знаков; наконец, в качестве пережитков буквенного письма мы бы имели дифтонги (то есть сочетания двух согласных звуков), переданные лигатурами или однобуквенными знаками. Так, например, в современной азбуке сербов, созданной Вуком Караджичем, имеются лигатуры љ, њ, передающих ныне звуки, а когда-то слоги ЛЬ и НЬ, а также буквы ћ, ђ, џ для передачи звуков ТШЬ, ДЖЬ и ДЖ; следовательно, созданию вуковицы предшествовала стадия использования буквенной графики. Однако в русском языке подобных пережитков предшествующей буквенной графики нет. Зато можно говорить о пережитках слоговой графики, поскольку даже в современной русской азбуке существуют слоговые знаки и даже слоговая организация письма.

Слоговая организация письма. Русская графика пока во многом удерживает слоговое изображение слова. До сих пор в русских буквах сохранились чисто слоговые знаки - Я, Ю, Е, Ё, передающие слоги ЙА, ЙУ, ЙЕ, ЙО при единичном употреблении этих знаков или при их постановке в начале слова или, иногда, слога; слоговым еще в начале XX века был и знак И в словах ИХ и ИМ (произносилось ЙИХ и ЙИМ). В школьной грамматике эти знаки называют буквами для обозначения гласных звуков, что, вообще говоря, неверно, ибо при отдельном расположении, как уже упоминалось выше, они образуют слоги. Однако после согласных они действительно обозначают гласные звуки и в этом смысле они омографичны буквам. Следовательно, даже современная русская азбука содержит силлабографы, слоговые знаки, хотя и в небольшом количестве. Далее, в современном русском написании мы встречаем

согласные с несобственными буквами Ь и Ъ (эти диакритические знаки нельзя считать буквой, ибо в наши дни перед согласным они не обозначают никакого звука, а лишь смягчение предшествующего согласного, хотя перед гласным они обозначают звук Й и тогда являются буквой), а до реформы написания в 1918 году сфера применения диакритического Ъ была шире. Так что хотя в наши дни предлоги и частицы В, К, С, ЛЬ понимаются как один звук, в графике начала ХХ века они выглядели слогами ВЪ, КЪ, СЪ, ЛЬ, а тысячу лет назад и произносились как открытые слоги, где Ъ обозначал краткий (сверхкраткий) звук А/О, а Ь - сверхкраткий Е/И. В пословицах и народных песнях сохранились предлоги с гласными полного образования: "не КО двору"; "СО вьюном я хожу", "ВО поле береза стояла". Так что современная графика сохранила нам слоговой облик ряда слов, которые уже много веков произносятся как отдельные согласные звуки. Другие народы с кирилловской графикой ушли от слогового изображения согласных; так, у сербов появились две лигатуры, Љ и Њ, обозначающие единый звук, а болгары ушли от мягкого ЛЬ и произносят НОРМАЛНО, ПРАВИЛНО. Более того, для мягких (палатальных) вариантов согласных в русском гражданском шрифте используются не особые буквы и не диакритические знаки над буквами (как в западнославянских языках, принявших латиницу), а как раз силлабографы. Тем самым мы не можем оценить, твердый или мягкий вариант согласного помещен в соответствующем слове, пока мы не увидим после согласного знак Ь или его отсутствие. Иными словами, в современном русском языке мягкость согласного обозначается не буквенным, а слоговым способом. Правда, в некоторых случаях этот принцип проводится непоследовательно (Ь отсутствует всегда после Щ и иногда после Ч и ЖЖ, но присутствует после уже отвердевших Ш и Ж), но тем не менее он существует. Приведенные примеры, а равно и правила переноса указывают на то, что русская графика по своему строению и до сих пор во многом сохранила свою слоговую организацию, хотя сами слоги теперь изображаются гласными и согласными буквами. Этого не могло бы произойти, если бы славяне сразу стали писать буквами, но это вполне закономерно, если считать, что славяне перешли от слоговой письменности к буквенной, сохранив уже укоренившиеся навыки.

Вместе с тем, перечисленные признаки существования слоговой письменности до создания алфавита не являются единственными.

Слоговая структура славянского языка. Подлинным носителем информации является предложение, реализующее коммуникативную функцию языка. Словосочетания и слова уже выделяются более произвольно, в них силен момент условности, часто между ними трудно провести грань (например, "мало помалу"– это слово или словосочетание?), однако слово выступает как некоторая мельчайшая единица номинации, как ее квант. Еще сложнее обстоит дело с морфемами, которые часто просто решительно ничем не отличаются от служебных слов, например, предлогов и частиц и привносят собой минимальные семантические различия. Что же касается выделения слогов и звуков, то это пример полной отстраненности от языка, это просто физика речи, ее акустическая сторона. С этих позиций выделение звуков внутри слога есть такая же абстракция от смысла речи, как выделение слогов в слове или слов в словосочетании – все они звучат в предложении слитно. В этом смысле пиктография как мыслепись и графика как звукопись развивались параллельно: в рисуночной фиксации мыслей каждый знак со временем все меньше походил на оригинал; иными словами, его визуальная семантика со временем стиралась,

заменяясь семантикой условной; подобным же образом стиралась со временем и звуковая семантика слога, исходно бывшего словом, затем морфемой и, наконец, неким сочетанием гласных и согласных звуков. Тем самым вопрос о характере письма — словесного (логографического), слогового (или переходного к буквенному – консонантного) и фонетического (как его вариант – фонематического) – это вопрос об уровне абстрагирования, на котором находится тот или иной народ. Логография предполагает фиксацию звучания целого слова; она наглядно демонстрирует, что предложение состоит из отдельных слов, и тем самым прямо раскрывает коммуникативную функцию языка. Это – наиболее естественный способ записи речи. Переходя к силлабографии, мы переходим к уровню фиксации отдельных морфем, а вместе с тем и к номинативному отношению к языку. Нам теперь важно разобраться в том, как устроено слово из его составных кирпичиков, а тем самым мы гораздо более сложно фиксируем и предложение. Переход к записи отдельных звуков в буквенном письме – это полная десемантизация письменной речи, это такой же отстраненный и отвлеченный подход к информации, как к любым бессмысленным шумам или к музыкальным звукам. Так хорошо описывать чужой язык, не вызывающий в нас ни малейших эмоций, например, язык порабощенных или зависимых от нас народов. Разумеется, так можно достаточно точно описать язык с точки зрения его звучания, но, вероятно, так теряются все давние семантические традиции, весь опыт данного этноса по осмыслению своей речи. Как и во многих других областях, западная цивилизация предпочла подобный сугубо формальный подход. Восток остался верен традиции, передающей душу языка – его семантику, как новую, так и в особенности старую, древнюю. Ну, а России досталась, как всегда промежуточная роль – изображать речь не конкретно-лексически, но и не абстрактно-фонетически, а слоговым способом.

Рассмотрим, насколько современный русский язык ушел от состояния, когда слоги практически совпадали с морфемами.

Правила переноса. Согласно им, нельзя переносить или оставлять на строке одну букву, а слоги желательно оставлять открытые. Поэтому слово ПОТОП нельзя переносить как П-ОТОП, ПОТО-П или ПОТ-ОП, а можно только единственным способом: ПО-ТОП.Напротив, в английском языке следует разделить слово на закрытые слоги, например, ИМ-ИДЖ, и так его переносить (с позиций русского языка это слово вообще неделимо). Иными словами, даже сегодня русские слова как бы делятся на древние морфемы, звучащие как открытые слоги, и мы их оставляем на строке так, чтобы удовлетворить как бы требованиям древнего читателя, если бы он ухитрился дожить до наших дней. Разумеется, на самом деле это всего лишь традиция, но такая, которая оказалась сильнее сегодняшнего понимания семантической ненаполненности слога. Правда, эти правила переноса доживают последние годы, ибо уже сегодня в связи с компьютерным набором многих текстов в печатных изданиях иногда возникают очень странные переносы, не только формирующие закрытые слоги, но и оставляющие на строке по одной букве. В конце XX века требования к переносу открытых слогов выглядят немотивированным анахронизмом. Это означает, что только к концу II тысячелетия н.э. исчезают последние остатки некогда существовавшей слоговой организации славянского письма.

Слоговая организация чтения. Многие взрослые, пытавшиеся самостоятельно научить своих детей чтению, сталкивались с парадоксом:

дошкольники могут превосходно усвоить начертания букв и прекрасно произносить их в порядке читаемого слова, но при этом знакомого акустического образа у них не возникает, и, например, сочетание Б, Е, Г, И, К, О, М, Н, Е совершенно не воспринимается как нечто осмысленное. Оказывается, для получения смысла слово или словосочетание должно быть прочитано не по буквам, а по “складам”, то есть по слогам, например, БЕ-ГИ-КО-МЪ-НЕ. Только тогда возникает до некоторой степени привычное звучание слов. Это и понятно: уже разбивка слова на слоги есть определенная акустическая деформация речи; разбивка же его на отдельные звуки приводит к полной десемантизации и разрушению не только коммуникации, но даже и номинации. Поэтому до революции 1917 года в школах существовала практика заучивания слогов: БУКИ + АЗ = БА-БА; ВЕДИ + АЗ = ВА-ВА; ГЛАГОЛЬ + АЗ = ГА-ГА и т.д. Кроме того, есть пример и более древнего изучения слогов в школе. Прежде всего, – это надпись на донце туеса мальчика Онфима из Новгорода [9, с. 216, рис. 1], относящаяся к первой трети XIII века, рис. 1-1, в крупном виде на рис. 1-2. После изображения азбуки здесь находится изображение слогов, сначала с А: БА-ВА-ГА-ДА-ЖА..., затем с Е и И. Другая надпись – конца XIV-начала XV века из Новгорода [10, с. 27, грамота 623], рис. 1-3. Это означает, что и в древности изучению слогов уделялось большое внимание, а туес Онфима демонстрирует, что слоги изучались тотчас же за изучением букв, как прямое продолжение изучения азбуки. В современных школах этот этап овладения чтением завуалирован тем, что в букварях помещают специальные тексты, прекрасно членящиеся на открытые слоги. Так что вместо схоластических, абстрактных слов ВА-ВА, ГА-ГА современные школьники читают более понятные фразы: МА-МА МЫ-ЛА МА-ШУ. Однако принцип слогового чтения в этих примерах никоим образом не нарушен. Более того, современные буквы имеют слоговое чтение в аббревиатурах, причем иногда это чтение отличается от названия буквы в азбуке. Так, Б читается как БЭ, В – как ВЭ, Г – как ГЭ и т.д., но Ф читается как ФЭ (в аббревиатуре ФРГ–ФЭЭРГЭ), а не ЭФ, как положено, Р читается РЭ, а не ЭР и т.д. По сути дела мы сталкиваемся здесь с двумя интереснейшими пережитками слоговой традиции: со слоговым названием современных букв азбуки, и со слоговым же чтением аббревиатур (правда, аббревиатуры читаются иногда и по буквам, но это производит комический эффект, например, «СССР» или «КПСС»).

Слоговое название букв. Оно стало настолько привычным, что вытеснило их прежние названия, в виде значимых слов – АЗ, БУКИ, ВЕДИ ... Однако тут есть любопытные отклонения: если основное большинство букв называется или по их произношению (гласные), или открытым слогом (согласные), например, БА, ВА, ГА, то ряд согласных назван иначе – прежде всего это группа ЭЛЬ, ЭМ, ЭН, а затем ЭР, ЭС. Вероятно, тут сказываются очень древние традиции (ими же объясняется и совершенно внесистемное чтение Ъ, Ы и Ь как ЙЕРЪ, ЙЕРЫ, ЙЕРЬ). Другой пережиток – это аббревиатуры; если в них встречается гласный звук, они читаются по буквам: вуз, ГУМ, ЛОМО, Но когда гласный звук отсутствует, в ход идут более древние типы озвучивания, так что при консонантной записи происходит слоговое чтение: СССР читается как ЭСЭСЭСЭР, ДДТ как ДЭДЭТЭ, ДНК как ДЭЭНКА, ВДНХ как ВЭДЭЭНХА. Более того, при наличии гласного звука на конце аббревиатуры побеждает все-таки не буквенное, а слоговое прочтнение: МГУ–ЭМГЭУ, США–СЭШЭА; то же и при гласном звуке в начале слова: АМН–АМЭЭН, АЗЛК–АЗЭЭЛКА. Иначе говоря, отдельные буквы мы все же воспринимаем как слоги. Это

поможет нам понять наших далеких предков, которые создавали славянскую азбуку из слогов, понимая букву как один-два слога (хотя на первый взгляд это абсурд, мы привыкли понимать слог состоящим из звуков, и потому слоговой знак для нас естественно должен разлагаться на буквы, а не наоборот).

Консонантная запись кирилловских текстов. Если даже русское гражданское письмо содержит такие мощные реликты слоговой письменности, как те, которые были только что рассмотрены, то что говорить о более далеком времени – ведь тысячу лет назад их должно было сохраниться гораздо больше. Ведь если ныне аббревиатуру КГБ мы читаем КАГЭБЭ, то наши предки вполне могли прочитать и сочетание КРБ, но уже не КАЭРБЭ, а, допустим, КОРОБЪ. Таково наше предположение. Верно ли оно? Обратимся к археологическим источникам. Прежде всего, хотелось бы посмотреть на самые первые находки в Новгороде, которые озадачили первых исследователей. Вот серебряный сосуд XIII века из Новгорода, рис. 1-1 [9, с. 334, рис. 1]. На его боковой стороне ясно читаются буквы: МАСЛ МЮР, то есть МАСЛО-МЮРО, иными словами МИРО, масло для миропомазания. Почему же тогда не дописаны последние буквы? Ответ может быть простым – потому что Л читалось как ЛО, а Р как РО, или, точнее, оба слога читались как ЛЪ и РЪ по современной русской транскрипции. – На деревянном ведре XV века (40-х-50х гг.) из Новгорода явно читается надпись СМЕНА [10, с. 118, надпись № 330], рис. 1-2, что В.Л. Янин совершенно справедливо читает СЕМЕНА, то есть “Семёна”, принадлежащее Семену. Очевидно, что первый знак С есть не буква С, а слог СЕ (поскольку из полного гласного Е со временем в ряде случаев возник сверхкраткий Ь, слог СЕ мог читаться и СЬ). Уже из приведенных примеров можно было бы сделать предварительный вывод о том, что слоговые знаки для Л, Р и С были весьма похожи на кирилловские буквы, из-за чего бывшее слоговое чтение распространилось и на них. Однако пока я не буду настаивать на этом утверждении, ибо данные факты можно объяснить и традиционно, например, элементарными описками писарей, хотя в случае серебряного изделия предположить описку со стороны ювелира очень сложно — ведь серебряных дел мастер предварительно замысливал все, включая и надпись.

На берестяной грамоте № 323 XII века из Новгорода видна надпись МАРИИ ЦРН, где ЦРН, по мнению А.В. Арциховского [10, с. 13] означает ЦЕРНИЦЫ, то есть “черницы”, монахини, рис.1-5. Если после Р следовало поставить Ь или вообще не ставить никакого знака, то после Ц должен был следовать гласный звук Е, обозначаемый буквой Е, так что отсутствие буквы может указывать на чтение Ц как ЦЕ; конечная буква Н читалась, скорее всего, как НЬ, так что консонантная запись ЦРН должна была читаться как ЦЕРЬНЬ в смысле ЦЕРЬНЬЦЫ или ЦЬРЬНЬЦЫ, где конечный слог ЦЫ опускался при письме. На стене Софийского собора в Новгороде найдена надпись № 184, АКИЛ ЕПСКПА [11, с. 274], рис. 1-3, вместо АКИЛЫ ЕПИСКОПА. Следовательно, Л читается как ЛЫ (или ЛИ), П как ПИ, С как СЪ или СЬ, К – как КЪ. Опять консонантное написание (хотя и не сплошное) вместо буквенного.

Можно ли считать, что “сокращения” (а на деле слоговое чтение консонантных написаний) присущи только новгородцам? Нет. Вот одна из древнейших кирилловских надписей - рисунок и начертания начала Х века на кресте Манасии из села Цар Асен в Болгарии [12, с. 87, рис. 3], рис. 2-1 (я помещаю лишь интересующий меня фрагмент композиции, вытянув надпись по горизонтали). Здесь видны не только привычные сокращения под титлами ИСЪ ХРСЪ – ИСУСЪ ХРИСТОСЪ, но и написание под титлом слова НА ГОСПЖИН

вместо НА ГОСПОЖИН (написано П, читается ПО), ПОСТАВЛНЪ вместо ПОСТАВЛЕНЪ (правда, Е написано над строкой), КРСТЪ вместо КРЬСТЪ и, наконец, частично глаголицей, СЪ ОТРКМЪ вместо СЪ ОТРЬКЪМЪ, рис. 2-2. В данном коротком тексте пропуски гласного звука видны чуть ли не в каждом слове – вероятно, в X веке, когда еще очень сильны были позиции слогового письма, его особенности переносились на буквенные записи особенно часто, так что П читалось ПО, Л - ЛЕ, Р - РЕ, РЬ, К - КЪ. Данный пример своеобразен не только тем, что это наиболее ранний и достаточно богатый образец консонантной записи, но и тем, что пропуски гласных звуков имеются и в глаголической части надписи. Иными словами, слоговые принципы одинаково выглядят в любой буквенной записи, независимо от шрифта.

Можно также отметить аналогичный результат и в кириллице особого начертания – такого, какой можно видеть на досках "Влесовой книги". Так, уже первая страница русского издания текста изобилует словами ВЛIКУY, SЛВУ, SВАРГА, БЖIА, ЖДЕТЕ, ВЗМРЗЕ, ЗМЕ, ГРОМВРЗЕЦУ, SВТ и т.д., рис. 2-3 (я воспользовался прорисями Ю.П. Миролюбова, опубликованными в работе Р. Пешича [13, с. 150] и соответствующими первой странице текста книги в издании А.И. Асова), вместо ВЕЛИКУУ, СЛАВУ, СВАРОГА, БОЖИЙА, ЖЬДЕТЕ, ВЪЗЬМЪРЬЗЕ, ЗЬМЕ, ГРОМОВЕРЬЗЕЦУ, СЬВЕТ, рис. 2-4 и т.д. Здесь консонантное написание В, S, Л, Б, Ж, З, М, Р, Т следует читать как слоги ВЕ (ВЬ), СЬ, ЛА, БО, ЖЬ, ЗЬ, МЬ, РО,ТЪ. И это только на одной странице! Конечно, слово ЖДЕТЕ не впечатляет, ибо ныне мы точно так и пишем, но вот SВТ, то есть СВТ как СВЕТ – это уже слишком ! Так писали во время составления этой книги, видимо, в IX в. Позже, в послемонгольский период, консонантных написаний становится меньше, но они иногда все же встречаются. Однако надпись на кости из Гродно [14, с. 43, рис. 16], рис. 2-4, вообще не может быть понята без дополнительного разъяснения: ГБСВЧЕА. Можно только высказать предположение, что первые ГБ – это сокращения от ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ, а СВЧЕА – это СЬВЕЧА, где ЧЕ означает *мягкое Ч*. В таком случае, кость – это подсвечник, в правую часть которого вставлялась свеча. Здесь Г и Б можно рассматривать как буквенные иероглифы, а в слове СВЧЕА С и В – как слоговые знаки СЬ и ВЕ. Но наиболее убедительными мне представляются два следующих примера. Первый из них: на перстнях XI века из Полоцка написано КЗ ВСЛВ ПЛТСК и КЗ БРСЪ, что означает КНЯЗЬ ВСЕСЛАВЪ ПОЛОТСКЪЙ и КНЯЗЬ БОРИСЪ [15, с. 35]. Оба перстня-печатки серебряные, сделанные для князей, видимо, придворным ювелиром и исключают какую-либо описку или ошибку. Очевидно, что в XI веке подобные консонантные записи читались однозначно как слоговые. А вот пример на грамоте из Старой Руссы: в тексте ПОКЛАНЯНЬЕ ОТ МИРОСЛАВА КО ЖИРОШКЕ. СТВОРЯ ДОБРЕ, рис. 2-5, [16, с. 66] слова МИРСЛАВА и СТВОРЯ имеют консонантные написания слогов РО и СО, рис. 2-6. Таким образом, все перечисленные примеры убедительно говорят в пользу предположения о слоговой письменности, предшествовавшей кириллице.

Иные предположения. На первый взгляд остается возможность предположения о существовании до кириллицы идеографии, ибо знаки Ь и Ъ не читаются (хотя влияют на чтение предшествующего согласного). Однако такая интерпретация неправомерна, ибо знаки Ь и Ъ перестали читаться *после*, а не *до* создания кириллицы, так что свидетельствовать что-либо о предшествующем письме они не могут.

Таким образом, единственным разумным косвенным свидетельством при заочном рассмотрении докирилловской письменности на Руси является пронизанность современной кирилловской графики и орфографии реликтами *слогового* письма. К сожалению, при заочном рассмотрении вопрос о самобытности или заимствовании письменности не возникает по причине крайней скудности данных.

Глава вторая
Прямые свидетельства

Теперь рассмотрим прямые свидетельства. Наличие текстов, выполненных определенной графикой, казалось бы, позволяет решить проблему типологии искомого письма очень быстро. В действительности, однако, графика оказалась настолько похожей на другие виды письменности, что понадобилось почти полтора века, чтобы точно определить, что собой представляет это русское письмо. А, не проделав такую работу, было бы бессмысленно приступать к дешифровке.

Сохранение образца русского письма Эль Недимом. Пока шли споры о том, существовало ли письмо на Руси до кириллицы, одно прямое свидетельство ждало своего часа, прямо отвечая на поставленный вопрос. На существование у славян, а конкретно у древних русов, весьма своеобразной графики под названием «русское письмо» совершенно определенно указал арабский путешественник X века Ибн Абу Якуб Эль Недим. Слависты, привыкшие к поискам известий о славянах в латинских сочинениях средневековых авторов из Западной Европы или в греческих работах византийских ученых, не сразу обратили внимание на арабские источники; руки дошли до них только в XIX веке. Переведя положения путешественника, посетившего Кавказ, с арабского на немецкий, петербургский академик Х.М. Френ в 1836 году сообщил следующее: «***Русское письмо***. *Некто, чьим словам я могу верить, рассказал мне, что один из царей горы Кабк (т.е. Кавказа) послал его к королю Русов, и он обратил внимание на пропуск, который содержал письмена, вырезанные на дереве. При этом он вытащил кусочек белого дерева, который передал мне. На нем были вырезаны знаки, которые, не знаю, представляли слова или изолированные буквы. Вот их образец».* И далее следовал рисунок, рис. 3-1 [17, с. 513]. Это было самое первое изображение слогового русского текста.

Эль Недим дал ответ на несколько вопросов. Прежде всего, он четко и недвусмысленно заявил, что привел образец именно *русского* письма. Это тем более интересно, что по внешнему виду надпись ближе к арабской графике. Однако писавший на арабском языке Эль Недим ни на секунду не заподозрил арабской принадлежности скопированного текста. Кроме того, он ответил и на вопрос о типе письменности, сказав, что не знает, находятся ли перед ним изолированные буквы или целые слова. Вероятно, кроме алфавитной и иероглифической письменности (а также консонантного арабского письма) он не знал других ее типов; если же устраниться от высказанных им крайностей, а взять золотую середину между фонографией и логографией, мы получим силлабографию, то есть как раз слоговое письмо.

Публикация Френа вызвала большой резонанс русской общественности по поводу достоверного свидетельства существования докирилловской письменности славян в X веке, ибо Эль Недим не просто описывал ее

существование на словах, но и прилагал образец начертания русских знаков. Тем самым вместо многочисленных предположений был предъявлен подлинный документ, современный самой письменной системе. Однако эта вновь обнаруженная древняя система славянского письма тут же ставила массу новых вопросов, и прежде всего в плане своего происхождения.

Гипотезы заимствования. В XIX веке предполагалось, что любой алфавит заимствован. Первое собственно алфавитное письмо появилось у греков, тогда как его предшественником было консонантное семитское письмо, стало быть, наличие письменности у славян до Кирилла и Мефодия предполагает заимствование этого алфавита (об ином типе письма тогда не могло быть и речи) у какого-то народа, живущего между греками и руссами. У кого же славяне могли заимствовать свои письмена? Решений можно предложить всего три: прототипом послужили либо классические начертания европейского Юга (греческое или латинское), либо менее известные виды письма германского Северо-запада (руны), либо, наконец, совсем плохо известные виды графики Востока (уже не обязательно буквенные). Как ни странно, но первое предположение было связано именно с самой экзотической третьей возможностью: так что исследователь слогового славянского письма петербургский академик Х.М. Френ попытался найти его сходство с одним из только что открытых видов восточного письма, а именно с синайским. Приведенный им отрывок из сочинений арабского путешественника X века Эль Недима с образцом “русского” письма, рис. 3-1 [17, с. 513] показывал явное несходство этих графем с известными в те времена латинским, греческим и руническим алфавитами и демонстрировал восточный колорит начертаний. В противном случае он сам бы смог дешифровать скопированную надпись. Не выглядит он тем более и по-еврейски. Так что все классические типы восточного письма, с которыми привыкли иметь дело лингвисты, сюда не подходили. Скорее для “очистки совести”, чем имея серьезные основания, Х.М. Френ дал образец русского письма своему коллеге А.Й. фон Шёгрену, специалисту по рунам, и получил ожидаемый отрицательный ответ: исследуемое письмо не относится к руническим! Следовательно, отпадает и западное направление.

Преддешифровка Х.М. Френа. Остается только единственная возможность — перед нами какое-то иное, неклассическое восточное письмо. Ее-то Х.М. Френ и разрабатывает, найдя недавно обнаруженное, но еще не прочитанное синайское начертание. Неважно, что отдельные знаки имеют слабое родство с русскими символами: на этом этапе исследования решается другая задача, задача генезиса русского шрифта, и она решается логически как будто безупречно – русское письмо пришло с востока! Итак, проблема решена, но, как мы знаем, неверно. Почему? Да потому, что вместо трех ответов (Юг, Запад, Восток) перед Х.М. Френом их имелось несколько: Юг, Запад, Восток или... сама Россия! Исключив из рассмотрения эту последнюю возможность (а тогда, да во многом и теперь она казалась крайне сомнительной), этот исследователь отрезал себе единственный верный путь. Но то, что он верен, стало понятным только теперь, после ряда эпиграфических открытий, но не в первой половине XIX века, когда письмо любого европейского этноса мыслилось только буквенным, и притом вышедшим из одного восточного источника, арамейско-финикийского. Так что Х.М. Френ и в наших глазах остается выдающимся исследователем своего времени, несмотря на очевидный неуспех его гипотезы. Позже его путь прошли многие филологи, пытавшиеся

усмотреть графическое сходство русской системы знаков с одной из восточных письменностей, однако дальше догадок они не продвинулись и ни одной дешифровки они не предприняли. Правда, академик М.П. Погодин полагал, что того же типа письмо бытовало и в Карпатах, как о том его уведомили его корреспонденты, но эта письменность никакого отношения к славянской не имела.

Мнение других исследователей. К сожалению, кроме Финна Магнусена реальных попыток прочитать это письмо по свежим следам никто не сделал. Правда, Тадеуш Воланский в 1845 году, узнав о существовании данного образца надписи древних русов, заявил своему адресату: «*Я нахожу в нем значительное сходство с письмом африканских сарацинов, алфавит которого, взятый из Анастазия Кирхера «Prodromo coptico» с. 199, Вам прилагаю*» [18, с. 7].Так что тут подозрение пало на заимствование коптской письменности. Позже Д.И. Прозоровский вообще счел письмо пиктографическим или символическим [19, с.64], и то же самое, но несколько по-другому утверждал В.И. Таланкин [20, с. 447]. Впрочем, какое-то время было неплохо и без дешифровок; искомое письмо было найдено; оно отличалось от кириллицы и глаголицы и имело некоторые черты сходства с синайским или коптским, то есть с восточным, семитским; чего же большего можно еще желать? Более всего обнаруженная Френом надпись эль Недима походила на скандинавские руны.

Первый дешифровщик славянского письма – Финн Магнусен. Правда, вначале Андреас Йоханн Шёгрен в данном образце русского письма руны не узрел [21]. Однако он переменил свое мнение, когда познакомился с монографией датского исследователя, государственного советника и профессора Финна Магнусена, изданной в 1841 году в Копенгагене [22]: «*Хотя догадка лежит близко, – о том, что здесь применен рунический шрифт, – однако я сам в то время, когда мне было прислано сочинение фон Френа (1835 г.), в предложенном образце текста не смог найти родства с руническими знаками, в чем мою правоту теперь подтвердил господин Финн Магнусен [22, с.259]. Напротив, господин фон Френ сам открыл и доказал сходство этого русского шрифта с так называемым синайским письмом; сходство, которое со своей стороны подтвердил и господин Магнусен, который в 1835 г. привлек привезенные от Грея и исследованные лордом Прудо копии с синайских надписей, и нашел, что при этом 24 знака оказались совершенно сходными со скандинавско-англосаксонскими видами рун. Однако он, пожалуй, не смог бы сказать, соответствуют ли они друг другу по значению, или нет. В этой связи он далее замечает, что как уже показал О.Г. Тюхсен, имеется существенное совпадение многих букв между синайскими надписями, и сибирскими. Он, Магнусен, с другой стороны, находит как в тех, так и в других большое сходство с нордическими рунами, которое признал также и Клапрот в отношении надписей южной Сибири. Изо всех этих проведенных до сего дня исследований можно было уже ожидать, что также и этот якобы русский шрифт арабов в своей основе является руническим*» [21, с. 84-85]. Таким образом, рунический характер надписи эль Недима, не признаваемый «в лоб», при прямом сопоставлении с германскими рунами, постепенно стал признаваться после прохождения цепочки: надпись эль Недима–синайское письмо–руны Сибири–германские руны. В результате Финн Магнусен смог прочитать надпись эль Недима SLOVIANIN, рис. 4-1.

Славянский интерпретатор Андреас Шёгрен. Живший в России датский филолог А.Й. Шёгрен выполнил обзор исследований Финна Магнусена

хотя и по поручению графа А.С. Уварова, но все же, как лицо заинтересованное. По возможности в его описаниях деятельности Магнусена мы опускали его собственные замечания, поскольку хотели выявить вклад именно ученого из Копенгагена. Теперь же наступил черед самого Шёгрена. Цель, которую поставил перед собой этот ученый из Петербурга, была иной: он стремился доказать русским, что надписи, прочитанные Магнусеном, есть надписи русские. А для этого уже нельзя было ограничиться приблизительным значением слов или неким набором звуков, звучащих как бы по-русски, но требовалось выявить точный смысл каждого слова. Основу для этого Магнусен уже создал, требовалось только «дотянуть» предложенные им полуфабрикаты до полноценных русских слов. Следовательно, в данном случае речь идет не о проведении новых дешифровок, но об интерпретации уже имеющихся. В конце концов он получает несколько значений всего предложения: 1) СЛОВЯНИНЪ С РУССИ, 2) СЛОВЯНЕ С РУССИ, 3) СЛАВНЪ С РУССИ [21, с. 98]. При этом его не смущает, что он сам произвольно заменяет буквы, например, О на А, НИ на НЕ и НЪ, приписывает Ъ туда, где в тексте нет никакого знака для его обозначения. Второе слово ему не пригодилось, и Шёгрен его выбросил. В принципе, он мог бы его вставить во второй вариант, чтобы получилось СЛОВЯНЕ – ЛЮДИ С РУССИ, однако он этого не сделал, поскольку его больше устраивали первый и третий варианты, ибо они больше согласовывались с его выводом: «*Кусочек белого дерева, знаки на котором были вырезаны с тем или иным значением первого слова и который посланец нес с собой, были ничем другим, как своего рода пропуском, который он получил с собой из России на обратный путь от Кавказского князя, к которому он был послан, чтобы как славянин по рождению мог беспрепятственно попасть назад с нерусского Кавказа; и это так совершенно естественно объясняет то, почему документ начинается так, как мы видели*» [21, с. 98]. С нашей точки зрения картина «дотягивания» полуфабриката Магнусена до приемлемого для русского глаза чтения выглядела несколько в иной последовательности: прочитав набор слов СЛОВЕНЕ или СЛАВЯНЕ, ЛУТ и СРУСС, и понимая, что кусочек дерева был пропуском, Шёгрен постарался несколько притереть слова друг к другу и получить более или менее приемлемый результат. Иными словами, значение кусочка дерева как пропуска было не независимым подтверждением, а предпосылкой для создания нужного текста. Таким образом, у Шёгрена в дешифровке появляется определенность, и хотя прочитанные в надписи слова у Магнусена и Шёгрена практически совпадают, но у Шёгрена мы видим уже грамматически оформленную фразу С РУССИ ЛУД СЛОВЕНЕ, имеющую определенный смысл, тогда как у Магнусена имелся лишь набор слов СЛАВЯНЕ, С РУССИ, ЛЮД. Тем самым дешифровка получила законченный и осмысленный вид. Других попыток прочитать надпись эль Недима на основе рун, но с более тщательной проработкой знаков, не предпринимал никто, ибо очень скоро интерес к руническому чтению пропал.

Чтение С. Гедеонова. Этот исследователь производит свое чтение в 1876 году, когда руническая гипотеза славянской письменности была опорочена. Как истинный патриот славянской графики он предлагает славянское чтение этой надписи на основе глаголицы, но читает не все буквы [23, с. CIX], рис. 4-4. Легко видеть, что у Гедеонова знаки глаголицы вовсе не похожи на знаки оригинального текста, даже несмотря на то, что он дает 2 начертания буквы С; чтение СТОСВЪ, рис. 4-5, непонятно по нескольким причинам: нет никаких указаний, что послание было адресовано Святославу;

сокращение этого имени типа СТОСВЪ неизвестно; непонятно, почему русский часовой должен был понять слово СТОСВЪ как пароль. Как видим, русское буквенное чтение надписи Эль Недима ничуть не лучше ее рунического прочтения.

Пиктографическая трактовка Д.И. Прозоровского. Д.И. Прозоровский первым из известных нами исследователей в своей статье 1888 года усомнился в точности передачи Эль Недимом строк русского письма, а затем и вообще посчитал данный образец пиктографическим или символическим, поскольку с его точки зрения в этой опубликованной Френом надписи "*первый знак слева представляет некоторое орудие с прицепками на конце, потом следуют три гвоздя; далее коса или цепь; затем - веревка, а после нее пробой; наконец, ладья с экипажем*" - словом, перед нами "*не письмена, а условные знаки*" . «*Таким образом, трудно допустить, чтобы недимова строка была образцом русской письменности X века, когда кирилловская письменность уже процветала, а Недим не говорит, что приведенные им начертания приобретены от некрещеных славян*», заключает Прозоровский. [19, с.64]. Следовательно, общий смысл надписи эль Недима по Прозоровскому, это ладья с экипажем и веревкой; однако, причем здесь три гвоздя, пробой и некое орудие с прицепом на конце, осталось неясным. Куда плывет ладья? Что она везет? На эти вопросы ответил продолжатель дешифровки Прозоровского Таланкин.

Пиктографическая трактовка В.И. Таланкина. В. И. Таланкин в выступлении перед Археографической комиссией 20 января 1912 года с докладом «Первая русская загадочная надпись и ее разгадка» решил исправить эту неясность, и предложил видеть в знаках идеографическое письмо с двумя толкованиями: «*КНЯЗЬ ПРОСИТ РАЗРЕШЕНИЯ ТРЕМ СВОИМ КУПЦАМ СВОБОДНО ТОРГОВАТЬ В ГОРОДЕ»* и *«ГОРОД ВСЛЕДСТВИЕ ПРОСЬБЫ КНЯЗЯ–КУПЦА РАЗРЕШАЕТ ТРЕМ ЕГО КУПЦАМ СВОБОДНУЮ ПРОДАЖУ ПРИВЕЗЕННОГО НА ЛАДЬЕ ТОВАРА*» [20, с. 447]. — Очевидно, ладья с экипажем стала восприниматься этим исследователем как корабль купцов, а «три гвоздя» как три купца. Судя по тому, что слово «князь» стоит в начале фразы, оно угадано в сложном первом знаке. Какими знаками обозначены понятия свободы, торговли и города, остается только гадать. Тем не менее, слушатели после этого доклада произвели оживленный обмен мнениями и постановили объявить докладчику благодарность за интересную попытку разгадки знаков. Заметим, что пока речь шла лишь о частных замечаниях исследователей, за которыми проглядывал их беглый взгляд на проблему.

Надпись на горшке и черепках из Алеканова. Раскапывая село Алеканово Рязанской губернии осенью 1897 года, дюны «Могилки», В.А. Городцов обнаружил керамический сосуд со знаками, опоясывающими его по окружности, рис. 5 а [24, с. 385], а через год нашел еще два черепка со знаками, рис 5 б [25, с. 371]. В.А. Городцов датировал находку X-XI веком и обратил внимание на надписи, насчитав 14 знаков. «*Судя по размещению этих точек между другими знаками,* – полагал археолог, *– их легко принять за знаки препинания и сблизить с двоеточиями скандинавских рун, имеющими назначение отделять одно слово от другого. Вполне похожими по начертанию с рунами оказались и еще 2 знака (1 и 12), равные «а» и «ч». Но на этом сходство прекращалось; остальные 9 знаков не имели ничего общего со скандинавскими рунами, а 2 из них (1 и 7) своей формою походили скорее на идеограммы или особые знаки, родственные клеймам, какие можно видеть на актах XVIII столетия, подписанных самоедами, а также в древних родовых*

клеймах скандинавов, изображенных в одном из сочинений Гильдебранда. С последними наши знаки имели больше сходства, так как одинаково с ними состояли из крестов со многими перекрестиями. Более отдаленную аналогию им можно указать в знаках, помещенных на монетах первых русских князей: Владимира, Святослава и Ярослава, в особенности в знаках Святополка. В этих знаках мы также находим разветвления и крестообразные пересечения одной из ветвей. Таким образом, выходило, что знаки алекановского сосуда отчасти походили на руны и отчасти на родовые клейма. Не имея ни достаточной подготовки, ни необходимых научных пособий, мне поневоле пришлось прекратить дальнейшее исследование знаков и обратиться за помощью к нескольким русским археологам. В настоящее время мною получен ответ от В.И. Сизова, по мнению которого знаки на исследуемом сосуде принадлежат к родовым клеймам, употреблявшимся у разных народов как знаки собственности. Уважаемому археологу самому удалось встретить подобные знаки на изгороди старинного латышского кладбища, но в заключение он прибавляет, что разбор этих знаков требует времени» [24, с. 389-390]. Как видим, Городцов пытался прочитать эти знаки сам, но колебался между пониманием их как рун, как самоедских клейм, как русских княжеских знаков и как знаков собственности.

Однако во второй публикации через год он уже не сомневается. «*Смысл знаков остается по-прежнему загадочным, но уже является более вероятности иметь в них памятники доисторической письменности, чем клейма или родовые знаки, как можно было предполагать при первом знакомстве с ними на погребальном сосуде, где казалось очень естественным явление на одном сосуде многих клейм или родовых знаков, так как акт погребения мог служить причиной съезда нескольких семей или родов, которые и понаехали увековечить свое присутствие на похоронах начертанием своих клейм на глине погребального сосуда. Совсем другое дело – нахождение знаков в более или менее значительном количестве и в строковой планировке на бытовых сосудах. Объяснить их как клейма мастера – невозможно, потому что знаков много; объяснить, что это знаки или клейма отдельных лиц также нет возможности. Остается одно более вероятное предположение, – что знаки представляют из себя литеры неизвестного письма, а комбинация их выражает какие-либо мысли мастера или заказчика. Если же это верно, то мы имеем в своем распоряжении до 14 букв неизвестного письма*» [25, с. 371].

Лецеевский как специалист по славянским рунам. Позже нужный особый взгляд на докирилловскую письменность славян развил профессор Краковского университета доктор Ян Лецеевский. Судя по его монографии, вышедшей в 1906 году в Варшаве и Львове он, горячий поборник докирилловской славянской письменности, считал, что славяне раньше использовали германские руны, преобразовав их, однако, несколько по-своему, следовательно, “русское письмо” – это видоизмененная скандинавская письменность. О надписи Эль Недима ему, скорее всего, ничего известно не было, поскольку с тех пор прошло уже 70 лет. К моменту опубликования надписи из рязанского села Алеканова в 1897 году и на черепках годом позже он уже весьма виртуозно владел техникой чтения такого типа славянских рун. Он сразу же приступил к чтению алекановской надписи на основе своих прежних дешифровок. На доказательстве своего предположения он даже не считал нужным останавливаться, настолько он был уверен в своей правоте. Конечно, ряд знаков пришлось определить из контекста и прочитать по-новому,

однако как раз это и приводило, как ему казалось, к расширению репертуара «славянских» рун и к увеличению их отличия от рун германских. Вот как он прочитал знаки на «погребальной урне из Алеканова», рис. 6-1. Перенумеровав все знаки, справа налево — что, вообще говоря, весьма странно, ибо все остальные надписи этот исследователь читал обычным образом, слева направо. Сам, не желая того, краковский профессор сделал важный шаг в области дешифровки русской письменности: он продемонстрировал несовпадение направления знаков и, следовательно, всего чтения между русской и рунической письменностью! Практика обратного чтения славянского слогового письма исходя из рунической гипотезы наталкивает на мысль о том, что это несовпадение направлений носит системный характер, ибо оно касается не отдельных знаков, а общего строя письма. Из этого следует, что русское письмо в принципе не может быть одним из членов весьма разветвленной семьи рунических германских алфавитов. Это системное несоответствие весьма важно ввиду того, что отдельные графемы рун и славянского силлабария, как было показано выше, совпадают. Поэтому мы должны быть весьма признательны профессору Лецеевскому за это открытие, несмотря на то, что он сам из своего наблюдения не сделал никаких выводов. "*Итак, я начинаю читать с правой стороны к левой,*—пишет польский ученый. —*Знаки 1, 4 и 7 не суть руны; это знаки, служащие для разделения слов*" [26, с. 43]. - К сожалению, не только направление чтения, но и предположение о словоразделительном характере знаков позже не подтвердилось. Казалось бы, новые знаки должны были заставить исследователя насторожиться и по меньшей мере проверить гипотезу о словоразделении, поскольку при таком предположении получаются очень короткие слова - вместо этого он данные знаки отбрасывает и забывает об их существовании, ибо если бы он о них вспомнил, получилось бы, что "словоразделитель" перерезал слово МАЛУ как раз по середине, сделав из него два слова: "МА" и "ЛУ", не имеющих смысла. Результатом чтения надписи Лецеевским стала фраза: УМ МАЛУ СТАВИХ НУЖАЯ. Даже не обращая внимания на разделение слова "МАЛУ" и склейку оставшихся частей предложения, получив "УМ МА ЛУСТАВИХНУЖАЯ" (нечто, вообще не имеющее смысла по-русски), рассмотрим чисто графическую сторону проблемы. Так, первый знак текста состоит из двух вертикальных палочек; Лецеевский полагает, что это рунический знак "У". Однако «У» обязательно включает помимо двух вертикальных мачт еще и островерхую крышу, которой у знаков славянского слогового письма нет. Имеются также отличия в один штрих между третьим и пятым знаками текста, которые Я.Лецеевский одинаково передает как "М", а практически такой же двенадцатый знак он трактует как лигатуру "НУ". Можно было бы привести и еще ряд несоответствий, но и сказанного достаточно, чтобы понять, что речь идет не о рунической транскрипции, а о подгонке под нее. Совершенно не похожими на руны выглядят гигантские знаки № 8 и № 13 - казалось бы, они должны были заставить исследователя удивиться и усомниться в рунической интерпретации текста. Но профессор Лецеевский, однако, поступает весьма остроумно: он полагает, что эти знаки отсутствуют в руническом алфавите (или, точнее, "футарке") потому, что обозначают специфические славянские звуки, отсутствующие в германских языках, и потому приписывает знаку 8 значение "СТ", а знаку 13 - "Ж" или "ЖД". Тем самым Лецеевский "ославянивает" текст, который в случае рунического чтения крестов как "А" имел бы явно угро-финское звучание с зияющим стечением гласных: "УМ МА

ЛУААВИХНУААЯ”. Тем не менее, совершив все мыслимые подгонки, Лецеевский полагает, что получил приемлемый результат, и толкует УМ МАЛУ СТАВИХ НУЖАЯ как “УМершему МАЛьчикУ СТАВИл я несчастный”, что можно понять как надпись отца, поместившего прах умершего сына в горшке, понимаемом как погребальная урна. Можно ли согласиться с самим результатом, если закрыть глаза на натяжки в графике и словоразделении? Даже если не обращать внимание на транскрипцию Лецеевского (рис. 6 внизу), мы вправе усомниться в причастиях: слово “умерший” никогда не сокращалось до “УМ”, а “несчастный” в древности не звучало как “НУЖАЯ”. Тем самым видны натяжки чисто лингвистического плана. Нелепо и содержание надписи, ее семантика: неужели наши предки писали на надгробье или погребальном сосуде не имя умершего, а факт установления погребальной урны, да еще в такой странной форме, как “ПОСТАВЛЕНО ПОГИБ., ПОСКОЛЬКУ НУЖНО”? Или: “ВОЗДВИГНУТО УСОП., ИБО МЫ НЕСЧАСТНЫ”? Короче говоря, Ян Лецеевский читал не в том направлении, не те знаки, не учитывал им самим же введенных словоразделителей, не считался с принятыми сокращениями и с получившимся смыслом - иными словами, шел на всевозможные ухищрения, чтобы только получить приемлемую надпись – и тем не менее, такой надписи получить не смог. Следовательно, интерпретируя этот результат с интересующей нас точки зрения, можно придти к некоторому позитивному выводу: отсутствие успеха у такого выдающегося мастера дешифровки, которым был профессор Лецеевский, объясняется именно тем, что руническое чтение слогового письма бесперспективно.

В той же статье, где Ян Лецеевский читает основную надпись на «урне из Алеканова», он предлагает чтение и надписей на черепках [26, с. 55], рис. 6-2. К сожалению, он не объясняет, что означает его дешифровка LAU(V) и SI. Однако можно предположить, что если читать в обратном порядке, который был принят для основной надписи, получится слово ISUAL или ISVAL, что похоже на славянское слово ИЗЪЯЛ, так что при желании и надпись на черепках можно принять за славянскую. Заметим, что надпись на втором черепке он расположил в вертикальной плоскости. Таким образом, хотя надпись можно было дотянуть до славянской (в духе А. Шёгрена), этого сделано не было, поэтому данное чтение даже с позиций самого дешифровщика выглядело неудовлетворительным.

Дешифровка на основе еврейской графики. К попыткам прочитать слоговые надписи как буквенные относится и дешифровка австрийского исследователя доктора Генриха Ванкеля; он принял данную надпись за финикийскую и дал транскрипцию еврейским квадратным письмом, что обозначало: ПАМЯТНИК ВААЛА. ЗДЕСЬ МЫ ЕГО ВЫДОЛБИЛИ (ВЫСЕКЛИ) [27, с. 36], рис. 7-2. Разумеется, подобная интерпретация надписи кажется весьма странной: откуда под Смоленском появились финикийцы? Чтение, как и у Лецеевского, производится справа налево; ни один знак транслитерации совершенно не соответствует оригиналу по его форме.

Публикации и чтения Карла Болсуновского. В начале XX века К.В. Болсуновский занялся проблемой княжеских знаков. Весьма занимательно о его подходе к их чтению рассказывает В.С. Драчук: «*1907 год. Полным ходом идут раскопки в г. Киеве. Находок очень много, и среди них – кусок изразца с загадочным изображением. Им заинтересовался К. Болсуновский. К. Болсуновский предположил, что найденный знак не что иное, как монограмма. В разработку этой гипотезы и были вложены все силы ученого. Но почему*

именно монограмма? К. Болсуновский объяснил это следующим образом. В свое время, когда знак появился, его значение, несомненно, было ясно и понятно всем, но затем, вследствие усложнения геральдических условий знак этот, дополненный различными прибавлениями, утратил свой первоначальный вид и, наконец, его первоначальный смысл остался совершенно забытым. Исследователь ищет объяснения таинственному знаку на монетах Боспорского царства, разыскивает аналоги в самой Византии, сравнивает с другими знаками на древнерусских монетах. Наконец, дешифровка завершена. Таинственный знак, словно сложная конструкция, был разобран на составные части, которые образовывали монограмму. Она состояла из греческих букв и читалась как БИЗИЛЕВС. То есть ЦАРЬ. Но исследователь хотел установить, кому эта монограмма могла принадлежать. И вскоре ответ был дан: князю Владимиру... Однако имя было отождествлено с монограммой лишь на основании одинакового количества букв. Такая расшифровка мало кого убедила. Значки эти вызвали и до сих пор вызывают оживленные дискуссии. Спорили преимущественно о том, что же они означают, как их расшифровать, на что они могут быть похожи. Условно эти таинственные эмблемы называли «знаками Рюриковичей».»Наверное, это схематическое изображение древнего корабля», –говорили одни. – «Да нет же, это изображен светильник, – утверждали другие. Третьи придерживались мнения К. Болсуновского, что это – зашифрованная монограмма, читающаяся как БАСИЛЕВС, то есть ЦАРЬ. Особенно жаркие споры велись вокруг древнейших русских монет X-XI веков, на которых рядом с изображением князя или занимая обратную сторону монеты стоял такой знак» [28, с. 205-206]. Описание действий К. Болсуновского весьма интересно. Работа К. Болсуновского действительно появилась в 1908 г. и содержала рис. 8-1 [29, с.7] в качестве изображении на кирпиче, найденном в усадьбе г. Г. Петровского, а также его дешифровку, рис. 8-2 [29, с.7]: БАСИЛЕВС. Вообще говоря, этот эпиграфист ничего необычного не придумал. Он дает ссылку на работу Хр. Гиля и приводит монограммы с титулом или именем царя на боспорских монетах, рис. 8-3 [29, с.7], где тоже читается БАСИЛЕВС, рис. 8-4. В отношении применимости подобного порядка чтения к русским знакам К. Болсуновский замечает следующее: «*Сам обычай употребления букв для образования знаков собственности весьма древний и сохранился у славян до XVI столетия; мы можем привести следующие доказательства: хорваты уже в XII столетии имели обычай метить инициалами своих дедов (предков) границы своих владений. Об этом сохранился документ с 1247 года; северных славян (ciosna), употреблявшихся на Руси и в Польше. Их вырезали на деревьях, либо, как в Хорватии, на граничных камнях; знаки эти были излюбленными и для рыцарских гербов. Обычай этот продолжался очень долго, и потому накопилось в геральдике много гербов из инициалов, заимствованных даже из кирилловского алфавита, как это показал господин Даровский. Мы находим в геральдике до 50 гербов с эмблемами, возникшими из букв кирилловского алфавита, а именно из букв П, М, Ш, Щ, Х и т.д., переплетенных с луной, крестами, якорями, стрелами и т.п. – именно такие символы мы видим и на более ранних гербах наших киевских Рюриковичей. Долгое употребление глаголицы на юге земель славянских и на Руси букв, кои составлены симметрически, должны были отразиться и на применении букв, введенных после кириллицы; их тотчас стали применять к знакам собственности, сохраняя в монограммах ориентационную симметрию, и затем эти знаки собственности перешли в родовые знаки и геральдические*

эмблемы – то, естественно, последние сохранили на себе характер этих общих причин: сочетание букв в эмблемах с передачею креста, луны, стрелы и тому подобных предметов мы видим не только в русской геральдике, выделенной Даровским, но и на рассматриваемых нами знаках Рюриковичей» [29, с. 5-6].

Таким образом, К.В. Болсуновский предполагает, что родовые знаки включают в себя инициалы их хозяев. Однако, к сожалению, ни одного конкретного примера он не приводит, хотя публикует множество княжеских знаков с монет (сребренников) Владимира, Святополка, Ярослава и других князей. Тем самым интересное предположение осталось недоказанным и, кроме того, не состыковалось с другим предположением, а именно о том, что из отдельных элементов знака можно составить титул князя, например, ВАСИЛЕВС. Ведь не может же один и тот же знак носить и обозначение титула, и инициалы владельца – для этого просто потребуется очень много элементов внутри знака.

Карл Болсуновский обозначил новое направление, по которому пошел ряд исследователей.

Пробуждение интереса к хазарской письменности. В начале XX века ряд выдающихся русских археологов занимался раскопками юга России. При этом их занимали и вопросы происхождения русской письменности. Возглавил это направление исследований археолог А.А. Спицын, который в 1908 г. познакомил общественность с надписями на камнях Маяцкого городища, зарисованные художником В. Струковым еще в 1897 году. А.А. Спицын признал надписи аланскими или хазарскими, относящимися к VIII-IX вв. нашей эры и являющиеся по характеру начертания знаков арамейскими в своей основе. Позже он пришел к выводу о происхождении глаголицы из знаков Маяцкого алфавита и о дальнейшем распространении ее на Балканах. Тем самым у русской глаголической письменности появился хазарский след. А поскольку глаголица к тому времени считалась более ранним типом славянского письма по сравнению с кириллицей, хазарская письменность стала изучаться как возможное протописьмо славян. Оппонентом Спицына выступил А.С. Раевский, который в 1919 г. выводил глаголицу из сходства с самаритянскими, пальметскими, пехлевийскими и коптскими знаками. Но в лице смоленского археолога Л.Я. Лавровского А.А. Спицын нашел поддержку, ибо тот предполагал скифское происхождение маяцких надписей и в 1926 г. выступил с сообщением о дешифровке двух скифо-сарматских надписей. Таким образом, А.А. Спицын был пионером в хазарской трактовке славянской письменности.

В более позднее время, уже после войны, в 1949 г. на заседании сектора этногенеза Института материальной культуры Б.А. Рыбаков сделал доклад «К вопросу о письменности в русском каганате». По мнению Б.А. Рыбакова, русским алфавитом до X века как раз и были знаки на кирпичах из Саркела и на сосудах из Надь-Сент-Миклошского клада. Тем самым, мнение А.А. Спицына стало господствующим, несмотря на очевидное несходство хазарских и славянских знаков. Однако в то время надписей было известно мало, и потому одни знаки было легко принять за другие. Кроме того, данную точку зрения поддержал и В.В. Бартольд. Основываясь на рукописях персидского историка XIII в. Мерверруди, повторившего более древние источники, Бартольд делал вывод о заимствовании хазарами некоторых знаков русского письма у русского народа [30, с. 17]. Хотя при этом получается, что не русские заимствовали хазарские знаки, а наоборот, но все равно получалось, что развитие русской

письменности было каким-то образом связано с развитием письменности хазар. Для более подробного исследования были необходимы достаточно крупные, в несколько слов тексты, и вскоре они были обнаружены.

Описания М.И. Артамонова. Одним из первых, в 1954 году, описал два любопытных хазарских предмета с неизвестными надписями М.И. Артамонов. «*В Новочеркасском музее давно уже хранится баклажка с рунической надписью по верхнему краю ее лицевой стороны. Хотя надпись эта состоит не менее, чем из 16 знаков, все попытки дешифровки ее оканчивались неудачей. Во время Великой Отечественной Войны в мае 1942 года в Новочеркасский музей поступила вторая такая же баклажка с надписью... Баклажки, на которых находятся интересующие нас надписи, – обычные сосуды для воды или кумыса, широко распространенные у средневековых кочевников Причерноморья и Венгрии и в несколько измененном виде продолжающие бытовать до настоящего времени... К сожалению, сосуды подобного рода почти не издавались*» [31, с. 263]. М.И. Артамонов приводит рисунки, как сосудов, так и надписей на них. Он отмечает, что «*попытка Немета выдать болгарские надписи на сосудах Сент-Миклошского клада за печенежские лишний раз свидетельствует о тюркском типе надписей болгарского, а следовательно, и хазарского языка*» [31, с. 263]. Таким образом, М.И. Артамонов атрибутировал данные надписи как хазарские.

Чтение А.М. Щербака. Первую попытку их чтения предпринял в 1959 году А.М. Щербак [32]. Его результат подвергся сильной критике и к тому же не имел отношения к славянским знакам, поэтому мы его не приводим. Однако Г.Ф. Турчанинов отмечает, в частности, неточность в передаче знаков в прорисях А.М. Щербака, что, видимо, имелось еще в публикациях М.И. Артамонова, и приходит к выводу о том, что А.М. Щербак «*не дешифровал письмо Маяцких камней и Новочеркасских фляг*» [33].

Чтение Г.Ф. Турчанинова. Этот исследователь в 1964 г. предпринял попытку прочитать надписи упомянутых двух сосудов как буквенные на основе аланских и косожских языков, относящихся к иранским и стоящим в родстве с языком современных осетин. Он получил чтения: ХУМИГ КЪАН ЗАЙ. ЛАЙУК ЗАУЭ КУУАЙ. ЛЪА^{Н}БК. ЛЪА^{Н}П, что означало СОСУД (КЪАН) ДЛЯ ВОДЫ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ВОИНУ КУУЕВА РОДА. ЗНАТНЫЙ БЫЛ и другое чтение, ЛУХ'А. К'АЙСИХ. КАН. КАЙСЫХА, что означало МУЖЕСТВЕННЫЙ ВОСПИТАННИК КАЙСИХИ, СЮДА ПРИПЛЫВШИЙ [33, с. 83].

Чтение И.А. Фигуровского. В 1957 году, после работы М.И. Артамонова, но до статьи А.М. Щербака прочитать надписи на баклажках попытался И.А. Фигуровский, но уже по-славянски. Вряд ли он отдавал себе отчет в том, что читает тюркские руны [34, с. 169]. Результат получился таким: ЛМЕСИ РИМЕСИ ОЛМЮК (не правда ли, самое что ни на есть русское звучание!) На другой баклажке с его точки зрения написано нечто совершенно иное [34, с. 173]. Здесь И.А. Фигуровский читает: ЛЬПИЛ(Ъ) СЕЙ ОЛМЮК ВСИЖЯЧИЙ ВЪЧ(ЯДИН)Ъ ИЗ(Ъ) РОСЙОРТА. Вероятно, это означает: ЛЕПИЛ ЭТОТ ОЛМЮК ВИСЯЧИЙ ИСЧАДИН ИЗ РОСЙОРТА (РОССИИ?). Даже в этом случае насилие над русским языком бросается в глаза.

Как видим, славянские надписи принимались за коптские, синайские, финикийские, греческие, глаголические, германские и хазарские рунические, причем в двух последних случаях были попытки не только соответствующего чтения славянских надписей, но и, наоборот, славянского чтения рунических

текстов. Все проведенные чтения на основании таких предположений приводили к весьма плохому качеству полученного результата; даже если он был в какой-то степени осмысленным, звучал он все-таки не по-русски. Впрочем, это указывает на то, что среди славянских знаков встречалось несколько таких, которые походили на соответствующие буквы перечисленных видов письма.

Глава третья
Выход на правильное понимание и дешифровку

В предыдущей главе было показано, что даже прямой контакт с текстами славянского слогового письма вел к его неправильному пониманию, в чем, однако, исследователи убеждались лишь после получения очень сомнительных чтений. Становилось очевидным, что даже накопление новых эпиграфических материалов славянского слогового письма при неверной его оценке не позволяет прочитать без натяжек ни одного русского слова. Вероятно, следовало пристальнее вглядеться в уже опубликованные образцы.

Гипотеза Е.М. Эпштейна. В 1947 г. Е.М. Эпштейн собрал наиболее яркие примеры существования письменности в средневековой Руси и поместил в своей статье образцы начертания надписи эль Недима, надписи из Алеканова и черниговской надписи Самоквасова. Перейдя к более подробному анализу надписи из Алеканова, Е.М. Эпштейн писал: «*Отсутствие повторяющихся знаков можно отнести за счет того, что письмо могло быть слоговым, где каждый рисунок мог быть слогом или даже словом*» [35, с. 25]. По сути дела, это допущение означало, что славянское письмо было слоговым или даже иероглифическим. Эта мысль, конечно, в то время казалась не просто странной, но даже дикой. Что же касается Эпштейна, то он постарался также указать на существование и других загадочных надписей, кроме тех, изображения которых он воспроизвел; он приводит указания на надписи Маяцкого городища [35, с. 26] и на баклажке из Новочеркасского музея [35, с. 26], которые, как мы видели, относятся не к славянской, а к хазарской письменности; ряд эпиграфистов воспользовался этой «наводкой», но получили псевдодешифровку.

Статья носит двойственное впечатление. С одной стороны, собраны образцы русской средневековой письменности и указано на наличие и других образцов, так что существование этой письменности уже сомнений не вызывает. Более того, сделано предположение об ее слоговом характере. С другой стороны, курсив на тексте Эль Недима, строчное письмо надписи из Алеканова и письмо-ребус надписи Самоквасова выглядели как три совершенно не связанных между собой типа письма.

Кипрская гипотеза Н.А. Константинова. Н.А. Константинов, занимаясь так называемыми «черноморскими» письменами Крыма, выдвинул гипотезу о кипрской принадлежности исследуемых знаков. Поскольку кипрское письмо было слоговым, его силлабарий определен еще в конце XIX века, а последующие исследования открыли чуть ли не до 5 разновидностей каждого знака, образовался массив примерно из двух сотен графем, с помощью которых можно было «читать» надписи Крыма, то есть приводить в соответствие крымским надписям очень близкие по графике начертания Кипра. Пока речь шла о «причерноморской» письменности скифов, которые соприкасались с греками и могли входить в контакт с киприотами, гипотеза Н.А. Константинова была вполне серьезной и имела право на существование в науке. Однако этот

исследователь пошел дальше, и стал связывать кипрское письмо уже с «приднепровскими», то есть со славянскими знаками, хотя средневековую Русь от древних киприотов отделяют 1,5-2 тысячи лет и порядка тысячи километров пространства. Разумеется, такое расширение прежней гипотезы уже не могло быть понято, и исследователь подвергся критике. В подкрепление своей мысли он обратился к русским резным календарям, и там действительно нашел определенное сходство с кипрскими знаками. Это тоже вполне объяснимо, ибо хотя первоначально календарные знаки простого народа содержали слоговые инициалы названия святых или праздников, со временем, по мере забывания слоговой письменности, графемы подвергались упрощениям, искажениям и прочим модификациям, и со времени их стало тоже несколько сот вариантов. А согласно теории вероятностей между двумя большими массивами некоторых элементов обязательно найдутся сходные в каких-то отношениях. Поэтому, как это ни странно, можно говорить о статистическом подтверждении близости славянских и кипрских графем. Кстати, мысль о некотором сходстве таких различных видов письменности вовсе не так уж бесплодна. Если слоговая письменность Европы имеет единственный источник своего происхождения, как это было в отношении алфавита, то и кипрский, и славянский силлабарий окажутся просто разными ветвями одного дерева и, следовательно, между ними обязательно будет иметься какое-то сходство. Так что гипотеза Н.А. Константинова, несмотря на ее экзотичность, не абсурдна; вместе с тем, из сопоставления далеких письменностей больших открытий сделать нельзя, и это великолепно подтвердилось в ходе конкретных дешифровок этого исследователя. Однако, оценивая кипрскую гипотезу Н.А. Константинова ретроспективно, нельзя не отметить ее определенной красоты: если предками греческого алфавита были слоговые знаки Крита, то предками кириллицы, по мысли этого исследователя, могли стать слоговые знаки Кипра. Совсем как в античности: греки вели свое происхождение от героя троянской войны Одиссея, тогда как римляне — от другого героя той же войны, Энея.

Первые дешифровки Н.А. Константинова. Ключевой работой этого петербургского эпиграфиста стала статья 1963 года «Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья» [36]. Приведено всего 7 надписей, содержащих каждая по одному слову из 2-3 слогов; начертания имеют характер монограмм. По сути дела, Н.А. Константинов повторяет ход мыслей К.В. Болсуновского, однако теперь, как ему кажется, монограмма определяет не титул типа ВАСИЛЕВСА, а личное имя. В результате чтения появились такие значения знаков [36, с. 108]: ТИУНУ, что означает ТИУНЪ; ТИОУНО, что означает ТИУНЪ; ПОТАПО, что означает ПОТАПЪ; ПЕОНО, что означает ПЕОНЪ; МИНОТОРО, что означает МИНОДОРА, ПОСИТОНО, то есть ПОСЕЙДОНЪ; ТЕОКОНОСОТО, что означает ФЕОГНОСТЪ, рис. 9. В результате в качестве итогов оказались имена греческого происхождения, как если бы в Михайловском монастыре жил ПОТАП, на Оке проживала МИНОДОРА, в небольшом украинском селе Хатки проживал ПОСЕЙДОН, а под Черниговом существовал ФЕОГНОСТ (БОГОЗНАТЕЦ). Конечно, чего только на свете не бывает, однако в такую версию поверить весьма сложно. Да и лить формочки для ТИУНА как-то тоже не с руки: так ли уж много тиунов было в Киевской Руси, чтобы организовывать массовое производство отливок с их обозначением? Как известно, тиунами назывались управляющие хозяйством. Их было, видимо, не больше чем дворян, но вот монограмм с надписью БОЯРИН или ДВОРЯНИН Н.А. Константинов нам не демонстрирует. Больше всего,

конечно, впечатляет украинский крестьянин ПОСЕЙДОН, заказавший специальную металлическую табличку со своим именем.

Однако целью Н.А. Константинова было не точное чтение каждой надписи, а демонстрация метода: он показал, что слоговым способом читать можно, и что при этом получаются осмысленные значения. А уж насколько полученные чтения соответствуют реальным историческим объектам – это задача гораздо более серьезная, и на нее Н.А. Константинов даже не замахивался. Данная статья оказалась последней в его творческой деятельности; из этого можно сделать вывод, что он выполнил все свои замыслы, дав некий образец для чтения, но, вовсе не претендуя на реальное раскрытие значения всего пласта слоговых надписей Руси. Поэтому и мы высоко ценим этот весьма сырой результат: Н.А. Константинов показал, что русские надписи можно читать слоговым способом. А уж как их читать конкретно – это задачи последующих исследователей.

Подход Г.С. Гриневича. Поскольку отношение к этому исследователю в современной отечественной науке неоднозначно, отметим лишь, что его предшественниками были Френ, Магнусен, Шёгрен, Ванкель, Крольмус, Пекосиньский, Дрошевский, Лецеевский, Гедеонов, Болсуновский, Спицын, Турчанинов, Энговатов, Фигуровский, Константинов – как минимум 15 человек со своими предположениями и методиками. Вряд ли этот эпиграфист знал о существовании их всех, иначе его подход был бы в корне другим. Однако мы вынуждены напомнить об этом, поскольку, по мнению В.Г. Родионова «*докириллическое славянское письмо открыто, бесспорно, Гриневичем*» [37, с. 104]. Вероятно, В.Г. Родионов также не представлял себе количество эпиграфистов, пытавшихся прочитать этот вид письменности. Однако они существовали, так что Г.С. Гриневич был далеко не первым исследователем. Он был также не первым, кто подозревал, что славянские памятники можно читать слоговым способом. До него такое предположение высказал не только филолог Эпштейн, но и археолог А.Л. Монгайт: (1961 год): «*По вопросу о знаках на алекановских сосудах возникла довольно значительная литература... Сопоставление свойств русских и иностранных источников позволяет прийти к выводу, что у восточных славян существовала письменность еще до введения христианства. Может быть, алекановские сосуды представляют собой один из образцов такой письменности, те самые «черты и резы», о которых упоминает в X веке черноризец Храбр. Если это так, то вряд ли письменность была алфавитной: на алекановских сосудах нет повторяющихся знаков. Может быть, это слоговое письмо*» [38, с. 161]. И, как мы видели, в 1963 г. Н.А. Константинов уже начал систематически читать славянские памятники слоговым способом; кстати, он был знаком и со статьей Эпштейна. Так что и в этом отношении Гриневич был как минимум четвертым. Сам Г.С. Гриневич не настаивает на своем приоритете в слоговом чтении, но пытается прочитать по-славянски протоиндийскую, этрусскую, эгейскую письменность, а также надписи германских и хазарских народов. Конечно, это своеобразный героизм, но, судя по полученным результатам, можно лишь пожалеть о затраченных эпиграфистом усилиях, да еще посетовать на дискредитацию им науки о письме. К крайнему сожалению, он проявил себя в этих попытках как новичок, как человек, пришедший уж очень со стороны, и потому не знающий элементарных положений. Сказать об этих чтениях, что они «открыли докириллическое славянское письмо» было бы не только большой натяжкой, но

просто профанацией. Поэтому его заслугой остается лишь область собственно славянских и протославянских надписей.

Чтение наиболее древней праславянской надписи. Уже в журнальном варианте Г.С. Гриневич предпосылает своему чтению такую преамбулу: «*…Трипольцы являлись наследниками культуры Винча-Турдаш, с которой связаны древнейшие на нашей планете письменные памятники и, в частности, глиняная табличка, найденная в 60-е годы близ румынского поселка Тэртерия. Возраст памятника по данным радиоуглеродного метода составляет 7 тысяч лет. Табличка имеет круглую форму. Вертикальной и горизонтальной линиями поле таблички поделено на четыре части. В каждой из них от двух до пяти знаков, но два знака в третьей по счету (против часовой стрелки) [строке] полустерты и вряд ли их когда удастся восстановить. Тэртерийские знаки в графическом отношении абсолютно идентичны знакам праславянской письменности, фонетическое значение которых было установлено при чтении надписей, исполненных письмом типа «черт и резов», этрусских, критских и протоиндийских надписей, и потому чтение тэртерийской надписи не составило большого труда: РОБЕ ЕТЬ (ять) ВЫ ВИНЫ [...] Д’АРЬЖИ ОБЪ. Перевести этот текст может любой, знающий славянские языки, даже не заглядывая в словарь. Ведь РОБЕ – это «робята, ребята», «дети» и ЕТЬ (ять) – форма глагола «яти, иму» – «взять, брать»; и местоимение ВЫ – «вас», то есть «ваши» (вспомните знаменитое славянское ИДУ НА ВЫ). Можно догадаться, что слово ОБЪ означает «около, рядом»... и ВИНЫ – «вина», это то, в чем мы провинились, грешны. Так что перевод текста, написанного нашим предком в пятом тысячелетии до н.э. звучит просто и понятно: ДЕТИ ПРИМУТ ВАШИ ГРЕХИ ... ДЕРЖИТЕСЬ ОКОЛО (держитесь детей своих)*» [39, с. 28], рис. 10-1. Сама дешифровка в журнальном варианте отсутствовала. В книжном варианте картинка появилась [40, с. 315], рис. 10-2. Данное чтение не совсем понятно. Если первым квадрантом считать левый верхний, то по логике вещей вторым следует считать не левый нижний, а верхний правый. Но тогда сначала надо прочитать верхнюю строчку, потом среднюю и, наконец, нижнюю. Это даст совершенно иной порядок чередования знаков. Если с чтением первого знака можно согласиться, то второй знак вовсе не БЕ, а ДА, как в слове ДАРЖИ. Но тогда получается, что первое слово будет РОДА, а не РОБЕ. Знак под Ш Г.С. Гриневичу хорошо знаком, это ЖА/ЗА, однако он его не читает. Читаемы и «полустертые» знаки, это два ВЪ/ВО и параллельные линии ДИ/ДЫ. Совершенно удивительно, что предпоследний знак прочитан не ВО (как следует читать слоги), а О (как буква кириллицы). Короче говоря, из 17 знаков 4 не прочитаны и 2 прочитаны неверно, то есть треть надписи искажена, а последовательность чтения избрана неверно. Удивительно, что вообще что-то удалось прочитать! Удивляют и слова. Слово РОБЕ нам никогда не встречалось в надписях, хотя несколько раз встречалось слово БЕБИ. Слово ДЕРЖАТЬ никогда не изображалось как ДАРЖАТЬ. Конец фразы оказывается не на правом нижнем квадранте, где он должен быть при любом порядке чтения, а на правом верхнем, и тут мы встречаем слово, состоящее из одной приставки, ОБЪ! Еще более удивителен смысл, уместный разве что в христианстве, где грехи родителей становятся грехами детей. Допустить такое морализаторство в культуре Винча кажется более чем странным. Короче говоря, по всем показателям данное чтение Гриневича не выдерживает критики. В монографии появляются некоторые новые моменты описания. Так, Д’АРЖИ понимается как слово ДЯРЖИ (белорусский вариант произношения!), а ОБЪ – как предлог

ОКОЛО [7, с. 252]. Но остается неясным, почему ПРЕДЛОГ должен стоять ПОСЛЕ слова. В последующих выпусках журнала непрочитанный кусок текста стал читаться как ЩЕЖА ЙЕ, то есть, ЩЯДЯ ЕГО. Так что теперь общий смысл стал таким: ДИТЯ ВОСПРИМЕТ ВАШИ ГРЕХИ, – ЩАДЯ ЕГО, ДЕРЖИ ЕГО ПООДАЛЬ (вторая страница обложки журнала «Русская мысль», № 1-6 за 1994 год). Следовательно, слово ОБЪ из ОКОЛО превратилось в ПООДАЛЬ, поменяв свое значение на прямо противоположное. Вообще для издателя В.Г. Родионова это изречение стало любимым, и он стал заполнять им пробелы между статьями журнала, не отдавая отчета в том, что много раз цитирует эпиграфический полуфабрикат, чтение которого только начато.

Наш комментарий. Г.С. Гриневич поторопился, объявив данную надпись прочитанной. Тем не менее, перед нами добротный протославянский текст, который действительно можно прочитать. Мы читаем его так, рис. 10-3. Текст гласит: РОДУ ДАНА ЖЕРТЬВА БЕ. СЬТАВИ ВЫШЕ НИЗА ВЪ ВОДЕ. Это означает: РОДУ ДАНА БЫЛА ЖЕРТВА. СТАВЬ (ЕЕ) ВЫШЕ НИЗА (ИДОЛА РОДА) В ВОДЕ. Текст получается осмысленным и соответствующим ритуалу жертвоприношения. Порядок чтения соответствует расположению трех строк.

К сожалению, основная часть дешифровок Г.С. Гриневича оказалась неверной, причем не только неславянских письменностей, но и значительной части славянских. Неславянские тексты читать по-славянски, разумеется, бессмысленно; однако и славянские этот исследователь читал с рядом натяжек, поскольку не знал многих слоговых знаков, допускал их перестановки, и не разлагал лигатуры. Вместе с тем, пусть с ошибками, но некоторые надписи были прочитаны осмысленно. Их я проиллюстрирую тремя лучшими примерами.

Чтение надписи на иконке из Слободки. Одно слово вычитывает Г.С. Гриневич на обломанной иконке с городища дер. Слободка на Навле, относящейся к IX-X векам, и это слово – КАВЕДИЕ [39, с.11, рис. 4-3], рис. 11-1. Из этой надписи Г.С. Гриневич вычитывает мало понятное слово КАВЕДИЕ, которое вообще никак не комментирует и даже не воспроизводит в основном тексте статьи в журнальном варианте. Комментарий появляется только в монографии, где из словаря Срезневского вытаскивается слово КАВЕДЬ в значении КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ. Вряд ли значение каменного монумента подходит для глиняной иконки, ибо глина камнем никогда не считалась, а ее размеры крайне скромны, так что данное чтение – ошибочное. Рассматривая надпись знак за знаком, можно отметить, что два первых знака прочитаны верно, КА и ВЕ. Однако третий знак никогда не имел значение ДИ, а является знаком МО/МЪ без правой мачты. Четвертый знак не может быть прочитан как ВЕ, поскольку он округлый; знак Е вообще состоит из одной черты. Тем самым два последних знака определены и прочитаны Г.С. Гриневичем неверно, что дает основание для утверждения, что и эта надпись прочитана им ровно наполовину.

Наш комментарий. Изображение иконки заимствовано эпиграфистом, видимо, из работы [41, с. 163, рис.59-2]. Т.Н. Никольская обращалась к чтению надписи на ней и ранее. Первый раз она опубликовала довольно подробное изображение, снабдив его таким пояснением: «*Заслуживает также упоминания глиняная иконка с изображением Иисуса и подписью ИСИС, изготовленная, очевидно, местным мастером*» [42, с. 10, рис. 4-1], рис. 11-4. Как видим, текст ИСИС как искаженное написание имени Иисуса мало

подходит, ибо первый знак никак не является кирилловской буквой И, а второй – буквой С, хотя все знаки на изображении 11-2 видны отчетливо. Очевидно, несоответствие надписи кирилловским буквам заставило исследовательницу дать другое изображение, рис. 11-3, и теперь уже отнести иконку с ее надписью к «предметам импорта». Мы же читаем надпись как КАВЕМЪСЯ, то есть КАЕМСЯ, рис. 11-5, и считаем, что надпись, как и иконка, являются русскими и по месту изготовления, и по смыслу надписи.

Чтение надписи эль Недима. Здесь мы вступаем область уже достаточно обжитую эпиграфистами. Г.С. Гриневич предлагает такое чтение данного текста [39, с. 11 , рис. 4-2], рис. 12-1. Надпись, поделенная им, рис. 12-2, гласит: РАВЬИ И ИВЕСЪ (вариант: ИВЕРЪ) ПОБРАТАНЕ, рис. 12-3. Нас приятно удивило разложение второй лигатуры, образующей слово БРАТАНЕ, которое мы считаем виртуозным и вообще говоря, мало типичным для этого эпиграфиста. Несомненно, это чтение следует признать большой удачей; к нему у нас нет ни малейшего замечания. К сожалению, однако, чтение первой половины текста дает нечто невразумительное. Кто такие РАВЬИ? Кто такой ИВЕСЪ или ИВЕРЪ? Что такое ПОБРАТАНЕ? (Русское слово будет иным, ПОБРАТИМЫ). В журнальном варианте сам эпиграфист недоумевал: РАВЬИ И ИВЕРЪ – два мужских имени? Или русские и грузины? [39, с. 10]. В монографии оба варианта были узаконены: РАВЬИ И ИВЕСЪ (ИВЕРЪ) ПОБРАТАНЕ, то есть СОЮЗНИКИ [40, с. 52]. С точки зрения правильности чтения сомнение вызывает разложение уже первой лигатуры, где эпиграфист не замечает верхнего горба, знака БЕ, но вычленяет угол, знак ВЕ/ВЬ. Поэтому слоговой знак РА/РО выходит у него при чтении на первое место, хотя он должен быть прочитан вторым. Следовательно, первый знак – не РА, а второй – не ВЬ. Далее прочитаны три знака И подряд и знак ВЕ, прочитаны правильно. Но седьмой знак разделен Гриневичем на два, каждый из которых прочитан неверно, один как СЪ (РЪ), другой как ПО. Честно говоря, ни для того, ни для другого чтения этих половинок нет никакого основания. Тем самым из 12 знаков верно определены 8 – надпись прочитана на три четверти правильно! Подобный результат можно смело назвать выдающимся, если учесть, как много ошибок делалось в предшествующих чтениях!

Наш комментарий. На наш взгляд эта надпись читается БЕРОЙ И И ВЕДИ БРАТАНЕ, что означает: БЕРИ ЕГО И ВЕДИ К БРАТАНАМ! Гриневича смутила первая лигатура (выше мы уже отмечали, что он не силен в разложении лигатур), а также необычное начертание знака ДИ в слове ВЕДИ, где левая мачта оказалась подпорченной (вероятно, деревянный «рез» в данном месте выщербился).

Чтение надписи из Алеканова. Этой надписью открывается вся галерея чтений Г.С. Гриневича, так что в каком-то роде она является образцово-показательной. Судя по тому, что он обнаружил в надписи фигурки разных зверушек, как-то: зайца, рыси, собаки, а также человека, он вглядывался в нее в течение многих лет. С нее, по сути дела, и пошла вся его дешифровка. В результате получилась такое чтение [39, с. 11, рис. 4-1], рис. 12-4: НАДО БЕ ЗАКРЫТЬ, ВЪ ЧЕЛО ВЪСАДИВЪ. Под ЧЕЛОМ подразумевается отверстие русской печи. Казалось бы, результат получен превосходный. «*На горшке из Алеканова надпись содержит практический совет хозяйке горшка*», полагает эпиграфист [39, с. 10]. Нам, однако, такой совет кажется пригодным только для людей, не знакомых с хозяйством: в огонь горшок обычно не ставят (иначе он закоптится), и крышкой не накрывают (паром ее все равно приподнимет). Если

же имеется в виду металлическая плита над огнем, то там достаточно жарко, и совет «*закрыть горшок, чтобы не остывала находящаяся в нем еда*» [40, с. 50] большого смысла не имеет, ибо пока в духовке жарко, еда в нем не остынет даже в горшке без крышки. Иными словами, совет закрывать крышку хотя и хороший, но бессмысленный. Ради него не стоит трудиться делать надпись. С эпиграфической точки зрения можно согласиться с чтением Г.С. Гриневичем первого знака как НА, хотя он больше напоминает ЗА, но уж никак не второго, который нигде не читался как ДО. Третий знак может читаться и БЕ, и ПЕ, равно как и БИ, и ПИ. Четвертый знак представляет собой СА/СО, но не ЗА, как полагает эпиграфист. Кстати, третий от конца точно такой же знак он читает именно как СА. Пятый знак, вероятно, действительно КА с вирамом. Шестой знак отличается от РЫ угловатым начертанием. Седьмой знак, возможно ТЬ, но очень крупный, как и третий; в принципе он может читаться как ШЕ/ШИ. Восьмой, одиннадцатый и последний знаки – это, действительно, ВЪ. Девятый можно принять за ЧЕ/ЦЕ, но и за лежащий на боку ПО/ПЪ, а десятый явно представляет собой лигатуру, где ЛО составляет чтение лишь правой части монограммы. Остальные знаки, действительно, СА и ДИ. Тем самым сомнительными оказываются знаки 1, 2, 4, 10, или четырех из 16. И опять этот результат в 3/4 прочитанных знаков можно считать великолепным!

Наш комментарий. В нашем чтении на рис. 12-2 мы предложили вариант: ЗАСТУПИ СЪ КРЫШИ, В ПЪКЛО ВЪСАДИВЪ [43, с. 48], – но нас самих не очень устраивало чтение тех же знаков. Теперь я предлагаю чтение: ЗАТОПИТЬ, СЪКРЫТЬ, ВЪ ЖЕРЬЛО ВЪСАДИВЪ, рис. 13-2, что означает *ЗАТОПИТЬ (В ЖИДКОСТИ И ТЕМ САМЫМ) СКРЫТЬ, В ГОРЛОВИНУ ВСАДИВ*. Из этого следует, что автор надписи поручал сообщнику скрыть содержимое данного горшка, поместив этот горшок в другой сосуд с не очень широким горлом. Надпись является очень сложной для чтения за счет изобретения автором ее ряда украшений для стандартных знаков, из-за чего приходится гадать, является ли знак надписи лигатурой, или новой авторской графемой. Черепок из Алеканова № 1 , рис.13-4 [35, с. 371], я читаю ЛЕЖАЛЕ, то есть *ВЫДЕРЖАННОЕ*, на втором черепке имеется 2 знака, рис. 13-3 [35, с. 371], которые я читаю справа налево как ВИНО. Тем самым проясняется, куда автор основной надписи хотел поместить горшок с возможным кладом: в горловину амфоры с вином. Надпись хотя и оказывается производственной, но граничит с тайнописью, что и повлекло усложнение знаков. Надпись сложна именно тем, что возможно несколько вариантов чтения. Например, вполне возможно прочитать первые слова как ЗАТЕЙ БЕСЪ КАСТЕЙ, если считать, что «вирам» стоит слева от знака. Но можно прочитать и НА ТЕБЕ СОКРЫТЬ. Вторая половина текста тоже может быть прочитана по-разному, например, ВЪ ЧЕРЕСЪЛА ВЪСАДИВЪ. Возможно, два самых крупных знака должны быть прочитаны в первую очередь, образуя нечто вроде слова ПИТЬ или ПИТЬЕ. Возможно также, что знаки ВЪ являются словоразделителями, как предполагали некоторые эпиграфисты. Тем самым мы хотим подчеркнуть, что сложность текста вызвана не тем, что эпиграфисты не знают каких-то знаков надписи, а, напротив, тем, что в силу их небрежного начертания каждый знак надписи может быть прочитан разными способами, то есть, возможно множество решений. Но в этом множестве есть очень сомнительные предположения, на которые мы и указали, рассматривая чтение Г.С. Гриневича. Заметим также, что надписи на двух других черепках он читать и не пытался.

Чтение надписи из дома Ипатьевых. Последняя надпись, рис. 12-5, была рассмотрена Г.С. Гриневичем отдельно от остальных и с нашей подачи. Хотя редактору журнала «Русская мысль» мы предоставили ряд наших дешифровок, он предпочел издать только эту, показав ее Г.С. Гриневичу; тот с ней не согласился и предпочел свой вариант [37, с. 106], рис. 12-6. Результат гласит: ВЫ – РАБЫ НЕТИ. При этом слово НЕТЬ понимается Г.С. Гриневичем (который распространяет его и на праславянский язык) как ИНОЙ МИР, ЗАГРОБНЫЙ МИР. Следовательно, в доме, где был расстрелян последний русский император, кто-то начертал: ВЫ – РАБЫ ЗАГРОБНОГО МИРА. Что ж, эта версия не лишена логики. Хотя, если задуматься, противопоставлять СЕБЯ ИМ, это означает противопоставлять палачей жертвам. Но палачами были большевики, которые вряд ли знали тайну слоговой письменности. Жертвы же из дома императора могли знать эту тайну, но они должны были называть себя МЫ, а не ВЫ. Наконец, слово НЕТЬ современным русским неизвестно. Поэтому данный результат чтения кажется нам сомнительным. С эпиграфической точки зрения сомнение вызывает знаки 2 и 5 и, кроме того, пропущен один знак в конце центральной лигатуры, который Г.С. Гриневич вообще не выделяет. Тем самым из 6 знаков надписи, верно прочитаны 1, 3 и 5 (считая четвертый непрочитанным), то есть надпись прочитана наполовину. Это тоже следует признать хорошим результатом чтения.

Наш комментарий. Надпись из дома Ипатьевых [44, с. 7, рисунок] состоит из трех однозначно читаемых одиночных слоговых знаков и центральной монограммы, вызывающей наибольшие сложности в чтении, рис. 12-5. Крайние слоговые знаки понятны, это ВИ/ВЬ, НЕ и Я. Центральный знак, однако, мог быть поделенным на РА, БО, ГУ, рис. 12-7 или на НЕ, СУ, ЛИ, рис. 12-8 [37, с. 105]. Г.С. Гриневич нам справедливо указал на то, что выделение из лигатуры слога РА и его отнесение к предыдущему знаку ВИ для образования слова ВИРА вряд ли допустимо; то же самое можно сказать и в отношении варианта со словом ВЫНЕСУ [37, с. 106]. С этим следует согласиться. Поэтому мы предложили третий вариант; поскольку к настоящему времени нами накоплен опыт чтения отдельно стоящих знаков ВЕ/ВИ как предлога ВЬ в смысле В; кроме того, несколько раз встречались слоговые знаки, обозначающие слово БОГЪ. Этот третий вариант учитывает замечания, и предлагает такое чтение: ВЬ НЕБЕ БОГЪ – НЕ Я, рис. 12-9. У нас есть уверенность в том, что это чтение уже гораздо более надежное. На этом примере видно, что сложные тексты с неоднозначным чтением знака или неоднозначным разложением лигатур вряд ли могут быть верно прочтены с первого раза. Ничего постыдного или порочащего чести эпиграфиста в этом нет. Ведь и в спорте спортсмену дается несколько попыток, хотя засчитывается лучшая. Именно поэтому первые чтения Г.С. Гриневича, дающие верное понимание половины знаков, мы сочли хорошими, а дающие 3/4 правильных результатов – просто великолепными. Другое дело, что на начальном этапе останавливаться нельзя, а следует идти вперед, несмотря на то, что не все вершины покоряются сразу.

Давая же этому эпиграфисту общую оценку, можно сказать, что он ЧАСТИЧНО ПРОЧИТАЛ 5 СЛАВЯНСКИХ И НЕ СМОГ ПРОЧИТАТЬ ОКОЛО 63 НЕСЛАВЯНСКИХ НАДПИСЕЙ. Кроме того, исследуя ряд текстов, он читал только центральные, не обращая внимание на дополнительные (таких оказалось по меньшей мере 6 из числа рассмотренных). Тем самым сказать, что это письмо открыто только Гриневичем, или хотя бы что оно было им впервые прочитано, нет оснований. ГРИНЕВИЧ НЕ ПРОЧИТАЛ ПОЛНОСТЬЮ НИ

ОДНУ СЛАВЯНСКУЮ НАДПИСЬ. А его силлабарий, не содержа многих славянских слоговых знаков, разбавлен знаками рунической и хазарской письменности, а также пиктограммами дьяковской культуры. Вместе с тем, было бы неверным и умалить значение его вклада. Он смог собрать ряд славянских надписей воедино, привлечь внимание общественности к существованию этой самобытной письменности, возбудить сердца энтузиастов мнимой легкостью чтения (ибо он продемонстрировал только конечные результаты, не вводя в свою творческую лабораторию, и отбрасывая многочисленные варианты разложения и интерпретации знаков), показать графическую близость ряда систем письма (играя при этом на струнках панславизма) и продемонстрировать весьма правдоподобные результаты дешифровки (для многих лиц, не вникающих в детали, они кажутся вполне убедительными). Иными словами, определенный общественный резонанс его деятельность возбудила. Но успех этой деятельности лежал не столько в научной области (здесь, как мы показали, его успехи достаточно скромны), сколько в плане популяризации эпиграфики и практической дешифровки. С позиций науки, однако, он весьма небрежен, неаккуратен, бессистемен и в ряде вопросов – невежествен.

Однако, как бы ни оценивать вклад этого исследователя, можно отметить, что с его приходом число полностью или частично дешифрованных текстов возросло, а слоговой характер письма стал много более понятен. Кроме того, становилось ясным, что это письмо не заимствовано на Руси X-XI вв., а является вполне привычным и традиционным. Тем самым наметились контуры такого понимания: этот вид письменности уже бытовал на Руси несколько веков; его корни уходят в письменность других народов, которые, будучи весьма далекими от славян, тем не менее писали не только славянской графикой, но и на праславянском языке (этот тезис в корне ошибочен); слоговая графика частично легла в основу глаголицы и кириллицы; самый ранний праславянский текст восходит к культуре Винча; тот же тип письма существовал и в Черняховской культуре.

Подход М.Л. Серякова. Своеобразный подход, и уже после выхода в свет работ Г.С. Гриневича, развивает М.Л. Серяков. Он тоже полагает, что славянская докирилловская письменность была слоговой, однако силлабарий видит совершенно иным, близким по графике к индийскому письму брахми. Хотя с нашей точки зрения этот путь чтения представляется бесперспективным, все же будет интересно взглянуть на полученные здесь результаты.

Чтение надписи Эль Недима. М.Л. Серяков прочитал ее первой, совершенно неожиданно для себя, ибо при обзоре дохристианской письменности не ставил задачу ее дешифровки. Читал он так [69, с. 39], рис. 14-1: ДАЙ УДАЧИ ТЕ, РАТНЫЙ БГ! Текст не вполне понятен, ибо он служил пропуском на территорию русских; такое приветствие было бы уместно, если бы эта записка вручалась князю непосредственно, а не предъявлялась бы каждому постовому. Так что в правильности чтения сомнения возникают уже на этапе рассмотрения общего смысла. Есть претензии и с эпиграфической точки зрения.

Чтение надписи на камне из села Пневище. Эта большая надпись привлекла особое внимание М.Л. Серякова, и он посвятил ее чтению несколько страниц. В результате получилось вот что [5, с. 60], рис. 14-2. Здесь верхняя строка представляет собой графемы надписи, вторая строка – их транслитерацию знаками письма брахми, третья – транслитерацию буквами

современного гражданского русского письма, и нижняя – окончательную редакцию текста. Эпиграфист полагает, что в данной надписи говорится: ВОТ КНЯЖЕ РЕЧЬ ДА(Л): А ГРАДУ ПРАВИ(ТЬ)... НАРЯД. ОДАРИ ТЕПЕРЬ РОД ЩЕКА, КОИ МОГ УЩИТИ(ТЬ) РОТУА. Этот результат редактируется еще раз, и теперь получается гладкая фраза: КОГДА Я УМРУ (?), ГРАДУ ХРАНИТЬ ПОРЯДОК. (БОЖЕ)(?), ОДАРИ ТЕПЕРЬ РОД ЩЕКА, КОТОРЫЙ МОГ ЗАЩИТИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Итак, выходит, что когда-то вблизи деревни Пневище было княжеское захоронение, и на нем якобы была высечена последняя воля князя. Однако, никакого ГРАДА поблизости не было, который должен был ХРАНИТЬ ПОРЯДОК. Не найдено и княжеской могилы. А иметь распоряжение князя в чистом поле весьма странно. Кстати, КНЯЖЕ – это форма звательного падежа от слова КНЯЗЬ, она употребляется только при обращении, но не в повествовании. И на могилах обычно писали эпитафии, пожелания от живущих умершему, но не цитаты из их речей, и не их распоряжения. Кстати, чаще всего на надгробьях упоминаются имена покойных. Так что надгробной данная надпись быть не может. Сомнения усиливаются при взгляде на полученный текст в первой редакции. Тут есть несогласования (РОД...КОИ вместо КОТОРЫЙ) и странные слова (РОТУА, УЩИТИ), которых быть не должно. Сопоставление этого текста с подстрочником показывает огромное желание эпиграфиста сделать его славянским. На самом деле подстрочник гласит (с разбивкой на слова в соответствии с текстом первой редакции): ВТА КАНУЙЖЕ РАЕЧА ДА. ГХАРАДАУ ПИРАВИ (далее идет текст, который М.Л. Серяков счел возможным опустить: РАЕ-РАЕ-РОК) НАРАДА (изображение рыбы). ОДХАРА ТХАПАРА РАДА ЩЕКА, КА МАГА УЩЕТХА РАДАА. Ничего славянского тут также нет. Нечего говорить и о том, что знаки письма брахми плохо совпадают с графикой надписи.

Чтение надписи на печати Святослава. Крупной славянской надписью, прочитанной М.Л. Серяковым, явилась легенда на печати Святослава [5, с. 62-63], рис. 14-3 и 14-5. В окончательном виде этот текст у него читается так: ТО СВЯТОСЛАВ... РОТУ ДАН, рис. 14-4, ГРА(МО)ТУ ИНАХ...У (?) ГАБИЧА [5, с. 63], рис. 14-6. Честно говоря, из него ничего невозможно понять: зачем дан Святослав какому-то РОТУ и что такое ГРАМОТУ ИНАХУ, и кто такой ГАБИЧ. Эпиграфист поясняет: «*Последнее слово может быть именем, а может иметь общее происхождение с древнерусским словом «габити» – «притеснять», и в данном контексте обозначать, вероятнее всего, «оттиск»*» [5, с. 63]. Но и с таким пояснением нам неясно, что означает ГРАМОТУ ИНАХУ ОТТИСК. Ясно лишь, что ОТТИСК что-то делает с ГРАМОТОЙ, но что именно, непонятно. Короче говоря, неудовлетворительность чтения видна уже на уровне окончательного результата. Обращение к подстрочнику дает совершенно неславянский текст: КАТХА САТЛАГА РАТА?? ДАНА ГАРАТХУ ИНАХ?? У ГАБИЧА. И опять знаки письма брахми мало соответствуют графике текста. Особенно велико несовпадение двух знаков, БИ и ЧА слова ГАБИЧА.

Оценка вклада М.Л. Серякова. Хотя этот исследователь в несколько меньших масштабах демонстрирует практически все те направления, в которых работал Г.С. Гриневич (кроме чтения надписей других стран), то есть читает и германские руны (на брактеате из Упсалы), и хазарские руны (на кирпичах Цимлянского городища), но мы судим о нем как о дешифровщике славянских слоговых знаков по его чтению монограмм и славянских слоговых надписей. К большому сожалению, монограммы типа «княжеских знаков» не содержали

инициальных аббревиатур, а слова, которые он вычитывал на славянских памятниках, весьма сильно отличались от принятых традиций (например, вместо слова СЕРЕБРО он читал КЕСАРЬ, вместо ПУЛ ТВЕРСКИЙ — МОНЕТА БОГОСОХРАНЯЕМОГО. На русских монетах таких надписей никогда не было. Столь же удивительны его чтения и других памятников.

Вместе с тем, нельзя сказать, что эти чтения были целиком бесплодны. М.Л. Серяков, подобно Г.С. Гриневичу, показал, что ряд систем письма все еще достаточно близок к традиционной славянской, так что их применение способно давать какие-то осмысленные результаты. Кроме того, этот исследователь тоже отбирал памятники славянского письма, отмечал их особенности, демонстрировал определенную технику применения к их чтению восточного силлабария типа брахми, разыскивал определенные пласты неизвестных видов письменности, критиковал коллег-эпиграфистов, выстраивал определенную концепцию развития славянской письменности, то есть занимался полноценной грамматологической деятельностью. Это дает возможность сравнивать его подход с подходами других исследователей даже в рамках чисто слогового направления дешифровок.

Подход В.А. Чудинова. После знакомства с первой статьей Г.С. Гриневича мы попытались произвести ряд дешифровок по его методу, применив его к новому материалу. Поскольку своих вариантов чтения у нас тогда не было, мы воспользовались силлабарием Г.С. Гриневича и попытались прочитать ряд новых надписей. Поэтому этот отрезок нашей деятельности вписывается как раз в период развития представлений о славянской докирилловской письменности.

Чтение надписи на Тверском пуле. Как правило, на этих монетах повторяется одна и та же надпись: ПУЛ ТВЕРСКОЙ или ТФЕРСКИЙ [45, с. 211]. И действительно, на ряде монет я прочитал кирилловское слово ПУЛ, рис. 15-1,2,3,4, и слоговое слово ТВЕРЬСЬКИЙ, рис. 15-5.

Чтение надписи на пряслице из Белоозера. Поскольку у нас под рукой была статья Л.А. Голубевой о пряслицах из Белоозера [46, с. 21, рис. 4-7], рис. 15-6 на одной стороне и рис. 15-7 на другой стороне, естественно, появилось желание попробовать предложенный Г.С. Гриневичем метод чтения на ее примерах. Результат был таким. Нам казалось, что на пряслице начертано нечто вроде НЕ ЖАЛЕЙ ЖЕ ИНУ, НИ НЪЙ ЛУДИ, И ИДИ ВЪ ЛЁЛЁЖЕ... , рис. 15-8. В то время мы еще изображали над гласными диакритические знаки, следуя предположению Г.С. Гриневича о тщательном различении в слоговом письме этих звуков; нас вполне удовлетворило данное чтение, ибо что-то начало вырисовываться, какая-то сентенция обыкновенной пряхи... Вроде бы она советовал кому-то: НЕ ЖАЛЕЙ ЖЕ ИНУЮ (ЖЕНЩИНУ), ИЛИ ЕЕ ЛЮДЕЙ, И ИДИ В ЛЕЛЕЖИ. Сейчас нас подобное чтение вряд ли бы устроило, но тогда казалось вполне нормальным. С нашей современной точки зрения этот пример демонстрирует неопытность эпиграфиста, который очень уж рабски следует за мельчайшими изгибами знака, как если бы надпись изготовил профессионал высшего класса. На самом деле писали самые обыкновенные люди, которые часто какие-то черты не дописывали, а какие-то писали очень утрированно, слитные знаки разделяли, раздельные сливали. Они часто путали Е и И, не знали об употреблении разделительных знаков, озвончали или оглушали надпись, словом, позволяли себе множество таких вольностей, за которые в наши дни школьникам ставят двойки. Однако в те дни мы этого еще не знали и воспринимали знак чересчур буквально. С позиций современного опыта совет

пряхи кому-то выглядит странным: ведь кроме нее надпись на пряслице практически никто не прочитает. Есть ряд знаков, имеющих несколько вариантов чтения, и на это не обращено внимание. Получившийся текст, хотя в какой-то мере осмыслен, но не доработан, и это бросается в глаза. Но для первого чтения результат неплох.

Наш комментарий. Надпись на этом пряслице XII века в целом несложная, хотя некоторые знаки читаются не в основном чтении, а в дополнительном, более редком. После такой коррекции получается другой текст. Он представляет собой ворчание пряхи, поведанное овручскому шиферу. Он гласит: НУ И ЛЮДИ! ДЕЛО СЪЕЛО ЛУЧИНУ, ЗЪЛЫЕ ЖЕ И НОНЕ! рис. 15-9. Итак, видимо, пряха вынуждена была прясть в темное время суток, сожгла лишнюю лучину, за что, либо от мужа, либо, скорее всего, от его родителей, получила упрек в расточительности. Заметим, что это чтение в основном соответствует предыдущему. Если раньше мы читали НЪЙ ЛУДИ, то теперь НУ И ЛЮДИ; если прежде нам казалось, что написано И ИДИ, то теперь черточки были мысленно сдвинуты плотнее, что образовало слово ДЕЛО; если раньше мы читали ВЪ ЛЕЛЕНИ, поскольку знак СЕ нам был неизвестен, а ЛЕ и ЛО нами различались плохо, то теперь ясно вино, что вместо ВЪЛЕ написано СЕЛА, причем правая мачта СЕ выделяется так, что можно вычленить гласный звук Е, что означает СЪЕЛА или СЪЕЛО; а далее вместо ЛЕНИ НЕ мы читаем ЛУЧИНУ. Для слов же ЖАЛЕЙ ЖЕ и ЗЪЛЕЕ ЖЕ или ЗЛЫЕ ЖЕ знаки слоговой письменности будут одними и теми же. Наконец, вместо ИНУ НИ мы читаем более точно И НОНЕ, то есть И ТЕПЕРЬ. Тем самым речь идет не о принципиально новом чтении, а о «дотягивании» результата до кондиции не с помощью словарей, которые оправдывали бы все эти словечки типа ЛЕЛЕ или НЪЙ, а с помощью более точной интерпретации смысла каждого слогового знака. Вот это с нашей точки зрения и есть доработка итога, доведение его до приемлемого вида.

Чтение надписи на пряслице III-13. Достаточно большой была также надпись на пряслице № III-13 из Белоозера [46, с. 21, рис. 4-13], рис. 16-1 и 16-2. Мы ее прочитали так: МОЛИМО ВО ВОДИ, ИМО ЖИВЕЙ БЫ Я. Как видим, и здесь получается странный результат: вроде бы какой-то намек на осмысленное чтение есть, на одной стороне вычитываем МОЛЕМО ВО ВОДИ, то есть МОЛЕМСЯ О ВОДЕ, рис. 16-3; на второй – ИМО ЖИВЕЙ БЫ Я, рис. 16-4, что-то вроде ИМЕТЬ БЫ ЕЕ ПОЖИВЕЕ! Странно, однако, что такого рода молитвы пишутся на предмете для вращения веретена, то есть на вещи сугубо утилитарной, не предназначенной для передачи молений. И опять приходится сожалеть, что перед нам показан полуфабрикат, а не полноценный результат.

Наш комментарий. Современное чтение этой же надписи оказывается другим, поскольку теперь известны обычные, стандартные сюжеты. Надпись читается так: МОЙ ВЬСЕЛЫЙ, рис. 16-6, и ПЪРАСЬЛЕНЪ, рис. 16-5. На пряслице есть несколько случайных сколов, поэтому третий знак вместо ВО читается ВИ (хотя по нормам современной орфографии должен был бы находиться знак ВЕ), у знака ЛЕ есть случайная черточка внизу, знак РА написан очень небрежно, а от предпоследнего знака со значением ЛЕ остались только маленькие черточки внизу, тогда как на его месте оказался обширный скол, который мы прежде по ошибке читали как МО. На самом деле мы видим вполне понятную надпись: МОЙ ВЬСЕЛЫЙ ПРАСЬЛЕНЪ, то есть МОЙ ВЕСЕЛЫЙ ПРЯСЛЕНЬ. В данном начертании слова ПРЯСЛЕНЬ отражены не только личные орфографические представления пряхи, но и особенности

произношения этого слова в данной местности. Конечно, были чтения и других пряслиц (по крайней мере, 10) с 1-2 словами, но они уже менее интересны и менее поучительны. Кроме средневековых надписей было крайне любопытно прочитать надписи более ранних культур. Прежде всего, это были трипольские надписи, поскольку незадолго до наших исследований нам попал в руки сборник статей главным образом по исследованию трипольской культуры, где внимание привлекла статья [47], из которой и были заимствованы изображения для чтения.

Чтение надписи на сосуде Хвойки. В этом сборнике находилась надпись на сосуде, описанном двумя археологами [47, с. 3-4], которую мы прочитали так, рис. 17-1: МОЗЯ НЕСЕ МИ ВЪ РАЗУ, БО ЯЗЯ ЩАДЯ РАМО, что означает МОЖНО НЕСТИ МЕНЯ В (КРАЙНЕМ) СЛУЧАЕ, ИБО Я ЩАЖУ ПЛЕЧО. Иными словами, сосудик как бы говорил от своего имени о том, что его можно нести. – Хотя фраза получилась и осмысленная, к чтению можно предъявить ряд серьезных претензий. С современной точки зрения мало понятны выражения типа МОЗЯ, НЕСЕ, ЯЗЯ; а с позиций накопленного опыта было весьма странно первый знак принимать за МО, второй – за ЗЯ и т.д. Короче говоря, несмотря на то, что чтение идет не на буквенной, а на слоговой основе, результат получился не лучше, чем у Суслопарова. Опять перед нами неумелая попытка чтения добротного текста.

Чтение надписи на трипольском сосуде. На том же рисунке из [47, с. 139, рис. 18] можно видеть сосуд из Александровки, рис. 17-2; приводим на нем наше раннее, рис. 17-2, ПАРОВЕ, и современное чтение ПАРЪ, рис. 17-3. Старое чтение дает слово ПАРОВЕ, что означает ПАРОВОЙ; новое чтение (где вместо знака ПО, предложенного Гриневичем и отсутствовавшего в иных текстах, мы узнали другое его начертание, правильное) весьма близко к старому, ПАРЪ. На этом примере видно, что краткие лигатуры могут быть разложены весьма правдоподобно, и давать неплохое чтение.

Чтение надписи на подсвечнике из Новгорода. Если самые первые надписи нами заимствовались из таких работ, где археологи прямо писали о наличии изображений, хотя бы и нечитаемых, то позже такие изображения мы стали выявлять самостоятельно, даже если у археологов о них вообще не было никакой речи. Особенно странным казалось выявление надписей с фотографий, где они сфотографированы так, что их сложно было заметить. Мы понимали, что часто такого рода фотографии делались сознательно, поскольку указание археолога на наличие надписи требовало ее прочтения, или хотя бы какого-то комментирования, а это при весьма слабом уровне знаний докирилловской славянской письменности вряд ли было возможно.

Поэтому нас обрадовало выявление первой такого рода надписи на подсвечнике XIV века из раскопа на улице Кирова в Новгороде [48, с. 215, рис. 28-2], рис. 17-4. В данном случае, наше раннее и современное чтение полностью совпадают: на подсвечнике написано СЬВЕТИЛО, рис. 17-5. Так, видимо, в средние века назывался любой СВЕТИЛЬНИК.

Мы привели ряд наших наиболее интересных чтений (всего их было более 20), чтобы показать, что в начале нашего пути мы мало отличались от рассмотренных эпиграфистов, как по количеству, так и, что важнее, по качеству чтений. Во всех приведенных примерах присутствует какой-то смысл, однако, при внимательном всматривании в полученные результаты весьма заметно, что они крайне сомнительны. Случаи, подобные последнему чтению, встречались весьма редко как несомненные удачи. Из этого видно, что наши успехи не

перекрывали достижений того же М.Л. Серякова, ибо он шел самостоятельно, а мы основывались на результатах, уже добытых Г.С. Гриневичем. И, разумеется, в первый год наших исследований (1993), по количеству прочитанных надписей мы сильно уступали этому последнему эпиграфисту. Тем самым мы не стремились показать, что наш подход был изначально самым совершенным и принципиально отличным от наших предшественников. Очевидно, этап начального применения слогового подхода к чтению славянских надписей вряд ли может принести больший урожай. Для получения более точных, полных, стабильных и, главное, надежных результатов, было необходимо оторваться от наследия Г.С. Гриневича и развивать самостоятельное направление исследования.

Таким образом, резюмируя, можно сказать, что к середине 90-х гг. XX века славянское слоговое письмо было не только понято, но и до некоторой степени дешифровано. Прочитаны были десятки надписей, относящиеся как к протославянским культурам, например, Черняховской или Трипольской, так и к средним векам, хотя, в отличие от предположений Г.С. Гриневича, эта письменность просуществовала вплоть до XX века. Правда, область ее распространения с каждым векам сужалась, и уже к XVIII веку она практически исчезла из культуры России, сохраняясь лишь в очень ограниченных числе мест. За полтора века ее исследования стало понятно, что этот тип письма существовал в России с незапамятных времен, и если и был когда-то заимствован, то этот начальный эпизод пришелся на далекое доисторическое прошлое. Стало ясным и то, что практически весь период средневековья слоговое письмо сосуществовало с кириллицей, но постепенно вытеснялось на географическую и социальную обочину. Однако детали его бытования, его стили и разновидности, области его наиболее длительного существования, его связи с другими видами письма оставались за пределами рассмотрения. Для того, чтобы как следует изучить эти подробности, требовалось провести совершенно другой тип изучения: надо было прочитать сотни надписей и понять их место в культуре Руси.

Именно эти задачи и решаются во второй части настоящего исследования.

Часть вторая

Какие тексты писали слоговым письмом?

Посмотрим теперь, что можно прочитать на документах, оставленных нам нашими предками. При этом пока мы не будем рассматривать проблемы, связанные с выяснением состава силлабария, полагая, что нам он известен.

Береста является наиболее специализированным писчим материалом, поэтому с нее и целесообразно начать рассмотрение.

Глава четвертая
Берестяные грамоты

На первый взгляд, среди более чем тысячи берестяных грамот нет ни одной со слоговыми знаками. Ведь если бы таковые были, их бы давно заметили эпиграфисты, имевшие с ними дело, а подобных замечаний до сих пор не было. Во всяком случае, так я рассуждал, когда просматривал том за томом сборники «Новгородские грамоты на бересте», а затем и более поздние журнальные статьи, сообщавшие примерно о тысяче находок. И к своему удивлению, нашел сначала несколько текстов, содержащих преимущественно слоговые знаки; затем, когда мой глаз привык выделять слоговые начертания, я нашел несколько смешанных начертаний, и в конце концов я уже видел отдельные слоговые знаки, вкрапленные в большие массивы кирилловских букв. Однако для первого знакомства со слоговой письменностью отдельные знаки в массиве привычных букв не выглядят достаточно впечатляюще.

Новгородская грамота № 74. На этой грамоте XII в. после букв А ВБГДЕЖЅЗ находятся «*какие-то росчерки, вообще не похожие на буквы*» [1, с. 75], буква Б находится на третьем месте после В и обведена прямыми линиями, рис. 18-1. На мой взгляд, бессмысленных росчерков на грамотах нет, просто в наше время пока мы не все можем прочитать. Сначала я заподозрил в них довольно изощренный слоговой текст, состоящий из множества лигатур, «Б» ЛЬЖЕ ПОСЪТАВЪЛЕНЪ, рис. 18-2 [3, с.55]. Однако теперь мне кажется завышенным мое требование к автору надписи, который, видимо, кратко комментировал свою или чужую азбуку, и я предположил более скромную приписку, **«Б» ЗАДВИНУЛ**, рис. 18-3, где только знак Ж в смысле ЗА оказывается слоговым, а остальные знаки – наложенные друг на друга буквы кириллицы. Иными словами, комментарий вызван неверным положением в азбуке буквы Б, которая попала на третье место, что отмечено двумя способами – выделением линиями самой буквы и сопровождающим текстом. Вероятно, ошибка произошла из-за того, что буква В имела цифровое значение ДВА, что и заставило автора надписи поставить В на второе место.

Новгородская грамота № 205. Обычно ее рассматривают вместе с другими грамотами мальчика Онфима, новгородского школьника XIII века. Здесь «*палеографические приметы те же, что и в других грамотах Онфима*»,— полагает А.В. Арциховский, рис. 18-6 [2, с. 26], с чем я не могу согласиться, ибо Онфим писал букву А с двумя почти параллельными чертами, а К и Ж с прогибом в обратную сторону (К почти как В), чего нет на данной грамоте. Так что перед нами азбука одного из его приятелей. Арциховского, видимо, смутило начало имени ОНФИМ, написанное после азбуки, но оно могло означать не только отправителя послания в качестве автора, но и

адресата. Внизу начертано нечто вроде корабля. Арциховский пишет о нем следующее: «*Незаконченный рисунок можно объяснить. Онфим начал рисовать ладью, а он много видел их на Волхове. Нанесен общий контур с высоко поднятыми и прогнутыми носом и кормой. Слева видны весла*» [3, с. 26]. Вполне возможно, что рисунок означает именно это; однако многие рисунки часто маскируют слоговые надписи, что и имеет место в данном случае. Иначе очень трудно объяснить линию, напоминающую *Е*, в качестве детали корабля. На мой взгляд, перед нами находится слоговая надпись, состоящая из двух знаков слева, двух справа и знака (тела «корабля») посередине. Левые знаки однозначно читаются как ЖЬ и ДИ, «корабль» – как БО (опять-таки подтверждается предполагаемый знак БО), два знака справа – как РИ и СЬ или СЕ. Так что слоговая надпись может быть прочитана как **ЖЬДИ БОРИСЕ**, рис. 18-7 и 18-8, то есть либо *ЖДИ БОРИСА*, либо *ЖДИ, БОРИС!* Первая версия ввиду начала имени ОНФИМ мне кажется вероятнее. В результате получается текст: *ОНФ(ИМУ) – ЖДИ БОРИСА!* Иными словами, береста с азбукой, уже предъявленная учителю, явилась использованным документом, на котором повторно можно было написать записку приятелю, а чтобы имена отправителя и получателя не бросались бы в глаза, одно имя оказалось недописанным, а другое исполнено слоговым письмом, замаскированным под рисунок. Так что перед нами – вариант детской тайнописи. Вместе с тем, это и заглавие надписи.

Новгородская грамота № 593. Первоиздатель сообщает о ней следующее: «*Это небольшой отрывок ...УОИ ѰЛЪ. .. Стратиграфическая дата — первая половина XI века. Для палеографии мало данных. Отмечу лигатуру ѰЛ . Грамота разделяется на слоги так ... ОУЙ ѰЛЪ. Кто-то, чье имя оканчивается на "...УЙ", — типа Балуй, Мелуй, Межуй, — "писал"* » [4, с. 56], рис. 19-1. Из прориси грамоты, однако, видно, что порядок букв в тексте иной, не ОУ, а УО, и, кроме того, У — зеркальное, другого размера и жирности, то есть принадлежит другому почерку. Однако этот факт не отмечен первоиздателем, ибо в этом случае меняется вся интерпретация надписи. А вообще-то здесь различимы несколько текстов. Первоначально было написано перевернутое на 180^0 слово ИО... с началом третьей буквы, что, вероятно, образовывало имя ИОНА; надпись была владельческой, и по ней Иона должен был что-то получить. Однако имя осталось недописанным, следовательно, Ионе его доля богатства не полагалась. Надпись тем самым была спорной, и кто-то мог бы выдать Ионе его долю. Поэтому другой человек поспешил начертать поверх крупными знаками свою резолюцию; она состояла из лигатуры ѰЛЪ в смысле ПИСАЛЪ, рис. 19-2. Наконец, чтобы разрешить спор, кто-то вставил слоговой знак НЕ. Тем самым заявка Ионы аннулировалась этим росчерком, поскольку **ИОНА НЕ ПИСАЛЪ** просьбы. Слово НЕ написано слоговым знаком по привычке и весьма крупно, чтобы каждый мог понять ошибочность требований Ионы. Кроме того, видимо, слоговая надпись была традиционной и, следовательно, непререкаемой.

Новгородская грамота № 553. Это почти целый документ XII-XIII в., я опустил нижний фрагмент, рис. 19-3 [5, с. 49, рис. 16]. Написан на обрезке днища берестяного лукошка и представляет собой обычную поминальную грамоту, где перечисляются имена Луки (дважды), Иоанна (дважды), Кирилла, Стефана, Мануила, трех Марий и т.д. Меня интересует знак, находящийся слева от имени Софии и обводящий имя Мануила. Верхний из них читается СЕ, нижний — ВЪ, так что вместе они образуют слово **ВЪСЕ**, рис. 19-4. Это означает, что при чтении имен священником их надо было упомянуть все, то

есть после имени Евана (Ивана) прочитать дважды (а не один раз) имя Мария, как указано в записке, что означает, что речь идет о разных Мариях. Таким образом, перед нами слоговая ремарка автора надписи.

Новгородская грамота № 506. Представляет собой отрывок документа XII-XIII в., утративший нижние строки; я помещаю фрагмент, опустив левую часть грамоты, рис. 19-5 [5 с. 46, рис. 15]. Это тоже поминальная грамота, перечисляющая имена Петра, Ивана, Маремьяны, Анны и т.д. Меня интересует большой знак справа на полях, напоминающий римскую цифру IV. На мой взгляд, так написано слово **ДЬВА**, рис. 19-6, где знак ДЬ сливается со знаком ВА в виде лигатуры. Этот знак указывает, сколько раз надо читать поминания, в данном случае *ДВА*. А на грамоте № 559 на левых полях стоит 6 черточек, что обозначает, что поминать надо 6 раз. Здесь мы опять видим слоговую ремарку автора надписи.

Новгородская грамота № 504. Хотя в описании грамоты XII-XIII в. сказано, что это обрывок документа, я этого не нахожу: тут помещено пять имен так, что они аккуратно вписаны в контуры бересты, рис. 19-7 [5, с. 46, рис. 15], поэтому я считаю данную грамоту целым документом. Это поминальная грамота с весьма любопытными начертаниями слов. Первое слово Фома написано как ФОМ, после чего стоит словоразделитель в виде точки; очевидно, что знак М надо читать как МА. Тем самым мы видим тут слоговую описку. Второй раз тот же слог встречается в слове МАРИЯНА, который написан как ЛАРИЯНА, поскольку сочетания Л и А как раз и выглядят как М, а М означает МА; следовательно, подлинным чтением этого имени должно быть МААРИЯНА, ибо помимо слогового знака МА тут есть еще и буква А. Написание же ЛАРИЯНА настолько удивило В.Л. Янина, что он прочитал его как ... Илариона (!). Второе имя в списке — Тимофей, но оно начертано как ТИМОФ; точно также как последнее имя в списке, Ананий, начертано как ОНЪН. Это — правила орфографии слогового письма, где обычно не пишется концевой Й; здесь, однако, автор надписи пошел дальше и опустил уже ЕЙ и ИЙ. Наконец, самым любопытным является предпоследнее слово. Вначале автор надписи хотел начертать слово ОНАНИЙ, и уже вслед за О написал две мачты Н, но вспомнил, что забыл помянуть еще одно лицо, чье имя начинается на О, зачеркнул Н и начертал ОСКАЬ. С точки зрения кирилловского письма после гласных Ь невозможен; но с точки зрения слогового письма знак Ь означает РЬ, так что помянут ОСКАРЬ, рис. 19-8. Понятно, почему В.Л. Янин в отношении Оскара и Анания написал “*остальные имена неразборчивы*” [5, с. 76]. Итак, мы видим, что концы первого, второго, четвертого и пятого слова, а также начало третьего написаны либо со слоговыми знаками, либо со слоговыми опущениями. Следовательно, кириллицей писала рука, привычная к слоговому начертанию. В связи со сказанным весьма интересно отметить начертание имени Пантелей как ПАНТЕЛЕЬ в грамоте № 561. Тут Ь использовался как Й, то есть в своем кирилловском значении (так он произносится в качестве Ь разделительного). Следовательно, начертание ОСКАЬ передает именно слоговой конечный знак РЬ. Итак, написаны имена: **ФОМА, ТИМОФЕЙ, МААРИЯНА, ОСКАРЬ, ОНЬНИЙ**.

Новгородская грамота № 458. У этой грамоты XII в. я опустил небольшой нижний фрагмент, на котором нет никаких надписей, рис. 19-9 [6, с. 55]. О ней первоиздатели сообщают следующее: «*Это целый документ. Стратиграфическая дата: XII век. Палеографических противоречий этой дате нет. Документ по левому и правому краям имеет прорезы для прикрепления его*

к какому-то предмету — тюку, мешку, коробу и т.п. — и представляет собой ярлык с именем адресата или владельца. Разделить его на слова можно так: ВОЛОСЕ 4. В тюке находилось какие-то четыре предмета, принадлежавшие или адресованные Волосу. Имя Волос (Влас, Власий) было широко распространено в Новгороде» [6, с. 55]. Странно, что в таком случае не было написано ВОЛОСУ, то есть, не употреблен дательный падеж. Кроме того, непонятно, почему не было обращено внимание на знак в виде Н, начертанный перед основной надписью. — На мой взгляд, этот знак есть слоговой знак НЪ в значении предлога НА, так что вся надпись читается **НЪ ВОЛОСЕ 4**, что означает *НА ВОЛОСЕ — (ДОЛГ) 4 (ГРИВНЫ)*, рис. 19-10. Тем самым, данная береста не бирка, а долговой жетон. Слоговой знак употреблен по традиции.

Как видим, слоговые вкрапления либо поясняли основной текст, либо позволяли выявлять те его фрагменты, которые не предназначались для постороннего глаза, либо просто писались по традиции.

Поскольку слоговое письмо со временем стало выходить из употребления, оно становилось все менее понятным и постепенно превращалось в тайнопись. Однако даже тогда, когда оно еще не вышло из употребления, применение смешанного начертания, лигатур и зеркальных знаков существенно тормозило чтение и делало его если и не тайным, то все же весьма трудным. Тем самым можно было сообщать не вполне приятную, или не совсем разрешенную информацию. Попробуем рассмотреть причины употребления такого рода смешанных начертаний.

Псковская грамота № 4. Здесь речь идет не столько о тексте самой грамоты XIV века, сколько о ее последних двух знаках, рис. 20-1 [7, с. 72, рис. 5]. Сам текст звучит у первоиздателей так: А ОУ ДАНИХ С ДОУБОНИЧИ ДВОИ САПОГИ. ОУ КЮРИЛА ОУ СУХМИНА СЫНА ИЗ МАЗИ(Щ)..., последнее слово полагается написанным кириллицей, но недописанным. Я бы несколько изменил чтение: А ДА ОУ НИХ С ДУБОНИЧИ ДВОИ САПОГИ. ОУ КЮРИЛА ОУ СУХМИНА. СНОСИ ИЗМАЗИ ... и далее слоговые знаки. Смысл текста такой: автор надписи изумился: ДА У НИХ С ДУБОНИЧАМИ ДВЕ ПАРЫ САПОГ! ОДНА ПАРА — У КИРИЛЛА СУХМИНА. СНЕСИ ЕМУ (нечто), и ИЗМАЖЬ... знаки я читаю как **ПИСЯ** в смысле *ПИША*, то есть В ПРОЦЕССЕ НАПИСАНИЯ., рис. 20-2. Итак, поскольку Кирилл Сухмин настолько богат, что имеет собственную пару сапог, то к нему надо было отнести нечто, что предполагалось измазать в процессе написания, возможно, какой-то переписанный документ, чтобы получить за чистый новый документ дополнительное вознаграждение. Разумеется, такого рода поручение очень некрасиво, как и подсчет богатства Кирилла Сухмина с Дубоничами, потому последнее, ключевое слово, написано слоговыми знаками. А без него смысл надписи ускользает. Так что перед нами — типичная тайнопись.

Псковская грамота № 6. Я помещаю только оборот с зигзагообразными знаками, рис. 20-3 [8, с. 198, рис. 2]. На лицевой стороне начертан текст (XIV в.) , который в переводе гласит: ОТ КНОРИКА И ОТ ГЕРАСИМА К ВАФИМУ. ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ НЕ СТОРГОВАЛИ, ТО ПРИШЛИТЕ СЮДА НЕМЕДЛЕННО, ПОТОМУ ЧТО У НАС (ЗДЕСЬ) ЕСТЬ СПРОС НА БЕЛИЧЬИ ШКУРКИ. ЕСЛИ БУДЕШЬ СВОБОДЕН, ТО ПРИЕЗЖАЙ К НАМ: (ДЕЛО В ТОМ, ЧТО) НАМ КСИНОФОНТ НАПОРТИЛ. ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ: МЫ ЕГО НЕ ЗНАЕМ, А В ТОМ ВОЛЯ БОЖЬЯ И ТВОЯ [8, с. 203]. Тем самым, перед нами текст двух очень заинтересованных лиц, которые просят Вафима приехать к ним назад в Псков и привезти с собой беличьи шкурки, на которые во Пскове обнаружился

спрос. И еще Вафиму надо уладить дело с человеком, которого он и Ксенофонт им рекомендовали, но который их подвел. Так что приезд Вафима ожидается с нетерпением. Поэтому на обороте бересты начертаны две строки слоговых знаков, распадающиеся на слово в два знака каждое — это два одинаковых слова **МОЛЮ**, **МОЛЮ** рис. 20-4. Таким образом, сверху свою страстную просьбу-мольбу выразил Кнорик, а ниже — Герасим. Страстное желание-мольба написано слоговым способом, однако вряд ли это тайное желание — напротив, оно написано старым и потому наиболее убедительным способом. С другой стороны, не всякий прочитавший (из посторонних лиц) обратит внимание на зигзаги на обороте, а если и обратить, не поймет их как обостренную просьбу. Так что перед нами — скорее труднопись, чем тайнопись. Такое чтение у меня было с самого начала.

Новгородская грамота № 581. Здесь я поместил начальный фрагмент грамоты конца XII-начала XIII веков, рис. 20-5 [4, с. 45], где первые три знака остались непрочитанными, а в остальном текст был прочитан первоиздателем так: ОТ ОРЕШКА КО БОРИСОУ. ОУ СОМИ ЕСИ ПРОДАЛ ЖИТО..., то есть, как я понимаю, *ты у Сомы продал жито*. Первоиздатель считает, что *“Оу соми” — по-видимому, обозначение какой-то местности*. Под *Сомой* можно на мой взгляд понимать кого-то, кто изготавливает крепкий напиток из жита, *сому*. Тем самым, Борис совершил выгодную продажу и получил деньги. Тогда вполне объяснимы те первые три знака, которые я читаю как **1 КУНЪ**, рис. 20-6, то есть 1 КУНА. На мой взгляд, так помечен долг Бориса Орешку, о котором и напоминает Орешек, узнав о выгодной продажи жита своего должника. Слово КУНЪ написано по традиции слоговым способом, и это опять лишь делает более торжественным напоминание. С другой стороны, в руках несведущего человека вертикальный штрих, треугольник и две перечеркнутые вертикальные палочки ничего не значат, — для него это тоже будет труднопись.

Новгородская грамота № 327. Я помещаю изображение целого документа, рис. 20-7 [3, с. 16]. Первоиздатель сообщает: «*Это отрывок, не поддающийся даже транскрипции. Кто-то бесцельно чертил писчим стержнем на бересте, как и теперь иногда чертят карандашом на бумаге, например, во время заседания. Здесь несколько раз нанесена буква Н. Один раз за ней следует буква О. Три раза с правой мачтой Н соединено нечто вроде латинского R, но это здесь надо считать простым росчерком. Вероятно, эта береста была разорвана и выброшена сразу после нанесения на нее знаков. Для палеографии и толкования данных нет. Стратиграфическая дата — рубеж XIII-XIV или начало XIV века*» [3, с. 16]. — Перед нами — один из самых удивительных образцов реакции знаменитого археолога Аристарха Владимировича Арциховского на смешанное письмо. Вместо того, чтобы отметить, что надпись МЛТЬННОНКНЗНВНГ состоит почти из одних согласных звуков (из гласных — лишь Ь и О) и тем самым перед нами редкий образец *русского консонантного письма*, что говорит о существовании *иного типа* письменности в Новгороде, *небуквенного типа*, Арциховский не только предполагает невозможное — что документ был тотчас порван (но на грамоте нет никаких следов разрыва, она является *целым* документом!), но и объявляет его бесцельным! Более того, он не вглядывается в лигатуры с Н, и не видит, что один раз с правой мачтой Н соединена буква К, потом З (а не R!), потом В, а все приписывает соединению с чем-то вроде R, что для русского письма невозможно. Вот уж где порадовался бы Томас Кун, который писал, что ученые «*не рассматривают аномалии как контрпримеры, хотя в словаре философии*

науки они являются именно таковыми... Они никогда не отказываются легко от парадигмы, которая ввергла их в кризис» [9, с. 106]. В данном случае под парадигмой можно понимать мнение Арциховского, Борковского, Янина, Зализняка и других исследователей новгородских грамот, что все они *написаны кириллицей*. И если только попалась грамота, написанная той же кириллицей, но не буквенно, а консонантно — ей произнесен строгий научный приговор: она *бесцельна*! Иначе нужно пересмотреть парадигму.

На самом деле наши предки не тратили время попусту и если уж писали грамоту, то для сообщения информации. Так и в данном случае: Первый знак есть слоговой МО, второй — разорванный квадратной вставкой слоговой же знак ЛИ; затем идут буквы ТЬ, что образует слово МОЛИТЬ. Дальше идет буква Н, но *в консонантном чтении*, как НА или НО (если бы это был слоговой знак, он читался бы КА). Тем самым, разлагая лигатуры на составные части, можно получить такой текст**: МОЛИТЬ НАНОВО: НА “К”, НА “З”, НА “В”, НА “Г”** — 3 (раза). Иными словами, перед нами — поминальная записка, однако, 4 лица указаны только своими инициалами. Очевидно, лишь священник и автор записки знают, о ком идет речь, но этих лиц нельзя называть, чтобы не навлечь на себя беду. Кроме того, не поименован ни отправитель грамоты, ни ее адресат. Это тоже признаки тайного послания. Наконец, использованы вперемежку как слоговые, так и буквенные знаки, знак ЛИ разорван, буква Н использована в несвойственном ей слоговом чтении, и к тому же она соединена в лигатуры с последующими буквами. Все это позволяет сделать вывод о том, что перед нами тайнопись. Следовательно, лица К, З, В и Г либо попали в опалу, либо преступники; и в том, и в другом случае молиться за них — значит, подвергать опасности всех, кто имеет отношение к такой молитве. В таком случае речь идет не о детской шалости, а о реальной опасности наказания в случае понимания смысла записки посторонним лицом и донесения этим лицом о факте молебна “кому следует”.

Новгородская грамота № 86. Она интересна тем, что помимо надписи буквами на ней имеются несколько изображений, сделанных точками, рис. 21-1 [1, с. 11]. Первоиздатель сообщает: «*На куске бересты пунктиром нанесены символические фигурки, одна из которых похожа на зайца. К грамотам этот кусок бересты можно отнести, поскольку на нем имеется текст ЛАЗОРЯ. Над этим словом видны неясные буквы, возможно ЛЗО... Можно отметить мелкие размеры надписи. Такие маленькие буквы встретились на бересте впервые. Для палеографии при краткости текста данных мало. Стратиграфическая дата — XII век. Содержание понятно: родительный падеж имени “Лазарь”. Второй гласный в этом имени в новгородских летописях часто является О... Автор этой грамоты (самой краткой изо всех грамот) написал первоначально первые буквы имени, но ошибся, пропустив букву А (ЛЗО). После этого он написал все полностью и правильно. Судя по точечным узорам, автор записки долго держал бересту в руках. Не было ли здесь записано предположение выдвинуть Лазаря на какую-либо выборную должность*?» [1, с. 11-12]. — На мой взгляд, атрибуция грамоты произведена неверно, ибо при выдвижении на должность пишут крупно и красиво, а не мельчайшим шрифтом и с ошибками. (Кстати, слово ЛЗО, рис. 21-2, есть попытка написать слово ЛАЗАРЬ смешанным способом как ЛЗАЬ. Однако, поняв ненужность слоговых знаков в сплошном начертании, Лазарь зачеркнул первый слоговой знак и ниже начертал свое имя кириллицей). Кроме того, при повороте грамоты на 90^0 влево верхний узор из точек превращается в большую

букву Я, рис. 21-4, а точечный узор слева внизу становится изображением цветка, рис. 21-3. Тем самым можно предположить, что Лазарь сообщает свое имя очень ненавязчиво, мельчайшим шрифтом, а признается в чем-то хорошем, но нескромном, рисуя цветок, но пунктиром, то есть как бы намеком. Возможно, что это признание в любви, однако для такого вывода необходимо прочитать точечную лигатуру внизу справа.

Для удобства данную лигатуру я изображаю не точками, а линиями, рис. 21-5. Тогда можно прочитать смешанный текст ЛАЗЬРЬ ѰЛЪ РУНЕ, рис. 21-6. Отсюда полный точечный текст будет **Я, ЛАЗЬРЬ, ѰЛЪ РУНЕ**, то есть *Я, ЛАЗАРЬ, ПИСАЛ РУНЫ*. Заметим, что Лазарь сообщает о том, что он писал не буквы, а руны, то есть слоговые знаки. Наконец, можно видеть, что под буквой Я (при вертикальном расположении грамоты) имеется 4 узких и 2 широких строки из одних точек, рис. 21-7. Это напоминает песню XX века со словами: ... *в каждой строчке / только точки / догадайся, мол, сама*. Так обычно пишут любовные письма нерешительные возлюбленные. Итак, возникает впечатление, что вначале Лазарь начертал 6 пустых строк и нарисовал слева внизу цветок. Так он хотел выразить свои нежные чувства девушке. Затем написал Я, ЛАЗАРЬ, ПИСАЛ РУНЫ, — чтобы она поняла, что точки в строках подразумевают некий текст любовного содержания. Наконец, нужно было начертать заголовок, и Лазарь его сделал мельчайшими знаками, причем сначала хотел написать слоговым способом, но потом зачеркнул и решил написать свое имя обычной кириллицей. Таким образом, данный документ можно атрибутировать как тайное признание в любви, где адресату только дан намек на существование любовного текста, (да и то в виде весьма сложной лигатуры), но вместо текста стоят "только точки". Таким образом, любовные письма из одних точек на Руси существовали уже в XII веке.

Новгородская грамота № 734. Относится к 40-60 гг. XII века, рис. 22-1 [10, с. 13]. Первоиздателями рассматривается как заговор от болезни. Сихаил — христианский ангел или архангел-демоноборец, известный по упоминаниям в заговорах. Отмечается, что третья строка не имеет надежной интерпретации, что мне вполне понятно, ибо тут перед нами — лигатура из кирилловских букв и слоговых знаков. Текст надписи прочитан так: ИС ХС (ИИСУС ХРИСТОС). НИКА. СИХАИЛЪ, СИХАИЛЪ, СИХАИЛЪ. АНЬГЕЛЪ, АНГЕЛЪ, АНГЕЛЪ ГИДЕНЬ (ГОСПОДЕНЬ), Г... ИМЯ АНЬГЕЛА. Странно, что перед словами ИМЯ АНГЕЛА стоит лигатура, которая, видимо, это имя и называет. С моей точки зрения, в лигатуре можно выделить буквы Т и ЯТЬ, а также слоговые знаки Я, РИ и ЛО, что дает вместе с предшествующей буквой Г текст: **ГТЕ ЯРИЛО**. Стало быть, именем ангела господня будет не столько Сихаил, сколько ЯРИЛО. Или, точнее, христианскому Сихаилу языческое имя будет ЯРИЛО. Тем самым, мы имеем редкий случай демонстрации двоеверия с точным обозначением языческо-христианского соответствия духовных персонажей. Любопытно, что слово *ГДЕ* написано ГТЕ, без озвончения второго звука, что, видимо, передает особенности произношения того времени, а слоговыми знаками написано только имя бога Ярилы.. Ясно, почему данное место грамоты написано тайнописью: за упоминание языческих богов даже в заговорах полагались различного рода наказания. Так что перед нами употребление тайнописи по религиозным соображениям [11, с. 44].

Новгородская грамота № 680. Первоиздатели видят на короткой грамоте, рис. 22-3 [12, с. 65], "*грубое подражание надписи*". Мне это непонятно; ясно лишь, что данная надпись 20-40-х гг. XII века — тайная. Первые знаки

сплошь слоговые и образуют слово ДЪЯКАНЪ, как оно слышится, тогда как второе слово написано целиком кириллицей, причем первые две буквы, П и И образуют лигатуру. Оба слова читаются как **ДЪЯКОНЪ ПИВАЛ**. Слева от надписи помещено 6 точек в 2 столбца, слева 3 и справа 4. Это можно понять как дату, ибо точка в числовом значении обозначает 2. Следовательно, тут проставлена дата 6 / 4. Если полагать, что год начинался с 7 марта (а в первой Новгородской летописи написано «В лето 6645 (1136), наступающу 7 марта» [9, с. 138]), то мы попадаем на дату 13 июня, если же с 5 марта (в 1139 г.) — то на 11 июня (начало года было связано с датой новолуния). Так что не исключено, что если данная грамота написана в 20-е годы XII века, день "пивания" дьякона пришелся на 21 июня — на день Ивана Купалы, очень крупный языческий праздник. Так что дьякона можно было бы обвинить в тайном приветствии языческих праздников. Но и "пивание" в другие дни, кроме крупных христианских праздников, не поощрялось. Итак, перед нами — тайный донос на дьякона, сделанный, возможно, кем-то из прихожан. Ключевое слово, ДЪЯКОНЪ, написано хотя и слоговыми, то есть довольно понятными знаками, но с лигатурами, равно как и кирилловское слово "пивал". Как видим, даже во времена расцвета христианства клирики не были свободны от доносов.

Новгородская грамота № 63. Я сократил ее чуть-чуть справа, где имелся свободный от надписей язычок бересты, рис. 22-5 [14, с. 64]. Первоиздатель сообщает, что грамота представляет собой «*небольшой отрывок плохой сохранности... Точной транскрипции дать нельзя. Видны лишь отдельные буквы ТЕЛ, затем, после неясной буквы — Ю, затем, тоже после неясной буквы — БА. Оснований для палеографических наблюдений и для толкований нет. Стратиграфическая дата — XIII век*» [14, с. 64]. На мой взгляд, вторая буква — не Е, а слоговой знак КИ, тогда как последний знак — не буква А, а слоговой знак ЛЕ. Я читаю текст так: **ТАК И ЛЕЧИ Ю, ЮЛЮ, БЕЛЕНОЙ (или БЕЛЕНОЮ)**, рис. 22-6. Как известно, белена содержит гиосциамин и вещества, близкие к атропину и является растительным ядом, приводящим к сильнейшему возбуждению организма, расширению зрачков, галлюцинациям, бреду, затемнению сознания и даже к смерти от ослабления деятельности сердца. Хотя при наружном употреблении белена дает местный успокоительный эффект, если бы лечь шла о настоящем ЛЕЧЕНИИ, грамоту можно было бы написать вполне официально. Здесь, однако, мы не видим ни имени автора записки, ни имени адресата; стало быть, записка тайная. Трудно сказать, что собирались сделать с Юлей две женщины, обменявшиеся этим посланием, то ли довести до невменяемого состояния, то ли уморить, однако преступный замысел ее очевиден. Тайнопись грамоты понятна.

Новгородская грамота № 85. Я привожу ее целиком, рис. 22-7 [1, с. 11]. А.В. Арциховский в отношении нее заметил: «*Это, насколько я могу судить, бессмысленный набор букв. Текст НСЕТВКАШПСИ... Толковать это затрудниельно. Для палеографии данных нет. Стратиграфическая дата — рубеж XII-XIII веков*» [1, с. 11]. Попробуем все-таки ее растолковать. Первый знак, напоминающий латинскую букву *N* в курсивном исполнении, нам уже несколько раз встречался как Н слоговой, то есть как слог НО или НА. Затем следуют еще две буквы в обычном чтении, СЕ, а завершает слово слоговой знак ТЬ. Получаем слово НОСЕТЬ. Далее идут слоговые знаки, которые можно прочитать как КЪ ВЕСЕЛЪЮ ВЪЛА, затем буквы СИ и слоговой знак Я, что дает текст **НОСЕТЬ КЪ ВЕСЕЛИЮ ВЪЛАСИЯ**, то есть, *НОСИТ К ВЕСЕЛЬЮ ВЛАСИЯ*, рис. 22-8. Если вспомнить, что под святым Власием на

Руси часто почитался языческий бог Велес, то становится ясно, что некий субъект носит требы (жертвы) к веселью бога Велеса. Итак, перед нами опять религиозный донос, теперь уже, видимо, на прихожанина. Ясно, что опять-таки он оформлен по правилам жанра: анонимный, неизвестно кому, слоговые знаки тут перемежаются с кирилловскими. Так что перед нами настоящая тайнопись.

Новгородская грамота № 371. Я даю ее целиком, рис. 23-1 [3, с. 75]. О ней А.В. Арциховский замечает: «*Это кусок бересты с бесцельно нанесенными буквами. Они составляют две строки в верхней и средней части бересты. Буквы неясны, чтение условно. В первой строке ЦИЦЗУУ. Во второй строчке НУНПМИА. Все буквы написаны кое-как человеком, который думало другом. Для палеографии нет данных. Стратиграфическая дата — первая половина или середина XIV века*» [3, с. 75]. Я позволю себе не согласиться ни с тем, что это буквы, ни с тем, что они написаны кое-как. На мой взгляд, все исполнено четко. Сначала читается кирилловская надпись ЦНЦ (а не ЦИЦ), что означает ЦРНЕЦ, то есть ЧЕРНЕЦ (например, на грамоте № 323 написано МАРИИ ЦРН, что тот же Арциховский правильно понял как МАРИИ ЦЕРНИЦЕ, то есть ЧЕРНИЦЕ, МОНАШКЕ). Далее следует прозвище, написанное слоговыми знаками, ЗЬВОНЪ или ЗЬВОНА(РЬ). Я бы сказал, что, поскольку далее следует донос, видимо, на средневековом сленге глагол ЗВОНИТЬ означает примерно то же, что у нас глагол СТУЧАТЬ, то есть ПРЕДАВАТЬ КОГО-ТО. Так что ЗВОНАРЬ — это по-нашему СТУКАЧ. Такова верхняя строка, упоминающая автора доноса. На центральной строке идет сам донос. Сначала написано буквами, но в слоговом чтении слово НОЧНОЙ, а затем ДИАКЪНЪ ПИЛЪ слоговыми знаками, рис. 23-2. Таким образом, дьякон, служивший всенощную, позволил себе расслабиться горячительным, а монах ЗВОН это увидел и накатал на него “телегу”. Итак, полный текст читается **ЦНЦ ЗВОН. НОЧНОЙ ДИАКЪНЪ ПИЛЪ**. Так что основания для тайнописи были очень вескими.

Новгородская грамота № 255. Ее я тоже привожу целиком, рис. 26-3 [2, с. 82]. Арциховский в ней тоже не видит связного текста: «*Это кусок бересты, на котором в беспорядке нанесены отдельные буквы — А, И, В Я. Есть еще перечеркнутая буква... Для палеографии данных нет. Стратиграфическая дата — середина XIV века. Кто-то пробовал на этом куске бересты орудие письма перед тем, как начать писать на другом куске. Для каллиграфического упражнения буквы слишком небрежны*» [2, с. 82]. Действительно, этот текст у меня вызывал самые различные предположения, так что я читал его несколько раз и всё по-разному. Не вызывает сомнения, что вначале нужно прочитать то, что находится внутри картуша, но читать ли сам картуш, и как его читать — это большая проблема. В конце концов, я принял решение начать чтение с картуша, который повернут по отношению к остальным знакам на 180^0, и тогда он мне показался похожим не на ВО, а на РЕ, причем на его верху находился знак ЗА, который, следовательно, надо было читать раньше. Другой знак ЗА можно было обнаружить внутри картуша, наложенным на плохо начертанный знак ЛЪ; ниже помещалась буква ЮС МАЛЫЙ, которая обычно читается как Я. Все это позволило мне прочитать первые два слова как ЗАРЕЗАЛЪ Я, что меня заинтриговало, поскольку тут речь шла, таким образом, о признании в совершении тяжкого преступления. Затем, при нормальном расположении бересты, следовало прочитать лигатуру слева, которая должна была обозначать отдельное слово; после ряда колебаний я прочитал его как слово ЛЕНЪКУ. Далее шли две отдельных буквы, которые, видимо, имели слоговое чтение, я их прочитал НА и ВО, а затем верх оставшейся справа лигатуры как ЛЕ, что дало

слова НА ВОЛЕ. Низ лигатуры, тоже после ряда сомнений, я прочитал как ПЬЯНЪ, так что весь текст выглядел как признание преступника: **ЗАРЕЗАЛЪ Я ЛЕНЪКУ НА ВОЛЕ, ПЬЯНЪ**, рис. 26-4. Теперь становилось понятным, почему данная надпись вообще начертана не в линию, а разбросана по всему телу бересты. Пожалуй, эта грамота является самой тайной среди всех рассмотренных, поскольку тут приняты все возможные методы шифровки: слоговые знаки чередуются с буквами, буквы имеют слоговое чтение, слоговые знаки объединены в лигатуры, а часть записи развернута на 180^0 по отношению к другой части. Так что перед нами — особо изощренная тайнопись преступника. Записка адресована, видимо, кому-то на воле, чтобы он был в курсе дела. Вместе с тем, надпись настолько сложна в дешифровке, что полной уверенности именно в таком чтении у меня нет. Прежде, в 1999 году я читал эту грамоту так: БЕСЯТА ВЫЛАЗЯТ НА ВЛАСА (день св. Власа приходился на 6 января по ст. стилю, на Богоявление) [11, с. 43].

Новгородская грамота № 399. Я привел только текст, опустив поля грамоты, рис. 23-5 [3, с. 101]. Арциховский отмечает: «*Это кусок бересты, на котором нанесены 19 буквообразных знаков в сточку и 5 маленьких знаков по дуге. Среди двенадцати знаков пять — варианты И и Н. Транскрибировать невозможно... Стратиграфическая дата — рубеж XII-XIII веков*» [3, с. 100]. С первого взгляда видно, что текст состоит из двух частей, крупного и мелкого шрифта, причем крупный шрифт довольно корявый, тогда как мелкий — весьма аккуратный. Так что скорее всего писало два человека, где один начал, а другой продолжил. Это напоминает пароль и отзыв в армии, допускающие человека войти в охраняемый объект.

Сам текст для дешифровки не особенно сложен, хотя и состоит из чередующихся знаков слоговой письменности и букв. Первый текст выглядит как **ДАВЪНЫИ ДЪНИ ПОЛЪНЫ**, второй — сверху **ПЕСЕНЪ**, снизу **ЛЬЖИВЫХЬ**, рис. 23-6. Подозрение насчет пароля и отзыва здесь усиливается, ибо по поводу ностальгических воспоминаний о давних днях или о лживых песнях вряд ли кто-то будет писать записки. Впрочем, возможно, что мы имеем дело и с ностальгическими воспоминаниями, тогда первый крупный и неряшливый текст принадлежит мужчине, а мелкий и четкий — женщине, которая, возможно, не стала его женой, и потому его тогдашние разговоры и обещания (ПЕСНИ) были ею названы ЛЖИВЫМИ. Причина тайнописи в таком случае — нежелание, чтобы кто-то посторонний понял характер прежних отношений между этими двумя людьми.

Новгородская грамота № 116. На грамоте № 116 XII века из Новгорода сохранились по краям дырки от отверстий, показывающие, что береста сшивалась в цилиндр, рис. 24-1 [1, с. 49]. На бересте есть надпись кириллицей, СЕ — ЛУШЕВАН, рис. 24-4. Но основная надпись выполнена слоговым письмом в виде зигзага с лигатурами, который первоиздатели, естественно, за надпись не считают; ими прочитано только имя ЛУШЕВАН. Я читаю: вначале ТУЕСЬ, то есть ТУЕС, рис. 24-2, затем аналог кирилловской записи, **СЕ — ЛУШЕВАН**, рис. 24-3, далее — **МАЛЫШЬ-ШЬКОЛЯРЪ, МАЗИЛКА НЕМОЙ**, рис. 24-5 и 24-6, и вновь **СЕ — ТУЕСЬ**, рис. 24-7. Очевидно, что туес принадлежал школьнику, возможно, с дефектами речи. Смешанная надпись на боковине туеса школьника Лушевана весьма напоминает крышку туеса школьника Онфима, но написана веком раньше. Причина обращения к тайнописи — не только озорство мальчишки, но и желание не выдавать свой дефект и свое доброе отношение к себе.

Грамота из Чебоксар № 1. Эта находка была сделана в определенной мере неслучайно. «*В 1969 году первый Чувашский отряд археологической экспедиции ИА АН СССР (начальник — Ю.А. Краснов) проводила раскопки в Чебоксарах. Археологические работы большого масштаба в столице Чувашии проводятся впервые. Раскоп был заложен во дворе школы № 15 на улице Чернышевского, в древней части города, на берегу реки Чебоксарки, у подножья холма, где в 1555 году была построена деревянная Чебоксарская крепость. Мощность культурного слоя в раскопе достигала 4,7 м. Были вскрыты напластования от XVIII-XIX до XIV веков и изучена часть городского квартала, планировка которого существенно не менялась с XIV века до наших дней. Почвенные условия обеспечили прекрасную сохранность дерева и других органических материалов, особенно в средних и нижних слоях раскопа. Изучены хорошо сохранившиеся остатки деревянных домов, относящиеся к различным периодам. Собрана большая коллекция деревянных и берестяных изделий. Особый интерес представляют два фрагмента берестяного сосуда, найденные... в слое, непосредственно перекрывающем остатки сооружения 12 и подстилающего сооружение 10. Эти сооружения представляли собой жилые дома сравнительно небольших размеров с примыкающими к ним хозяйственными пристройками. В обоих сооружениях отмечены ясные следы кожевенного и сапожного ремесла. Оба фрагмента берестяного сосуда имеют хорошую сохранность... Система расположения отверстий и характер потертости бересты позволяют говорить о соединении стенок сосуда внахлест... Правая часть... занята сверху надписью, снизу — расположенным в два ряда орнаментом. Сохранившаяся часть надписи читается как БЕРОЗОВОЙ (написание слова “береза” и его производных через О вместо Ё часто встречается в памятниках древней русской письменности, в том числе в Новгородских берестяных грамотах XIV-XV веков; см., например, грамоты № 27 и 40). За ней следует как будто бы буква Л, и еще одна буква, характер которой определить трудно, так как береста здесь оборвана. По-видимому, это начало надписи, полностью восстановить которую невозможно. Высота букв различна и колеблется от 15 до 4 мм. Надпись выполнена полууставным письмом, в начертаниях букв, особенно первых трех, прослеживается определенное стремление к изяществу формы. Ниже надписи расположен орнамент. Первый ряд его состоит из изображений листьев с характерными изящно приостренными концами и четко прорисованными прожилками. Их форма напоминает листья сочных растений, например, кувшинки. Сохранившаяся часть орнаментального пояса состоит из пяти изображений листьев, расположенных в вертикальном положении, почти вплотную друг к другу... Еще ниже располагается второй орнаментальный пояс, состоящий из прямоугольной рамки... с включенным в нее довольно сложным растительным узором... Весь облик рамки с узором удивительно напоминает книжную заставку, которую она, очевидно, и воспроизводит. На поверхности бересты видны также прочерченные линии. Некоторые из них следует рассматривать как отдельные небрежно написанные буквы, не составляющие слов... Остатки берестяного сосуда из Чебоксар интересны наличием надписи на стенке и использованием в орнаменте мотивов, заимствованных из рукописных книг. Несомненно, что человек, изготовивший этот сосуд, был не только грамотен, но и хорошо знаком с русскими рукописными книгами*» [15, с. 269-271]. — Насчет последнего я не уверен, поскольку, на мой взгляд, на бересте написан рецепт снадобья, рис. 25-1[15, с. 270, рис. 2], причем орнамент одновременно

является и слоговой надписью, а надпись кирилловская обрамлена слоговыми знаками.

Первый слоговой знак С изображен под буквой Б в лежачем состоянии; а то, что первоиздатели посчитали “будто бы буквой Л и еще одной буквой” представляет собой слово КОРЫ в слоговом начертании. Так что заглавием последующей надписи является СЬ БЕРОЗОВОЙ КОРЫ; можно полагать, что на оторванной части написано слово ОТВАР. Под буквой Р процарапаны две косые черты, а ниже еще два знака, которые можно прочитать как слово ДЬНЕСЬ. Правее можно прочитать слово СЬВАРЕНО, где знаки частично размещены над изображениями листьев, а частично прямо на них. На оторванной части коры должно быть продолжение, о котором, однако, трудно что-либо сказать. Слева внизу по вертикали находятся два знака, из которых первый является лигатурой ЛО и ЖИ, а второй — просто ЛЪ, что образует слово ЛОЖИЛЪ. Рядом проходит характерный изгиб, напоминающий зеркальный нак З, то есть ЖЕ. Еще правее виден знак Л и большой знак Х, что можно прочитать как ЖЕЛЕЗО. Остальные знаки можно прочитать во втором орнаментальном ряду (нижнем). Верхний ряд читается СОЛИ, а чуть ниже и левее — ЛЪ, что означает СОЛИЛЪ; далее можно прочитать три знака как ЛИЛЪ ВО..., что можно понять, например, как ЛИЛЪ ВЪ ОТВАР (и далее должен быть назван компонент, например, сок березы или другого растения); наконец, на самой нижней строке можно прочитать СИЛЬНЪ, НО..., что может означать, например, НАГРЕВАЛ СИЛЬНО, НО ОСТОРОЖНО. Ниже всего можно прочитать надпись БЕЗЪ — она должна быть тоже продолжена вправо, указывая, какой ингредиент отвара сознательно не был добавлен. Тем самым получается несколько рваный текст**: СЬ БЕРОЗОВОЙ КОРЫ (ОТВАРЪ). ДЬНЕСЬ СЬВАРЕНО. ЛОЖИЛЪ ЖЕЛЕЗО. СОЛИЛЪ. ЛИЛЪ ВЪ (ОТВАРЪ СОК...). (НАГРЕВАЛЪ) СИЛЬНО, НО (ОСТОРОЖНО). БЕЗЪ (ДРУГИХЬ ДОБАВОКЪ)**, рис. 25-2. Это можно понять как *(ОТВАР) ИЗ БЕРЁЗОВОЙ КОРЫ. НА ДНЯХ СВАРЕН. ПОЛОЖЕНО ЖЕЛЕЗО. СОЛИЛ. ЛИЛ (В ОТВАР СОК...). (НАГРЕВАЛ) СИЛЬНО, НО (ОСТОРОЖНО). БЕЗ (ДРУГИХ ДОБАВОК).* Таким образом, перед нами действительно рецепт снадобья. Тайнопись применена для того, чтобы другие люди не смогли повторить то, что сварил лекарь.

Грамота из Торжка № 1. К сожалению, в данном случае представлен обрывок грамоты, однако из него можно понять суть документа, рис. 26-1 [16, с. 81]. По словам первоиздателя, «*эта грамота — азбука (определение В.Л. Янина) состоит из строк, в которых писавший тренировался в начертаниях букв древнерусского алфавита. Наиболее получившаяся буква А заключена в прямоугольник. Грамота обнаружена внутри небольшого производственного сруба, датируемого второй четвертью XII века*» [16, с. 80]. Разумеется, эта грамота — вовсе не азбука; нет не только начальной, но даже средней или концевой последовательности азбучных букв. Единственно, что можно предположить, так это то, что В.Л. Янин, увидев в изобилии слоговые знаки и их лигатуры, в которых невозможно было узнать что-то знакомое, решил, что перед ним некоторое упражнение в написании букв. Так в свое время поступал А.В. Арциховский, как мы видели несколько выше.

Вначале текста, как я полагаю, идут кирилловские знаки; разве что Л читается как ЛО. Первое слово, видимо, будет слово ПЛОХ, а второе, у которого не видно верхней части — Я. Дальше разобрать трудно, но можно догадаться, что три следующих слоговых знака, это ЛЕ, ЖИ в значении ЖУ, и

И. Так что начало можно понять как ПЛОХ Я, ЛЕЖУ И... В конце строки виден вертикальный штрих, который можно принять за ножку Т, затем виден маленький слоговой знак ВО и, наконец, 4 косых параллельных черты. Эту часть можно понять как ТЪВО(Й) ДЯДЯ. Такова первая, наименее сохранившаяся строка.

Во второй строке можно прочитать ИНДА ПРОСТЫЛ, где в слове ИНДА последний знак — слоговой, а в слове ПРОСТЫЛ слоговыми будут РО и ТЫ. Далее идут две слоговые лигатуры. Первую, что пониже, я читаю И НОЧЬЮ, а вторую, повыше — ПОТЕЛ. Затем идут две самых трудных лигатуры, начертанных нарочито прямоугольными знаками; я подозреваю в них два слова. Первое я выделяю, разлагая лигатуру по вертикали на слоговой знак ДА наверху и букву В в слоговом чтении ВЯ; вторая лигатура мне представляется кирилловской, и я читаю слово ГНИД, то есть "личинок вшей". Вероятно, это занятие было особенно неприличным, так что слово ГНИДЫ, и сопровождающее его слово ДАВЯ были написаны наиболее запутанно. Затем идет довольно легкий участок — И ТАК ПОТЕЛ...; на нем заканчивается вторая строка. Похоже, что вторая половина второй строки написана особенно тщательно, когда автор надписи чувствовал себя относительно неплохо; это, видимор, было утром после неприятной ночи. Зато третья строка начертана вкривь и вкось; сначала идет очень маленькая буква А, а вслед за ней — непомерно большая с волнообразным зигзагом. Если этот зигзаг поставить вертикально, получится буква ЗЕЛО, и тогда можно будет прочитать начало фразы А ЗАПИЛ. Теперь понятно, почему почерк стал таким невнятным: очевидно, третья строчка была написана через большой промежуток времени, после того, как ДЯДЯ принял большую дозу спиртного, возможно, через день, когда он еще не до конца протрезвел. Следующее слово написано уже слоговыми знаками, оно начинается с наложения знака ЗА на предыдущий не справа, а слева, потом идет очень кривой знак ПО, а у ж Е или МЬ едва понятны. Ясно, что в состоянии опьянения знаки получались не только кривыми, но и наползали друг на друга и весьма деформировали линию строки. Итак, полный текст грамоты можно себе представить так: **ПЛОХ Я, ЛЕЖУ И... ТВО(Й) ДЯДЯ. ИНДА ПРОСТЫЛ, И НОЧЬЮ ПОТЕЛ, ДАВЯ ГНИД. И ТАК ПОТЕЛ. А ЗАПИЛ ЗАПОЕМЬ**, рис. 26-2. — На мой взгляд, "дядя" особенно не старался скрыть свое несчастье — и болезнь, и расправу с гнидами, и запой, — так что тайнопись у него вышла сама собой, от несоблюдения ни шрифта, ни нормального вида букв, ни линии строки. Понятно, что от простуды "дядя" лечился народными средствами, то есть употреблением горячительного, однако перебрал и вошел в запой. Так что его записку я бы квалифицировал как "труднопись с перепоя".

Новгородская грамота № 199, внутренняя сторона. Крышка туеса новгородского мальчика Онфима — достаточно известная грамота, а надписи внутренней стороны представляют собой самостоятельный документ, почему я ее и выделяю в отдельный текст, рис. 27-1 [2, с. 18]. А.В. Арциховский писал об этой находке так: «*Это первая из грамот Онфима, которым я уже посвятил особую статью [15]. В грамотах имеются детские рисунки. Перед нами овальное донышко берестяного туеса, использованное для школьных записей. Донышко было оторвано от туеса, вероятно, отслужившего свой срок и дано ребенку для занятий. По краям пробиты дырочки для прикрепления к стенкам. Снаружи на донце набиты были для прочтения крест-накрест две берестяные полосы; они заполнены записями*» [2, с. 7]. Далее следует описание внешней

части бересты, тогда как в данный момент более интересно описание ее внутренней части: «*Всякий мальчик, когда ему надоедает писать, начинает рисовать. Так бывает теперь, так было и в средние века. Как выше говорилось, на обороте нарисован зверь. Техника рисунка та же, что и техника письма на бересте, то есть процарапывание. Рядом с рисунком имеются надписи, почерк которых совпадает с почерком лицевой стороны. Буквы, впрочем, небрежные, и это понятно, здесь уже не школьное задание. Зверь нарисован по возможности страшный. Морда к него квадратная, уши кошачьи, язык вытянут, и кончается оперением, вроде оперения стрел. Шея изображена одним штрихом, так же как и туловище и четыре ноги, при этом шея длиннее, чем туловище. Хвост загнут спиралью. Подпись к рисунку... в современной транскрипции... гласит: Я ЗВЕРЬ. Зверь сам себя рекомендует. Верхняя надпись оборотной стороны обведена четырехугольным контуром в знак того, что она не имеет отношения к зверю. Она гласит в современной транскрипции: ПОКЛОН ОТ ОНФИМА КО ДАНИЛЕ. Эта формула (поклон от кого-то к такому-то) типична для берестяных писем. Здесь дети подражают взрослым. Один мальчик передает поклон другому, сидевшему, может быть, рядом. Автора грамот № 199 и ряда следующих грамот звали Онфимом. Этот поклон позволяет угадать имя, ведь здесь, по существу, подпись. Грамоты № 200 и 203 подтверждают этот вывод. Имя Анфим имеется в православных святцах. Здесь оно написано через О в соответствии с новгородским произношением*» [2, с. 20]. — На мой взгляд, изображенное животное имеет голову слева, действительно квадратную, которую оно склонило до земли, чем и осуществило поклон. В таком случае над надписью о поклоне возвышается его спина, весьма округлая и напоминающая горб верблюда-дромадера (одногорбого). Это согласуется с надписью о поклоне Анфима. Но, разумеется, наиболее интересный момент рисунка, — это составленность его из слоговых знаков, которые я читаю вслед за надписью Я ЗВЕРЬ, рис. 27-3 как ВЕЛЪББЛЮДЬ-ЗЬВЕРЬ, (ВЕЛЪББ начертано слева и сверху прямоугольной рамочки, обводящей кирилловскую надпись, а люди и ЗЬВЕРЬ — под ней) НОВО НАЧАЛЪ (надпись ярусом ниже) ЗЬВЕРРРРЕТЬ (здесь читается морда верблюда, четыре ноги и крестик на морде), рис. 27-4. Полный текст звучит так: **ПОКЛОН ОТ ОНФИМА КО ДАНИЛЕ. Я — ЗВЕРЬ, ВЕЛЪБЛЮДЬ-ЗЬВЕРЬ, НОВО НАЧАЛЪ ЗЬВЕРРРРЕТЬ!** Иными словами, *ПОКЛОН ОТ ОНФИМА К ДАНИЛЕ. Я — ЗВЕРЬ, ВЕРБЛЮД-ЗВЕРЬ, СНОВА НАЧАЛ ЗВЕРРЕТЬ!* Похоже, что живого верблюда ни Анфим, ни Данила не видели, так что верблюд для них был свирепым хищником, способным озвереть.

Новгородская грамота № 199, внешняя сторона. Она фигурирует как носительница слогового текста, рис. 27-2 [17, с. с. 216, рис. 1], о существовании которого А.В. Арциховский не подозревал. Он упоминает прежде всего азбуку: «*Мальчик писал азбуку в порядке упражнения и, безусловно, не в первый раз. Всего букв здесь 36*» [2, с. 17], затем затрагивает склады: «*За азбукой идут склады. Способ обучения грамоте по складам господствовал у нас до XIX века и держался до XX века. Заучивая БУКИ-АЗ — БА, БУКИ-ЕСТЬ — БЕ и т.д., ученик доходил до понимания, что БУКИ есть Б, и так постигал все буквы. Этот способ был до сих пор представлен в источниках XVI-XVIII веков, теперь он засвидетельствован для XIII века. Каждая из гласных здесь закономерно сочетается со всеми двадцатью согласными русского языка. Уже тогда были отобраны эти 20 согласных, сохранившиеся и доныне, а остальные отброшены (представленные в данной азбуке ЗЕЛО, а также КСИ и ПСИ; фита имеется,*

но она заменяет Ф)» [2, с. 20]. — Мне кажется, что перед нами не донце туеса, а его крышка, и полосы с азбукой и складами — не домашнее упражнение, а декоративная отделка данного “портфеля”. А вот слоговые надписи — это уже вольное творчество Анфима.

Слоговой текст буду читать с левой верхней части. Наверху написано ТЯЖЬ, а под этой лигатурой — КО; еще чуть ниже — БЕ, а справа ДЕТЯ, и внизу — МЬ. Слева читается СУ, поближе к центру — РО, в центре — КАМИ. Далеко справа имеется лигатура, которая читается СЬЛАБЕЮТЬ, рис. 27-5. Справа, под основной полосой с азбуками и складами, можно видеть четыре знака, три из которых суть лигатуры; первая из них читается СЕ ЖЕ, второй знак — СУ, третья МА, а четвертая распадается на смешанную надпись ДЕТИШЕК ПО, и на третьем знаке можно видеть продолжение ПА, рис. 27-6. Наконец, между полосами внизу можно прочитать лигатуру как ОНЪФИМЪ, рис. 27-7. Тем самым данный полный текст выглядит так: **ТЯЖЬКО БЕ ДЕТЯМЬ СУРОКАМИ — СЬЛАБЕЮТЬ! СЕ ЖЕ СУМА ДЕТИШКИ ПАПЫ ОНФИМА**. Под жалобой на тяжесть уроков, от которых слабеют дети, с удовольствием подписался бы и любой современный школьник. Это означает, что задания были довольно большими, то есть наша педагогическая система была весьма отлаженной еще в XIII веке.

Новгородская грамота № 376. Общий вид ее показан на рис. 28-1[3, с. 76]. Первоиздатель сообщает о ней следующее: «*Это — донце туеса с буквами и буквообразными значками, нанесенными на него в беспорядке. Настоящая находка включена в общую нумерацию грамот, поскольку туда надо включать всякую исписанную бересту, что обосновано мною при описании грамоты № 116. На донце туеса небрежно нарисована человеческая фигура, перечеркнутая затем крестообразно. Над головой четыре буквы, А, В, Г, Д. Это — четыре первые цифры, что ясно уже из их порядка и подтверждено титлами. Слева от фигуры четыре строки ЖЯА НЪЗАБ РААКУ СТРАЖЬ. Осмыслена только четвертая строка, СТРАЖЬ. Пятая строчка стоит вверх ногами: ГЖЯЬ. Буква Г изображена зеркально. Справа от фигуры несколько раз повторена буква Н в чередовании с другими знаками. Ниже есть еще одна строчка буквообразных знаков. Наконец, в центре донца вверх ногами стоят две буквы большого размера ЯР... Для палеографии мало данных, для толкования нет данных. Стратиграфическая дата — рубеж XIII-XIV вв. или начало XIV века*» [3, с. 76]. — Данная грамота представляет собой довольно сложный документ, содержащий и кирилловские строки, и знаки слоговой письменности. Насколько мне известно, данную надпись попытался прочитать Адольф Васильевич Зиновьев. У него получилось: **1,2,3,4. ТАК ЯЗЪ ЕСТЬ НЪЗАР, ГАЮКИЙ СТРАЖЬ, ТИАХЛХ ИМИАЛ, (ГЛАВУ) Р...ИЛ, ЯР ХРТ (ХРИСТОС) Г (ГЛАВУ) И ЛИК ХРАНИТ НР (НАЗАРА). СЛЕД**, что означает *ТАК Я, НАЗАР, ЗАСЕЧНЫЙ СТРАЖ, ТЯГЛЫХ ИМАЛ И ГЛАВЫ РУБИЛ! — НЕТЯГЛЫХ, А ЕРЕТИКОВ, ЯРЫГ РАЗБОЙНЫХ, ГОЛОВНИКОВ... ГРЕХ КАЗНИТЬ ИМКОВ, РИСКОВЫЙ ТЫ РАТНИК. — дА, ЖИВОТА НЕ ЩАДИЛ, ВОТ ТЕ КРЕСТ... ХРИСТОС ГЛАВУ И ЛИК ХРАНИТ НАЗАРА* [18, с. 241-246]. Якобы такой диалог был записан на донце туеса между стражником Назаром и Отцом Кириллом. Легко видеть, что попытка дешифровки исходила из чисто кирилловского прочтения, которая, к тому же, была произведена весьма неаккуратно, а остальное — плод буйной фантазии эпиграфиста. Слов ГАЮКИЙ, ТИАХЛХ, ИМИАЛ русский язык не знает. Неясно, зачем нужны

цифры. Нет объяснения и крупным знакам в центре дна, на которые, кстати, не обратил внимания и А.В. Арциховский.

Мне представляется, что надпись состоит из 5 частей: центральной, не имеющей обозначения, и 4-х квадрантов, каждый из которых соответствует цифрам: первый слева вверху, второй слева внизу, третий справа вверху (в самом квадранте надд строчкой с преобладающими знаками N стоит буква Г) и четвертый справа внизу. Чтение начинается с самой жирной надписи в центре, которую я читаю сверху вниз как НЕЖИТЬ, рис. 28-2, то есть *СУЩЕСТВО ТОГО СВЕТА, НЕЧИСТАЯ СИЛА*. Далее я читаю портрет в профиль на уровне рта: ПЬЯНАЯ (запись смешанная), а затем на уровне глаза — БЕЗЪ ЖАЛОСЬТИ, а еще ниже, кверху ногами — ЯРОВЫЕ, рис. 28-3. Дальше я читаю квадрант 1: РЖА ОНЪ ЗАБРА ЯКУ СТРАЖЬ, и ниже, кверху ногами — ВЗЯ ЯЬ, а затем, РЖА, то есть *РОЖЬ ОН ЗАБРАЛ КАК СТОРОЖ*, *ВЗЯЛ ЕЕ, РОЖЬ*, рис. 28-4. Букву О в слове ОН можно прочитать как слоговую лигатуру ВОЕВОДЫ ВОРЪ, рис. 28-6. Так произошел переход во второй квадрант, где справа на средней строке можно прочитать ВОИ, рис. 28-7, а внизу — И ТЫ МЕСЬТИ ЖЕ ВОЕВОДЫ ЖЬДИ!, рис. 28-8. В третьем квадранте можно прочитать ДИКА ЛЬЖА, ДИКАЯ ЛЬЖА, ДИКА!, рис. 28-9. В четвертом квадранте нарисован портрет, но без рта, вокруг которого читается по вертикали ИРОДЬ, по горизонтали МИРОЕД и ЖАЛО, а затем по вертикали, но с разворотом каждого знака на 90^0 вправо — КЪЛУНЪ (*КАЛУН*), рис. 28-10. Таким образом, полный текст выглядит так: **НЕЖИТЬ ПЬЯНАЯ, БЕЗЪ ЖАЛОСТИ! ЯРОВЫЕ РЖА ОНЪ ЗАБРА ЯКУ СТРАЖЬ, ВОЕВОДЫ ВОР! ВОЙ! И ТЫ МЕСЬТИ ЖЕ ВОЕВОДЫ ЖЬДИ, ИРОДЬ, ЖАЛО, МИРОЕД, КЪЛУНЪ! ДИКА ЛЬЖА, ДИКАЯ ЛЬЖА, ДИКА!** Это означает *НЕЖИТЬ ПЬЯНАЯ, БЕЗ ЖАЛОСТИ! ЯРОВУЮ РОЖЬ ОН ЗАБРАЛ КАК СТОРОЖЬ, ВОЕВОДЫ ВОР! ВОИН! ЖДИ ЖЕ И ТЫ МЕСТИ ВОЕВОДЫ, ИРОД, ЖАЛО, МИРОЕД, КАЛУН! ДИКАЯ ЛОЖЬ, ДИКАЯ ЛОЖЬ, ДИКАЯ!* Тем самым ситуация ясна: у крестьянина, собственника данного туеса, весь урожай яровой ржи забрал один из воинов воеводы якобы за охрану местности, что было воспринято крестьянином как дикая ложь. Обзывая грабителя разными словами, крестьянин ждет мести на голову обидчика от воеводы. — Причина тайнописи понятна, это *кукиш в кармане*, тайный бунт против более высоко стоящего обидчика. Разумеется, крестьянину с воином не совладать, а своих трудов жалко, да и вся его семья остается без ржаного хлеба. Разумеется, ни о каких Назарах, отцах Кириллах и отрубленных головах тут речь не идет.

Новгородская грамота № 444. Я привел ее на рис. 29-1 [19, с. 41]. Первоиздатели пишут о ней: «*Это — целый березовый лист, на котором нацарапано АБВГД. В остальном поле листа беспорядочные штрихи, написанные и зачеркнутые буквы... Стратиграфическая дата: 70-е годы XII века. Палеографические признаки не противоречат ей*» [19, с. 46-47]. Тем самым об этой, одной из самых длинных по количеству слогового текста грамот, написано менее всего эпиграфистами. Разумеется, беспорядочных штрихов на данной грамоте я не обнаружил. Зато сами знаки можно поделить на крупные, средние и мелкие. Чтение я начинаю с крупных знаков в центре. Они читаются БОРЕ, а чуть ниже — ПОЛЯ, рис. 29-2. Тем самым адресатом является мужчина по имени БОРИС, а отправителем — женщина по имени Полина. Никакого поклона от Полины к Борису нет, что свидетельствует о явной неофициальности данной записки. Далее следует АБВГД, начальные

буквы азбуки, что не только для нас, жителей XX века, но и для читателей того времени означало, что перед ними находится ГРАМОТА, рис. 29-3.

Затем идет сам текст, но весьма мелко, так что я его даю в увеличенном виде. Мелкий текст можно прочитать как ВЪТАЙНЕ ТЫ, рис. 29-4; затем идет средний текст, который я тоже несколько увеличиваю: СЬХОДИ СЬ РАНЕЧА, ЗАГЪНИ ЛЫЖИ; далее мелкими буквами написано Е, а чуть правее, в лигатуре, еще одна буква Е, что образует слово ЕЕ, рис. 29-5; низ лигатуры, начинающейся с Е, продолжается вниз, образуя слово РОГОВЕ и ВЬ, затем идет лигатура со знаками ЛО и ЖИ, рис. 29-6. Здесь можно считать, что данная фраза кончилась и пошла другая, к которой относится новая лигатура, которую я читаю ВЪ РУКАВИЦЫ, рис. 29-7. Правее и выше расположена лигатура из более крупных знаков, которую я читаю СЬВИНЕЦЬ, рис. 32-8. Еще правее и ниже размещена в рамочке лигатура из букв и слоговых знаков, которую я читаю АИДА, рис. 29-9. Над ней находится два знака, которые я читаю как ГОНИ, рис. 29-10, а две буквы ЯТЬ правее и ниже я читаю как ЕЕ, рис. 29-11. Полумесяц вверху можно прочитать как предлог ИЗЬ, рис. 29-12, а большой слоговой знак РЕ слова БОРЕ имеет ряд выступов, которые в сумме можно понять как слово НОРЬКИ, рис. 29-13.

Правая часть грамоты содержит 4 относительно крупных знака, которые образуют композицию ПОКА, СЕ — Я, рис. 29-14, и слева и внизу от Я расположена лигатура, которую можно прочитать как БОРЬКА, рис. 29-15. Собственно говоря, здесь завершается основная часть послания. Однако затем можно прочитать постскриптум, написанный более мелким и совсем мелким шрифтом. Вначале можно прочитать слово НОЧЬ, рис. 29-16 (между ПО и КА и на вершине КА), далее — слова ПЪРО НАСЬ, рис. 29-17 (начертанные на знаке КА и между КА и СЕ), выше и более мелко написанные лигатуры можно прочитать и как НОВАЯ, ГОРЯЧА и как НОВА И ГОРЯЧА, рис. 29-18. Очевидно, этого Полине показалось мало, и она добавила внутри основания знака СЕ перевернутый вверх ногами знак ШЕ и чуть правее — ЛИ, то есть ШЬЛИ, рис. 29-19, а затем лигатуру правее Я и прямо на СЕ — НЪ НОЧЬ, рис. 29-20. Правее расположен столбик из двух знаков, читаемый ПОЛЕ, слева от ЛЕ находится лигатура из двух знаков, читаемая НОВУ, и, наконец, в самом низу — еще одна лигатура, читаемая НОЧЬ, рис. 29-21. Теперь можно синтезировать весь текст, который гласит: **БОРЕ — ПОЛЯ. ВЪТАЙНЕ ТЫ СЬХОДИ СЬ РАНЕЧА, ЗАГЪНИ ЛЫЖИ РОГОВЕ, ВЬЛОЖИ ВЪ РУКАВИЦЫ СЬВИНЕЦЬ АИДА, ГОНИ ЕЕ ИЗЬ НОРЬКИ. ПОКА, СЕ Я, БОРЬКА! НОЧЬ ПЪРО НАСЬ, НОВА И ГОРЯЧА! ШЬЛИ НЪ НОЧЬ! ПОЛЕ — НОВУ НОЧЬ**. Это означает *БОРЕ — ПОЛЯ. ВТАЙНЕ ТЫ СХОДИ СПОЗАРАНОК, ПРИГОТОВЬ РОГОВЫЕ ЛЫЖИ, ВЛОЖИ В РУКАВИЦЫ СВИНЕЦ АДА И ГОНИ ЕЕ ИЗ НОРКИ! — ПОКА! ЭТО Я, БОРЬКА! НОЧЬ — ДЛЯ НАС, НОВАЯ И ГОРЯЧАЯ! (А ЕЕ, ЭТУ ЖЕНЩИНУ) ПОШЛИ ПОД НОЧЬ, (ЧТОБЫ) ПОЛИНЕ (ДАТЬ) НОВУЮ НОЧЬ*. Таким образом, перед нами — записка любовницы, направленная Борису для того, чтобы он отослал, видимо, законную жену из дому под ночь на лыжах (возможно, за город, например, к родителям), причем сделал бы тяжелыми ее рукавицы, чтобы она утомилась дорогой (и, следовательно, устала бы и долго спала), так что ночью Полина смогла бы навестить Бориса для “новой и жаркой ночи”. Перед нами — самый длинный текст из всех, написанных слоговым письмом, он содержит 35 слов. Он очень сложен для чтения.

Берестяной поддон из Старой Ладоги. Многие сосуды были сшиты из бересты и имели берестяные стенки, пришитые к поддону. Качества шва было таково, что вода не просачивалась, но, видимо, не всегда. На данном поддоне, рис. 30-1 [20, с. 49, рис. 36], имеется надпись, о которой первоиздатель, однако, ничего не сообщает. Я читаю ее **ЗАЛЕ(Й)**, рис. 30-2, что означает, что нормальное состояние бересты в сосуде — мокрое (иначе она рассохнется и начнет пропускать воду). Здесь перед нами традиционная надпись.

Берестяной поддон из Киева. От него сохранилась лишь пара фрагментов, рис. 30-3 [21, с. 76, рис. 23]. О нем первоиздатели сообщают следующее: «*Впервые за всю историю раскопок удалось обнаружить и киевскую бересту: цилиндрический стаканчик, донценебольшого короба с прочерченными на нем крестами, фрагментами других изделий и просто заготовками березовой коры. К сожалению, найти грамоту нам не посчастливилось*» [21, с. 34]. — Меня эта ремарка удивила, ибо на донце были начертаны не кресты, а вполне читаемые знаки, так что данный поддон и является берестяной грамотой в полном смысле слова. Правда, надпись очень короткая: буква N в слоговом чтении как НА (что нам уже встречалось) и слоговой знак ЛЕ, так что вместе получается текст **НАЛЕ(Й)**, рис. 30-4. Надпись традиционная.

Новгородская грамота № 396, рис. 30-5 [3, с. 98]. А.В. Арциховский о ней пишет: «*Это кусок бересты, на котором нанесены 19 буквообразных знаков в строчку и пять маленьких знаков по дуге. Среди 12 знаков — варианты И и Н. Транскрибировать невозможно. .. Стратиграфическая дата — рубеж XII-XIII веков*» [3, с. 100]. Грамота читаема, но в ней несколько лигатур чисто слоговых знаков. Я читаю ее **СЬ НОВЪГОРОДА — ЧЕНЪТЬСУ**, рис. 30-6, что означает *ОТ НОВГОРОДА — ЧЕРНЕЦУ (МОНАХУ)*. Очевидно, речь шла о каких-то пожертвованиях со стороны Новгорода монаху. Причиной тайнописи является, возможно, незаконность получения денежных средств от новгородцев.

Смоленская грамота № 6, рис. 30-7 [22, с. 189, рис. 3]. Грамота плохо датируется стратиграфически в силу неясности залегания слоев в месте находки, а также палеографически — из-за малочисленности знаков. Я читаю **ТЕ МУЖИ**, рис. 30-8. На мой взгляд, речь идет о бирке, сопровождающей деньги; кто такие ТЕ МУЖИ — знает и отправитель, и адресат. Однако об этих деньгах должны знать только отправитель и получатель.

Новгородская грамота № 401. Я помещаю только нижний фрагмент, рис. 31-1 [3, с. 100], перевернув его предварительно на 180^0. Это — днище бывшего глиняного сосуда. Первоиздатель отмечает: «*На берестяном днище сосуда нанесены буквы ЮМРИ. Затем — росчерк и отдельно стоящая буква И... Палеография не противоречит стратиграфической датировке, а это вторая половина XIV века*» [3, с. 100]. Разумеется, надпись сделана слоговыми знаками, которые я читаю так: наверху — **ЛОЖИ**, рис. 31-2, а внизу — **РЕЖЬ КУЛИЧЬ НА РАВЪНЪ/Ы ШЕСТЪНА**... , рис. 31-3, то есть *КЛАДИ, РЕЖЬ КУЛИЧ НА РАВНЫЕ ШЕСТНАДЦАТЬ ДОЛЕЙ*. Стало быть, сосуд предназначался для хранения и транспортировки кулича. В надписи я вижу не тайнопись, а традиционное хозяйственное распоряжение.

Старорусская грамота № 1. Найдена в 1989 году в раскопках в Старой Русе под руководством В.Г. Митрофанова, все попытки ее чтения первоиздателем не дали никакого результата, рис. 31-4 [23, с. 8]. Я посвятил этой грамоте отдельную заметку, где читал **НЕ РОДИЛА ТАТА К СЪРОКУ-ТА**, то есть *НЕ РОДИЛА ТАНЯ К СРОКУ-ТО*, рис. 31-5 [24, с. 107]. Это же

чтение я сохраняю и теперь. Перед нами — донос (возможно, одной женщины на другую, например, свекрови на сноху).

Донце туеса Рюрикова городища. Первоиздатель пишет о нем: «*Особый интерес представляет овальное днище размерами 14 х 23 см из слоя середины Х века, на котором процарапаны знаки в виде двух расположенных рядом "ёлочек"*» [25, с. 70], рис. 32-1. При ближайшем рассмотрении видно, что ёлочки представляют собой какие-то растения, возможно, злаковые. Слева видна большая царапина, которую можно прочитать как НЕ, на левом растении справа видна однак ветвь, которую можно принять за слоговой знак ТО, внизу первого знака расположен знак НО. Другая группа знаков расположена в корнях правого растения, где можно прочитать большой знак НЕ. Остальные знаки образуют лигатуру, которая читается как ЗАРЫТЬ. Тем самым, весь текст имеет чтение, **НЕ ТО, НО ТЕ — ЗАРЫТЬ**, рис. 32-2.

Береста со знаками из Минска. Первоиздатель упоминает о процарапанных знаках, рис. 32-3 [26, с. 69, рис. 27], но не называет их. Я читаю **НЕ ЛЕЙ**, рис. 32-4, что означает, что в стенках берестяного стаканчика образовались какие-то проколы, потому что до этого была надпись ЛЕЙ.

Боковина туеса из Переяславля Рязанского. Береста найдена в августе 1978 года в отвале траншеи Переяславского кремля и датирована XIII-XIV веками, рис. 32-5 [27, с. 101, рис. 1]. Сообщается об отверстиях в ней для крепления дна, а также о рисунке всадника на коне, держащего в руках поводья, с усатым лицом, и волокуша, на которой стоит или сидит человек в остроконечном головном уборе, возможно, что — женщина. В левой части рисунка — поясное изображение третьего человека, вероятно, ребенка. В левой части рисунка отмечен также восьмиконечный крест в руке (очевидно, кривая линия понимается как рука, зубцы — как костяшки кисти). В качестве аналога названы рисунки мальчика Онфима из Новгорода. О существовании каких-либо надписей речи нет.

На мой взгляд, надписью является, прежде всего, "крест в руке", но читать данную лигатуру надо так, чтобы крест был иногда горизонтально, иногда вертикально. Тогда "крест с рукой " читается как ЗИМЪНИ, а вертикальная черточка ниже "кисти руки" как Е, два знака вокруг детского поясного портрета и сам портрет как ИГЪРЫ СЪ КО, тогда как продолжение "руки", пересекающееся с продолжением перекладины креста, образуют окончание НЯКОЙ. На всаднике слева — один знак ВО/ВА, тогда как справа их два, что позволяет читать их как ВОВА. На волокуше написан знак И; второй знак я принимаю за РУ с несколько незавершенной верхней петлей, хвост волокуши можно прочитать как НЯ, что образует слово ИРУНЯ. Полный текст я читаю **ЗИМЪНИЕ ИГЪРЫ СЪ КОНЯКОЙ. ВОВА, ИРУНЯ**, рис. 32-6. Причина слоговой надписи — не только традиция, но и желание как можно лучше обыграть знаки слогового письма, придав им вид рисунка, — детская тайнопись, как у Лушевана и Онфима.

Оборот новгородской грамоты № 488, рис. 33-1 [28, с. 224]. Найдена на Готском раскопе в выбросе из слоев XIV-XV вв. Это целый документ, процарапанный на крышке туеса с надписью чернилами на латинском языке 94-го псалма Давида из Ветхого Завета «*Придите, возрадуемся Господу, воскликнем Богу, Спасителю нашему, предстанем лицу Его во исповедании и во псалмах воскликнем Ему*». «*Книга Священного Завета. В апрельские календы — при чтении из Евангелия. Бог есть и ...*» [19, с. 80-83; 28, с. 167-191]. По мнению Дрбоглава, «*загадочность берестяной грамоты еще более*

усугубляется большим числом сгруппированных друг с другом параллельных линий, которые дополняются косыми, их пересекающими. Расположение на листе грамоты своеобрзных столбцов из данных линий напоминает картину, которую иногда можно видеть на страницах музыкальных кодексов, относящихся к этому времени: по краям листа, иногда вперемежку с текстом, приводится нотное сопровождение служб. Логично предположить, что в берестяной грамоте обычные для того времени музыкальные знаки заменены косыми линиями, передающими традиционные параллельные. Может быть, это сделано в стремлении достичь более четкого понимания нот на материале письма, где употребление мелких, плохо заметных знаков было маложелательным и старательно исключалось» [29, с. 191]. Таким образом, перед нами часть католической службы, начало исполняемого хором псалма Давида с нотами. К сожалению, обратная сторона анализу первоиздателей не подвергалась, хотя В.Л. Янин приводит ее внешний вид [28, с. 224].

Пометы сделаны слоговым письмом и, вероятно, имеют какое-то отношение к тексту псалма. Я читаю вначале левую верхнюю композицию, как ПОЙ ТЕНОРА БЕСЬ НОТЪ. Внизу около отверстий, через которые эта крышка туеса крепилась к другим частям, написано ПЕВЪЦЫ НЕ НОВЪЧЬКИ И ЧЬТЯТЬ НОТЫ. Справа вверху я читаю ЗАНЕСИ ЗА, и посередине ЗАВЬ (ТРА). Таким образом, весь текст выглядит так**: ПОЙ ТЕНОРА БЕСЬ НОТЪ. ПЕВЪЦЫ НЕ НОВЪЧЬКИ И ЧЬТЯТЬ НОТЫ. ЗАНЕСИ ЗАВЬ(ТРА)**, рис. 36-2. Это означает, *ПОЙ ПАРТИЮ ТЕНОРА БЕЗ НОТ. ПЕВЦЫ НЕ НОВИЧКИ И ЧИТАЮТ НОТЫ С ЛИСТА. ЗАНЕСИ ИМ НОТЫ ЗАВТРА*. Таким образом, кто-то, скорее всего регент хора, поручает одному из хористов петь 94-й псалом Давида партии тенора, и при этом расписать ноты для остальных партий, а завтра занести хористам, чтобы они смогли пропеть его с листа. Слоговая письменность здесь применяется как бытовой стиль письма.

Выводы. Изучение берестяных грамот чрезвычайно интересно и доказательно, поскольку береста в средние века выступала исключительно писчим материалом для бытовых нужд; это не только наиболее исследованная область эпиграфики, но и тот раздел, которому придавалось особое значение при археологических раскопках. Грамоты тщательнее всего описывались, атрибутировались, датировались; на них старались заметить мельчайшую царапину и любой некирилловский знак. Именно благодаря такой научной скрупулезности моих предшественников мне удалось выявить ряд отдельных некирилловских знаков или рефлексов слоговой письменности, а также прочитать наиболее сложный эпиграфический материал — лигатуры.

Добавление к смешанным грамотам чисто слоговых (хотя такое разделение в известной мере условно) позволяет провести статистическое наблюдение. На сегодня найдено порядка одной тысячи берестяных грамот, то есть кусочков бересты с процарапанными на них знаками. Из них я нашел 35 грамот, содержащих слоговые знаки наряду с кирилловскими буквами, и 10 грамот чисто слоговых. Из этого я заключаю, что число смешанных грамот за период X-XVII вв. составляет 3,5%, а число чисто слоговых — 1,0%. В сумме же эта величина достигает 4,5%. Конечно, данные эти носят предварительный характер, поскольку легко было при исследовании опубликованных грамот пропустить где-то порядка десятка со слоговыми знаками, мало отличающимися от кирилловских букв; часть грамот со знаками, которые можно было принимать за слоговые, я отбрасывал сознательно, поскольку доказать их слоговой характер было крайне затруднительно. Так что

полученный результат весьма важен для понимания общей ситуации в славянской эпиграфике: ученые, отрицающие существование слоговой письменности правы не только на 90, но и на все 95%! С этой точки зрения была вполне понятна позиция А.В. Арциховского, который во всех случаях нахождения слоговых знаков считал их бесцельными росчерками или пробами “пера”; и ради устранения объяснения отдельных знаков типа W он мог перевернуть запись НАШЕЙ и читать ИМЮН, как на грамоте № 89, или вообще опустить комментарий к клочку надписи (одному из 4 фрагментов грамоты № 437), где видна напись MOWII (ее можно было бы прочитать как МОШЬ П..., однако фрагмент слишком короток для каких-либо доказательств). Поэтому официальная позиция сомнительного отношения к существованию слоговой письменности не то, что оправданна, но более или менее понятна.

Но с другой стороны, существование тех же 4,5% грамот со слоговыми знаками убеждает в том, что такая письменность не только существовала, но и сосуществовала с кирилловской: слоговые знаки начертаны в ту же эпоху, на том же материале, тем же средством для выдавливания знаков, теми же техническими приемами, а смешанные надписи добавляют: на том же куске бересты, что и кирилловские знаки и часто той же рукой автора надписи. Тем самым речь идет не просто о случайных ошибках писца, о чисто графических описках (которые тоже, несомненно, были), но об ошибках систематического характера, а в большинстве случаев — и о не ошибках вовсе, а о сознательно начертанных слоговым способом текстах.

Из 45 грамот со слоговыми знаками 34 были найдены в Новгороде, 2 — в Пскове и по одной в Киеве, Минске, Чебоксарах, Торжке, Смоленске, Старой Ладоге, Старой Русе, Переславле Рязанском и Рюриковом городище. Это не означает, что писали слогами только в этих городах, равно как нельзя делать вывод о том, что больше всего писали в Новгороде. Просто сохранность бересты в Новгородской земле много выше, чем в других городах из-за повышенной влажности почвы.

По векам грамоты распределились так (приводятся данные археологов, по некоторым грамотам их не сообщали): X в. — 2; XI в. — 4; XII в. — 8, XII-XIII в. — 9; XIII в. — 5; XIII-XIV в. — 4; XIV в. — 6 и XIV-XV вв. — 1. Легко видеть, что максимальное их количество приходится на рубеж XII-XIII вв., до этого рубежа число грамот медленно растет, а позже — убывает. Кстати, последняя по времени грамота найдена в Чебоксарах, тогда как наиболее ранняя — в Новгороде в связи с изучением азбуки. Возникает впечатление, что данный рубеж является кульминацией сосуществования двух видов написания. До него официальные документы писались кириллицей, тогда как слоговая письменность использовалась главным образом на других материалах, а на бересте писали ею редко. Затем слоговым способом стали писать и на бересте, а после данного рубежа кириллица стала вытеснять слоговую письменность, и к XV веку вытеснила ее окончательно. Кроме того, можно отметить и слабо выраженный второй пик, приходящийся в Новгороде на XIV век. Вероятно, в связи с политическими событиями, стремлению к независимости, слоговое письмо на некоторое время реставрируется; однако это продолжается всего несколько десятилетий, а уже через век оно окончательно исчезает из берестяных грамот. Данную тенденцию было бы интересно проследить и на других памятниках смешанного письма.

Что касается содержания, то наряду со случайными описками существуют грамоты с наибольшим процентом слоговых знаков среди

кирилловских букв. Это, прежде всего, поминальные грамоты, где авторские ремарки, которые мы сейчас напечатали бы мелким шрифтом, помечались слоговыми знаками, например, ВСЕ, или ДВА РАЗА. С другой стороны, при написании имен собственных знаки, похожие на буквы, писались без последующего гласного, а окончания Й опускались. Больше всего таких нарушений наблюдается в конце имен собственных. — Другая группа грамот — азбуки; здесь нередка транлитерация слоговыми знаками отдельных букв и некоторые ремарки авторов надписи. — Третья группа грамот — владельческие, сопровождающие, видимо, денежные или вещевые переводы тем или иным лицам, или удостоверяющие собственность, например, ИЛЬИНА (УЛИЦА); ОТ НОВГОРОДА — ЧЕРНЦУ; ТЕ МУЖИ; ИОНА НЕ ПИСАЛ. Сюда же можно отнести и долговую бирку: НА ВОЛОСЕ — 4 (КУНЫ). При этом в написании слова ИЛЬИНА мы опять видим помещение слогового знака в конце имени собственного. — Что же касается надписей на бытовых берестяных предметах, то они были сделаны чисто слоговым способом, например, НАЛЕЙ, ЗАЛЕЙ, НЕ ЛЕЙ; здесь высокий стиль кирилловской графики был бы неуместен. — Четвертая группа грамот — детская труднопись; это грамоты Онфима, Лушевана, Вовы из Переяславля Рязанского, а также ЧЕРТИ ПЕРО; ЖДИ БОРИСА. Детишки не хотели, чтобы взрослые сразу бы разобрались в их надписях; что ж касается чтения друзей, то , видимо, для того они и создавались; они были предметом гордости за собственную изобретательность. — Ряд грамот “производственной необходимости” написан слоговыми знаками для лучшего понимания или по привычке, например, число вырученных кун (1КУНА) или необходимость хористу петь партию тенора без нот, или ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО, МОЛЮ, МОЛЮ, или ИЗ БЕРЕЗОВОЙ КОРЫ НА ДНЯХ СВАРЕНО, или РЕЖЬ КУЛИЧ НА 16 ЧАСТЕЙ, или ТО — ЗАРЫТЬ; они образуют пятую группу. — К шестой группе можно причислить горестные признания: ПЛОХ Я...А ЗАПИЛ ЗАПОЕМ; или ДАВНИЕ ДНИ ПОЛНЫ ПЕСЕН ЛЖИВЫХ; или ЗАРЕЗАЛ Я ЛЕНКУ.-- Седьмую группу можно составить из доносов: ДЬЯКОН ПИВАЛ; или НОЧНОЙ ДЬКОН ПИЛ; или НОСЕТ К ВЕСЕЛИЮ ВЛАСИЯ, или НЕ РОДИЛА ТАНЯ К СРОКУ-ТО. — Восьмая группа может объединить несколько грамот с сильными чувствами, например, любви (Я, ЛАЗАРЬ, ПИСАЛ РУНЫ) или ненависти (НЕЖИТЬ ПЬЯНАЯ, БЕЗ ЖАЛОСТИ!). — Девятая группа объединяет надписи с аморальными или преступными поручениями: ИЗМАЖЬ ПРИ ПИСЬМЕ, или МОЛИТЬ НА К, НА З, НА В НА Г, или ТАК И ЛЕЧИ ЕЕ, ЮЛЮ, БЕЛЕНОЮ; или ВТАЙНЕ ТЫ СХОДИ С УТРА... ДА И ГОНИ ЕЕ. Таким образом, содержание смешанных и чисто слоговых надписей примерно одинаково и сводится к данным 9 типам содержания.

Глава пятая
Надписи на бытовых предметах

Теперь посмотрим, насколько были распространены надписи на различных бытовых предметах, например, на пряслицах, на сосудах и черепках, на деревянных изделиях и т.д. Этот вид надписей, в отличие от берестяных грамот, распространен гораздо шире, так что в данной короткой работе нет возможности дать сколько-нибудь полный их обзор и приходится давать некоторую выборку. Зато можно выбрать наиболее интересные надписи.

Надписи на пряслицах. Пряслице или пряслень, как называли его в старину, представляет собой грузик из глины или шифера, который надевается на веретено для придания ему более равномерного вращения. Количество найденных пряслиц никем не подсчитывалось, (вероятно, их по Руси найдено тоже не менее тысячи), но пряслица со знаками, особенно с буквами кириллицы (так называемые подписные) всегда выделялись особо. Чаще всего на них ставилось имя владелицы, иногда со словом ПРЯСЛЕНЬ, или одно слово ПРЯСЛЕНЬ, однако бывали случаи, когда надписи оказывались достаточно обширными и интересными. Эти последние дают редкую возможность проникнуть в мир женщины.

Пряслицам была посвящена одна из моих статей [18, с. 39-53], к которой может обратиться каждый желающий получить более подробную информацию по данному виду эпиграфических источников. В середине XX века интерес к надписям на пряслицах был огромный, и почти каждая кирилловская надпись на них обсуждалась на страницах археологических журналов. Правда, слоговых и смешанных надписей на пряслицах оказалось гораздо больше; я постараюсь привести наиболее интересные.

Пряслице из Суздаля № 1. Первое из рассматриваемых пряслиц из розового шифера в этом городе было найдено А.Ф. Дубыниным и Л.А. Голубевой в 1939 году в суздальском Кремле и по данным палеографии отнесено к XIII веку [30, с. 10, рис. 4], рис. 34-1. М.В. Седова полагает, что на пряслице написано СЕ ПРЯСТЛ Я (вместо Я написан ЮС МАЛЫЙ)[30, с. 10], хотя такая надпись неполна. Кроме того, замечено, что «*Во всех случаях, когда обозначен сам предмет, он назван ПРЯСЛЕНЬ. На суздальской же находке он назван ПРЯСТЛЕНЬ (через букву Т). Такое написание, видимо, указывает на происхождение слова ПРЯСЛЕНЬ от ПРЯСТЬ*» [30, с. 10]. Позже М.В. Седова повторяет эту надпись, только вместо ЮСА МАЛОГО, видимо, по ошибке, в кирилловской транскрипции помещен ЮС БОЛЬШОЙ. А перевод дан «*ЭТО ПРЯСЛЕНЬ ТОГО-ТО... Кому именно принадлежало пряслице, осталось неизвестным из-за скола камня*» [31, с. 217]. Тем не менее, этот объект назван «*подлинным памятником вещевой эпиграфики*» [31, с. 217]. На мой взгляд, написано не СЕ ПРЯСТЛ, а **СЕ ПРЯСТЛЕНЬ**, рис. 34-3, только два последних знака представлены слоговым способом, и к тому же образуют лигатуру.

Пряслице из Суздаля № 2. К сожалению, надпись на другом пряслице осталась незамеченной. Точнее, было отмечено, что в слое X-XI в. было найдено «*несколько десятков шиферных пряслиц (свыше 80), некоторые из них с изображениями*» 31, с. 94], однако как надпись изображение на пряслице [31, рис. 30-6], рис. 34-2 не было понято и в число памятников эпиграфики не попало, хотя надпись в основном кирилловская. Найдено было пряслице в постройке № 14, которая раскапывалась в 1983 и 1989 гг. Так что надпись читается нами как **ПРІЯСТЛЕНЬ**, причем опять первая часть надписи, ПРІЯСТ (через ЮС МАЛЫЙ), написана кириллицей (при этом буква Т передана в три вертикальных штриха), а вторая часть, ЛЕНЬ, – с помощью расположенных ниже слоговых знаков. Изображение не было опознано как надпись, видимо, из-за курсивного, наклонного расположения мачт букв. Заметим, что йотованный ЮС МАЛЫЙ передает, видимо, подчеркнуто смягченный (палатализованный) звук РЯ. Как видим, и вторая надпись передает слово ПРЯСТЛЕНЬ (через Т), что, видимо, указывает на областное произношение. Кроме того, если в Новгороде слово ПРЯСЛЕНЬ писалось либо целиком кириллицей, либо

целиком слоговым способом, то в Суздале первая часть изображалась кириллицей, тогда как ЛЕНЬ передавалась слоговыми знаками.

Пряслице из Ярославля. При раскопках Ярославля в слое XI-XVI в. было найдено шиферное пряслице «с процарапанными крестиками» [32, с. 185, рис. 6-12], рис. 34-4. Надпись удобнее читать в перевернутом виде. Буква П имеет две покосившиеся боковые мачты, а крыша находится только над левой мачтой, и к тому же перечеркнута дополнительным штрихом. Буквы Р и ЮС МАЛЫЙ соединены в лигатуру, за буквой С следует перевернутая буква Т. Конец слова оказывается слоговым, и в косом кресте слиты в лигатуру ЛЕ и НЬ. В результате получается слово смешанного написания, **ПРЯСТЛЕНЬ**, с ЮСОМ МАЛЫМ и буквой Т, рис. 34-5. Этот памятник наиболее поздний из всех рассмотренных.

Пряслице из Старой Рязани. Опубликовано было Н.Г. Порфиридовым, рис. 35-1 [33, рис. 33 е], который читал надпись X века КНЯЖО ЕСТЬ. Затем на него обратил внимание Б.А. Рыбаков [34, с. 198, рис. 39-6], который посчитал данную надпись неясной. И.А. Фигуровский принял К за С, первые два штриха N за В, последний штрих — за Ь, W — за Ч, Ж прочитал как ЖЬ выпустил, два последних знака принял за НЬ, получив нелепое слово СВЧЖЕНЬ [35, с. 181]. Г.С. Гриневич прочитал ее как ВЕРЪТАТИ ЙУ КАШЕВИ, рис. 35-2 [36, с. 14, рис. 6-1], то есть *ВОЗВРАТИТЕ КАШЕВИ* [36, с. 13]. Слово ВЕРТАТЬ имеет некоторое просторечное хождение, но имя КАШЕВА неизвестно. Я читаю **КНАЖЬЖЬНЕНЪ**, то есть *КНЯЖЬНИН*, рис. 35-3, отмечая дублирование слоговым способом слога ЖЬ, слоговое чтение буквы N как НА и слоговое начертание НЕ (вместо НИ) в зеркальном виде.

Пряслице из Гродно. На этом изделии IX века, найденного Зденеком Дурчевским [37, с. 14], рис. 35-4 [38] Л.В. Алексеев смог прочитать только ИМЯ и V [39, с. 30]; И.А. Фигуровский читал надпись как ИМЯ МОЛВО, рис. 34-5 [35, с. 181], а Г.С. Гриневич — как РЁШЁК ДИНОЧИ, [36, с. 14, рис. 6-2], рис. 34-6, то есть *ПРЯСЛИЦЕ ДИНОЧЬЕ*. Слово РЕШЕК в русском языке неизвестно. Кроме того, данный эпиграфист перевернул надпись вверх ногами. Я читаю ее **ГИ ВО ИМЯ**... т.е. *ГОСПОДИ, ВО ИМЯ (ОТЦА, И СЫНА, И СВЯТАГО ДУХА...),* рис. 34-7 — начало молитвы.

Вышгородское пряслице. После публикации Б.А. Рыбакова прориси надписи на этом пряслице, рис. 35-1 [34, с. 198] и его заявления о том, что оно “не поддается расшифровке”, хотя первые 7 знаков Б.А. Рыбаков читал как КУЛИАНА, этот текст попробовал прочитать И.А. Фигуровский, чье чтение весьма странное: ВСЕСЛАВА ДЧИ ВОДАСТ, ХТ(О) НАЙДЕТ, рис. 35-2 [35, с. 176]. Кому *водаст Всеслава*, понять трудно. Я читаю **МОЙ ДЕВИЧИЙ ПРЯСЬЛЕНЬ, ДЕЛА(ЕТ) МАЛО И ЗЪЛОБЪНЪ, НЪ А НАДЕТ ЗАТО**, то есть *МОЕ ДЕВИЧЬЕ ПРЯСЛИЦЕ, ДЕЛАЕТ МАЛО И ЗЛОБНО, НУ ДА ЗАТО НАДЕТО*, рис. 35-3.

Пряслице с Ленковецкого городища. На этом памятнике двойным контуром размещены всего три знака, рис. 35-4 [40, с. 157, рис. 58]. Я читаю их **НИКА**, где Н и И — буквы, а КА — слоговой знак, рис. 35-5. Пожелание успеха в делах.

Пряслице из Волковыска. Естественно, что сложная надпись на пряслице XI-XIII вв. Из Волковыска, рис. 36-1 [41, с. 124, рис. 38-9] первоиздателем прочитана не была. Я читаю ее **МОТАЙ, МОТАЙ ПРЯСЛЕНЪ, НАСТАЛЪ СЕЙ ЦАСЬ**, рис. 36-2, то есть *МОТАЙ, МОТАЙ ПРЯСЛИЦЕ, НАСТАЛ ЭТОТ ЧАС*, где слово *ПЪРЯСЬЛЕНЪ* я разложил из

лигатуры, рис. 48-3. Обращаю внимание на то, что во втором слове МОТАЙ слог МО изображен слоговым знаком, слова НАСТАЛЪ и СЕЙ переданы слоговыми знаками, причем СЪ — с "вирамом". На этом рассмотрение смешанных надписей на пряслицах завершено.

Выводы. Рассмотрев в общей сложности 33 надписи на пряслицах в данной и других работах, я охватил период от X до XIII в. При этом, несмотря на многие различия, выявилась стандартная формула надписи: притяжательное ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ (от имени, прозвища, профессии, наименования родства) + слово ПРЯСЛЕНЬ в том или ином написании. При этом один из этих элементов может отсутствовать. — Слово ПРЯСЛЕНЬ во всех надписях имеет колебания в мягкости своих согласных. Неколебим только первый звук П, который никогда не имеет смягчения как в кирилловском написании, так и в слоговом (всегда стоит знак ПЪ, и ни разу не встретился знак ПЕ или ПИ в значении ПЬ). Что же касается второго согласного, Р, то слог РЯ имеет троякое начертание: как слоговой знак Ь со смыслом РЯ или эквивалентный ему слог РЯ (с ЮСОМ МАЛЫМ); как очень палатальный РЯ (мы это обозначали как РИЯ) и, напротив, как РА. Первое начертание встречалось в Новгороде. Второе начертание конкурировало с первым в Старой Рязани и Суздале. Третье начертание существовало в Белоруссии, так писали пряхи Гродно, Друцка, Пинска. Но так же писали и на Руси в Белоозере, Смоленске и, иногда, в Новгороде. Слог СЪ тоже имеет колебание в написании. Обычно в кириллице это передается как С, а в слоговом письме – как СЬ. Однако в одном случае, в Белоозере, использовался слоговой знак СИ для передачи слова ПРАСЬЛЕНЬ. Есть колебания этого слога и в другую сторону, в сторону СТ, что отмечено на двух пряслицах из Суздаля и на одном пряслице из Ярославля. На наш взгляд, исходным был слог СТЬ, который постепенно превращался в сочетания звуков СТ, СЬ и, наконец, в один звук С. Так что мы поддерживаем гипотезу М.В. Седовой о том, что слово ПРЯСЛЕНЬ. произошло от глагола ПРЯСТИ. Но вначале, видимо, было образовано причастие ПРЯСТЬЛ, от которого и возникло существительное ПРЯСТЬЛЕНЬ. Слог ЛЕ имеет колебания в сторону его изображения с редуцированным звуком. Такое начертание ЛЬ мы встречаем на пряслице из Троицкого раскопа Новгорода, на двух пряслицах Витебска. А в Пинске и, возможно, в Старой Рязани (Парасин) встречается даже начертание ЛЪ. Здесь тоже можно видеть движение ЛЕ-ЛЬ-ЛЪ. Наконец, последний слог обычно пишется НЬ, но в ряде случаев имеет начертание НЪ. Последний случай можно отметить на пряслицах из Белоруссии, на одной надписи из Старой Рязани. Интересно, что во множественном числе в этом случае пишется не ПРАСЛЕНИ, а ПРАСЛЕНЕ (КЛАВДЕНИ ПРАСЛЕНЕ, Минск).

При этом среди притяжательных прилагательных идут преимущественно женские имена: НАСТКИН, ПАРАСИН, НАСТАСЬИН, МАЛАНЬИН, КЛАВДИН, САШИН, КАТИН, ГАНИН, ГАЛИН, ДВА ТАТЬЯНИНА, ДАШИ, ОЛЬГИ. Кроме того, отмечены степени родства: БАБИН, а также прозвища (НЕДЕЛЬКИН) или род занятий. Встречается также пряслице, принадлежавшее мужчине: КНЯЖЬИН ИЛИ КНЯЖНИН. Остальные поясняющие слова таковы: ДЕВИЧИЙ, НЕВЕСТОЧИЙ, МОЙ, НИЩЕН, ПЕРВЫЙ, ТРЕТИЙ, ДВА. Лишь весьма поздно, к XVI веку, появляется современная конструкция из одного или двух родительных падежей, ДЕВИЦЫ НАСТИ.

Написание притяжательных прилагательных таково: на НЬ (НЕДЕЛЬКИНЬ, КАТИНЬ, БАБЬИНЬ – Новгород, ГАНИНЬ – Смоленск, СЬВОКЪРИНЬ – Лепесовка), на НЕ как вариант обозначения НЬ

(НАСТОКИНЕ –Новгород), на Нh как разновидность НЕ: (ПОТВОРИНh – Киев). Другой вариант предполагает жесткое произношение Н – как НЪ: МАЛАНЬИНЪ (Гродно), ТЕТИНЪ (Белоозеро), САШИНЪ (Псков), ПОМАДИНЪ (Теребовль), ПАРАСИН (Старая Рязань), ЛОЛИН (Преслав), САНДИН (Польша) или ЕН: АМАЛЕН (Белоозеро). Заменяет НЪ и написание НО: НАСТАСЬИНО (Пинск), НАСТАСИНО (Гродно), БАБИНО, МАРИНО (Витебск). Есть варианты двойственного числа: ЛИДИНЯ (Белоозеро), МАРТИНЯ (Рюриково городище), ДВА ТАТЬЯНИНА (Белоозеро) и множественного числа: ДЕВИЧАЕ, НИЩЕНИ (Новгород), КЛАВДЕНИ (Минск). Возникает впечатление, что первоначальная форма на НЬ, присутствовавшая в Лепесовке, сохранилась в Новгороде, Смоленске и Киеве (но в Киеве уже написание путается между Ь и ЯТЬ), тогда как в остальных местах уже пишется твердый вариант.

Все это позволяет говорить о том, что в средние века существовали диалектные варианты произношения, и что в Белоруссии, например, произносили ПРЯСЛЕНЬ как ПРАСЛЕН уже во времена поздней античности. Это – пример наибольшего удаления от исходного произношения. Напротив, наиболее архаичным с этой точки зрения являлся диалект Ростово-Суздальской и Ярославской земель. В Киеве процесс появления смешанных написаний прошел, возможно, в IX веке, или же в самом X веке. Это совпадает с нашими данными и по исследованиям других видов надписей, где слоговые знаки на киевских памятниках встречаются в этом X веке качестве отдельных фрагментов кирилловских надписей. Тем самым переход в столице Руси к новому написанию был весьма краткосрочным. Иначе обстояло дело в Новгороде как культурном центре севера. Есть в этом городе и слоговые надписи с двумя последними буквами (КАТИНЬ ПРЯСЛЕНЬ); в других случаях слоговые фрагменты задерживаются вплоть до XII-XIII вв., причем возможны написания целого слова (например, ПРЯСЛЕНЬ) в виде одной лигатуры, как бы слитой в иероглиф (НАСТКИН ПРЯСЛЕНЬ), либо в иероглиф в виде буквы с буквенным же окончанием (ДЕВИЧАЕ в виде Ф с окончанием Е); иероглифом может выглядеть и фрагмент слова (КИНЬ в слове НЕДЕЛЬКИНЬ); но слово может быть разделено и на три слоговых фрагмента (ПЪ РЯСЬЛЕ НИ). Тем самым, процесс перехода к кирилловскому написанию на пряслицах занял в этом городе почти 4 века (а на других предметах слоговые знаки встречаются и в XIV, и в XV веках). Интересно, что в Старой Рязани в XI-XII вв. сосуществовали как чисто слоговые написания (в три знака - ПЪ РЯСЬ ЛЕНЬ или ПЪ РЯ СЬЛЕНЬ), так и чисто кирилловские (ПАРАСИН ПРЯСЛЕНЬ). Отсутствие смешанных надписей показывает, что в Рязани переход на новый способ начертания проходил тоже весьма быстро, так что те, кто еще не воспринял новый способ письма, писал по старинке, а тот, кто уже овладел новой письменностью, перешел на нее целиком. В Суздале и в X-XI вв., и в XIII в. способ написания установился традиционный: начало слова изображалось кириллицей, а ЛЕ и НЬ дописывались слоговыми знаками. То же можно отметить и для Ярославля. Здесь выделялся корень слова ПРЯСТ за счет его написания новым типом письма. В Пскове в XI-XII вв. надпись еще целиком традиционная, слоговая, в две лигатуры, где одна передает почти целиком первое слово (САШИНЪ), а вторая – второе (ПРЯСЛЕНЬ); правда, из-за детского начертания последний слог первого слова попал во вторую надпись. В Белоозере надписи вплоть до XII в. чисто слоговые, хотя в XI-XII в. на одном пряслице появляется чисто кирилловская надпись (АМАЛЕН). Тем самым

можно предположить, что носителем такой надписи была заезжая пряха, которая, однако, не преодолела устоявшуюся традицию. Что же касается слоговых надписей, то слово ПРЯСЛЕНЬ тяготеет к начертанию в виде единой лигатуры, тогда как притяжательные прилагательные пишутся в виде отдельных слоговых знаков. Белая Русь оказалась тоже весьма традиционной. Так, в Минске еще в XI-XIII вв. сохранялось традиционное слоговое написание (КЛАВДЕНИ ПРАСЛЕНЕ), хотя два последних знака представляют собой плохо выписанные буквы; в Гродно позже две буквы были выписаны вначале (МАЛАНЬИН ПРАСЛЕН), а все остальное было написано слоговыми лигатурами и отдельными знаками; еще позже была выписана кириллицей целая христианская формула (ГИ, ПОМОЗИ РАБЕ СВОЕЙ) и указание на владелицу (ИЕ), и только слово ПРАСЛЕНЬ уместилось в два слоговых знака (второй из них – лигатура РА, СЬ и ЛЕ) и две последних буквы. В Друцке при слоговом написании слово ПРАСЛЕН заканчивается буквой, тогда как в Пинске мы видим окончательную победу в XII в. кирилловского написания. То же самое можно сказать о Витебске (БАБИНО ПРЯСЛЬНЕ) примерно того же времени; в последнем случае опять-таки надпись выполнена великолепно. Другой памятник из Верхнего Замка Витебска XIII в. тоже содержит чисто кирилловскую надпись МАРИНО. Следовательно, здесь процесс перехода к кириллице начался где-то века с XII и длился примерно два века. Рассмотренный материал позволяет сформулировать несколько выводов об истории письменной и языковой культуры средневековой Руси.

1. Существует очень древняя традиция подписывать грузик, надеваемый на веретено, пряслице, владельческой надписью, которая в простейшем виде состоит из слова ПРЯСЛЕНЬ (в различном фонетическом и шрифтовом исполнении), а в более пространном виде содержит притяжательное прилагательное с именем или родственным положением хозяйки, напр. КАТИНЬ ПРЯСЛЕНЬ.
2. Первоначально, т.е. до введения кириллицы и до изготовления пряслиц из шифера на глине процарапывались слоговые знаки. Эти слоговые знаки часто объединялись в лигатуры от двух слогов до целого слова.
3. Позже, но в разных местах в разное время место слоговой письменности заняла кириллица, причем вначале шла замена притяжательного прилагательного, и только позже – слова ПРЯСЛЕНЬ.
4. Процесс вытеснения слоговой письменности кириллицей занимал в разных местностях разный период: в крупных городах он мог занять менее века, тогда как на Севере Руси и особенно в деревнях он мог занять от 4 до 6 веков.
5. Там, где процесс замены письменности длился веками, встречаются смешанные надписи, на которых часть слова, обычно первый или последний слог выполнялись буквами, а остальное – слоговыми знаками. На наш взгляд, существование смешанных надписей является самым сильным аргументом в пользу славянского происхождения слоговых знаков.
6. Наиболее архаичное написание не совпадает с наиболее архаичным произношением. Так, в Суздале и Ярославле еще в XIII в. существовало самое древнее произношение ПРЯСТЛЕНЬ при почти полном кирилловском написании; напротив, в Белоозере в то же время существовало почти полностью слоговое написание при далеко ушедшем от первоначального произношении.

Проведенное исследование показывает, что введение кириллицы не только не явилось первым созданием письменности на Руси и в других славянских странах, уже имевших длительные традиции слогового письма (о

чем догадывались многие слависты), но вообще не было принято повсеместно в те же сроки, за которые оно было усвоено в Киеве. Иными словами, даже спустя три века слоговое письмо все еще **сосуществовало** с кириллицей в ряде русских городов. А в таких городах, например, как Белоозеро, кириллица появилась вообще только в XIII в., но и тогда уступала слоговым надписям. Тем самым, мнение о введении кириллицы в качестве русской письменности в X веке оказывается справедливым, но в очень узком ареале – в стольном городе Киеве. Для значительно большего числа других городов этот вывод оказывается **неверным**.

Теперь рассмотрим смешанные надписи на ряде изделий из глины — сосудах, отдельных черепках и штукатурке стен. Известно, что до применения бересты, пергамена и бумаги наиболее популярным писчим материалом были обломки битых сосудов, то есть черепки. Кроме того, часто процарапывали надписи и на стенах. — Вначале рассмотрим граффити на сосудах.

Сосуд из Гнёздова. При раскопках под Смоленском, в Гнездово, Д.А. Авдусин нашел древнейшую для России надпись на амфоре (I половина X в.), рис. 38-1 и 38-2 [42]. С тех пор было предложено несколько интерпретаций ее смысла. Авдусин читал ее ГОРОУХЩА, что, по его мнению, означает «горчицу» или какую-нибудь другую пряность; П.Я. Черных [43] – ГОРОУШНА («горчичные зерна»); к сожалению, кана предназначена для жидких, а не сыпучих тел, к тому же запасть десятки литров горчицы – это слишком много, она испортится скорее, чем будет потреблена. Так что оба чтения нас не устраивают. Ф. Мареш [44, с. 497] усмотрел тут ГОРОУХ ПСА , «Горох (имя мужчины) писал»; Р. Якобсон из США [45, с. VIII] видит здесь ГОРОУНИЯ, то есть «Горунова (корчага)». К сожалению, слова ГОРОУХЩА, ГОРОУШНА, имена ГОРОУХ, ГОРОУНИЯ гипотетичны, и к тому же на сосудах не упражнялись в письме. Наконец, Г.Ф. Корзухина [46] читала ГОРОУЩА, понимая как ГОРЯЩА. Это чтение любопытно, но неясно, что же в сосуде горит. Пересматривая недавно данную надпись еще раз, А.А. Медынцева склоняется к чтению ГОРОУНА, мужского имени ГОРОУН в родительном падеже, замечает, что графические особенности надписи «*не позволяют пока достоверно прочесть ее и дать окончательное толкование*» [47, с. 188-189]. Наконец, В.Н. Демин дал весьма своеобразную прорись, рис. 49-3 и прочитал ГОРОУГМА — «*вся надпись читается ... по аналогии с именем ГОРГО... — так сокращенно в греческой мифологии звали чудовищ-горгон и особенно самую знаменитую из них — Горгону Медузу*» [48, с. 12-13]. При чем на сосуде из-под Смоленска упоминание имени Медузы-Горгоны, остается необъясненным. К сожалению, все эти попытки очень дискуссионны.

Для понимания смысла текста необходимо проанализировать содержимое кан (хотя этот сосуд часто считают амфорой или корчагой, на нем стоит знак N, знак каны. О слове “кана” я провел специальное исследование [49, с. 123-126]). Обломки кан X-XI века со знаками я скопировал из работы [50, с. 243] – они показаны на рис. 38-4, 38-6, 38-8, 38-10. Я их читаю: МАСЬЛО, МОЛОКО, КАШЕ (КАША) и КАША, рис. 49-5, 38-7, 38-9 и 38-11. Так что в канах хранили не только масло и молоко, но и жидкую кашу (видимо, типа манной). Кстати, знак на рис. 38-11 очень похож на конец надписи из Гнездово. Тем самым вопрос о чтении решается в принципе.

Можно представить, что текст наносился в два этапа. Вначале появилась лигатура слоговых знаков N и Ш, что означало слово КАША. Затем решили дописать второе слово буквами кириллицы, слово ГОРЯЧА. Однако при этом

сделали две ошибки: под влиянием смоленского произношения (вспомним надпись ГАНИНЬ ПЪ**РА**СЛЕНЬ вместо ПЪ**РЯ**СЬЛЕНЬ), видимо, вместо слова ГОРЯЧА автор граффито должен был процарапать ГО**РА**ЧА. Однако с позиций слогового письма для передачи слога РА писец имел право написать слог РО (в слоговом письме РА и РО не различаются), а вместо кирилловских букв ЧА удовольствовался слоговым знаком ЧА, похожим на букву У. Так что начертание ГОРОУ означает ГОРОЧА в смысле ГОРЯЧА. И закончил добавлением к слогу ШЬ буквы А для чтения КАША (а не КАШЬ), рис. 38-12. Итак, древнейшая русская надпись есть надпись смешанная, и она гласит: **ГОРОЧА КАША**, что означает *ГОРЯЧА КАША*. Она соответствует и здравому смыслу, и надписям на других сосудах. Тем самым, древнейшая русская надпись на сосуде содержит слоговой знак N с чтением КА. Данный текст написан на основе моей заметки [51, с. 126-127].

Кана из Тирии. Сосуды N-типа известны с черняховского времени; на одном из них сделана надпись, рис. 38-13 [52, с. 27, рис.5-2]. Надпись выполнена слоговым письмом и обозначает слово КАНА; однако, чтобы на конце был прочитан звук А латинская буква «а» добавлена в конце в необычном начертании – лежа. Получается слово **КАНА**, рис. 38-14, что уже было мной прочитано в [49, с. 125, рис. 6].

Черепок из Белгорода № 1. На верхней части амфоры из Белгорода Киевского имеются надписи как с одной стороны, рис. 39-1, так и с другой, рис. 39-2 [53, с. 286]. Первую надпись как ИЛИЯ читала А.А. Медынцева [47, с. 189]; с другой стороны она находила ЮС МАЛЫЙ и “*три небольшие неясные буквы*” [47, с. 189]. В своей статье она удревняет находку с конца XI до рубежа X-XI века. В отличие от других более осторожных исследователей, А.А. Медынцева категорически заявляет, что “*надпись на корчаге, безусловно, кириллическая*” [47, с. 190]; в то же время, недоумевая по поводу ЮСА, она высказывает “*сомнения в прочтении и истолковании трех букв, написанных более мелкими и слабыми черточками, которые, исходя из кириллического или греческого алфавита, прочтению не поддаются. Но, по свидетельству Е.А. Мельниковой, они могут быть сопоставлены со скандинавскими рунами*” [47, с. 189]. Последнее замечание знакомо: славянские слоговые знаки пытались читать как германские руне не менее полудюжины эпиграфистов, но ничего из этого не выходило. Я читаю надпись на одной стороне как кирилловскую, **ИЛЬИНА** (а не ИЛИЯ), рис. 39-3, а на другой стороне — как слоговую, **КАНА-ТО, НЕ ЛЕЙ!**, рис. 39-4. Тем самым, надпись предупреждает, что в кану заливать жидкость нельзя, ибо кана принадлежит Илье. Я уже читал эту надпись прежде [49, с. 125, рис. 8].

Фрагмент крышки сосуда из Латруса-Кривины. На Нижнем Дунае в раннесредневековой крепости была найдена часть крышки красного глиняного сосуда с надписями, рис. 39-5 [54, с. 183; табл. 65, № 693]. Здесь видно две надписи: кириллицей **КИОАВЕТС**, рис. 39-6 и слоговая надпись **ВЪ КИЕВЪЦЕ**, рис. 39-7, то есть *КИЕВЕЦ* и *В КИЕВЦЕ*. Эти надписи я уже читал прежде [55, с. 40-41]. Они подтверждают существование Киевца на Дунае в районе нынешней Румынии.

Сосуд из Воиня. При раскопках города Воиня была найдена кана XII-XIII веков со знаками, рис. 40-1 и 40-2 [56, табл. XIII]. Один из знаков на изображении в профиль — буква Е, остальные — слоговые знаки. На ручке сосуда и вблизи нее две надписи **НОВО**, рис. 40-3, на верхней крышке сосуда читается **ДЬЛЯ СОЛИ**, рис. 40-4, а спереди — **ВЬСЮ ЕЁ ЗАСОЛИТЬ**, рис.

40-5 (знак ЛИ в слове ЗАСОЛИТЬ написан весьма небрежно, как косой крест). Под НЕЙ понимается кана. Стало быть, вначале на ней было начертано *ДЛЯ СОЛИ*, позже — *ВСЮ ЕЕ ЗАСОЛИТЬ*, затем *СНОВА* и *СНОВА* (можно видеть и еще пару знаков Н, стало быть, засолка производилась и в четвертый, и в пятый раз).

Черепок из Саркела-Белой Вежи № 1. На одном из многочисленных обломков сосудов из Саркела-Белой Вежи, рис. 40-6 [50, табл. VII], можно видеть смешанную надпись, которую я читаю **(ОПО)ЛОСНИ!** со слоговым знаком ЛО, рис. 40-7.

Черепок из Киева. В 1955 году в Киеве, на Владимирской улицы в усадьбе домов № 7 и 9 были найдены черепки сосудов с надписью, в частности, данный черепок XII века, рис. 40-8 [57, с. 133, табл. III-7]. Наряду с концом кирилловской надписи **...АДЕ**, там имеется слоговая надпись **ВЕНЕ**, рис. 40-9. Слово, написанное кирилловскими буквами, реконструировать трудно, но слоговая часть является понятной, написанной зеркальными графемами, образующими слово *ВИНО*.

Черепок из Белгорода Киевского № 2. На этом изделии XII-XIII веков, рис. 40-10 [53, с. 295] имеется надпись, которую первоиздатели читали как РОЖЬ. Однако знаков на черепке больше, а место для Ж ими отводится не только слишком просторное, но оно еще занято косой чертой. На мой взгляд, тут написано слово **РАССОЛЪ**, рис. 40-11 с оригинальным размещением единственного слогового знака, который должен был бы стоять в конце, в середине слова.

Черепок из Саркела-Белой Вежи № 2. На нем, рис. 41-1 [58, с. 75, рис. 54], можно видеть слово ПРОС с неясным знаком впереди. Я полагаю, что написано слово **ОПРОС**, только первый знак — слоговой (буква О в этом слове написана иначе), рис. 41-2. Вероятно, среди воинов Святослава, занявших этот город, проводился письменный опрос с ответами тоже на черепках (в античности черепки были материалом для черновиков у школьников).

Черепок из Саркела-Белой Вежи № 3. Здесь видно больше знаков, рис. 41-3, однако кириллицей начертано **ДНО КОТЛ(А)**, рис. 41-4[58, с. 75, рис. 54]. Кроме того, слоговыми знаками можно прочитать слова **ПИСАНЕ ЗЬНАТЪНЪ**, то есть *ПИСАНИЕ ЗНАТНО*, рис. 41-4. Это — восхищение надписями на черепках со стороны солдат.

Черепок из Саркела-Белой Вежи № 4. Тут начертано весьма много слоговых знаков, но только две буквы, В и Е, рис. 41-5[58, с. 75, рис. 54]. На верхней строке можно прочитать **РЫЛО, ЧАВО ЖЕ**, рис. 41-6; чуть ниже крупными знаками читается слово **ПИЛЪ**, а затем помельче, — **ВОДЬКИ**, левее — **ВОЯ**, и на нижней строке — **ВЪ ЧАРЕ СЕЙ?** Между предпоследней и последней строками можно прочитать **В ЧАРУ Е(ГО)!**, рис. 41-6. Тем самым показано шутливое возмущение одного солдата *(РЫЛО, ЧЕГО ЖЕ ПИЛ ВОДКУ ИЗ ЭТОЙ ЧАРЫ? — (БРОСИТЬ) В ЧАРУ Е(ГО) (САМОГО)!.)*

Выводы. Хотя продемонстрировано очень небольшое число смешанных надписей на черепках и сосудах, можно видеть, что их содержание весьма различно: название или содержимое сосудов, например, КАНА, ДНО КОТЛА; ГОРАЧА КАША, ВИНО, РАССОЛ, ДЛЯ СОЛИ; предложение провести некоторые действия, например, ИЛЬИНА КАНА-ТО, НЕ ЛЕЙ, или ВСЮ ЕЁ ЗАСОЛИТЬ; ОПОЛОСНУТЬ; ОПРОС; В ЧАРУ ЕГО! Иногда тексты комментируют ситуацию: ПИСАНИЕ ЗНАТНО; РЫЛО, ЧЕГО ЖЕ ПИЛ

ВОДКУ ВОИНА В ЭТОЙ ЧАРЕ; Есть и тексты с названиями городов, например, КИЕВЕЦ; В КИЕВЦЕ.

Теперь рассмотрим надписи на других бытовых предметах.

Иконка № 1. На иконке XIII века из коричневого шифера первоиздатель читает ВЛАСИИ АГИ [59, табл. 19-9 (26)], рис. 42-1. Между тем, наряду с этой надписью, означающей *ВЛАСИЙ АГИОС*, рис. 42-4, имеются две слоговые надписи: на рамке внизу **ДИАКАНА** и на одежде святого **ДИАКЪНЬ**, что означает *ДЬЯКОНА*, рис. 42-5. Видимо, слоговые надписи поясняли принадлежность иконок дьякону.

Иконка № 2. Эта иконка из собрания музея при Московской духовной академии XII-XIV вв., [59, табл. 20-4 (106)], рис.42-2 имеет надпись **IС ХС ПЕТРО и ПАВЕЛЪ**, рис. 42-6. Однако в виде складок на одежде центральной фигуры помещена слоговая надпись **ДЬВА ЛИКА ДЬЛЯ ДЬВОИ(Х)**, то есть *ДВА ЛИКА ДЛЯ ДВОИХ*, рис. 42-7.

Иконка № 3. Найдена Д.А. Авдусиным в 1955 году в городе Смоленске, относится к XIII веку, рис. 42-3 [59, табл. 62-5 (352)]. Хотя можно согласиться с чтением эпиграфистов **ИЛЬЯ**, Т.В. Николаева полагает, что «*несмотря на подпись*, *иконка больше соответствует Николе*»[59, с. 143]. Действительно, если читать слоговым способом, можно прочитать **НИКОЛАЙ ЧУ**, что означает *НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ*, рис. 67-8. Тем самым перед нами надпись двойного чтения.

Иконка из Червена. В среднем Росточье, на месте древнего города Червен, найдена каменная иконка первой половины XIII века, рис. 43-1 [60, рис. 36 на вклейке]. Вокруг лица можно видеть несколько кирилловских букв, образующих слово **(В)ЛАС**, то есть святой *ВЛАСИЙ*, рис. 43-2. Внутри нимба вертикально расположена слоговая надписи **ВЪЛАСИ(Й)**, рис. 43-3. Справа, на левом рукаве святого идет серия горизонтальных складок, которая является слоговой надписью. При ее развороте на 90^0 вправо можно прочитать **ИКОНЪКА ВЫКЪЛАНАЯ**, то есть *ИКОНКА ВЫКОЛОТАЯ*, рис. 43-3.

Печать из Новгорода № 1. На Готском раскопе Новгорода был найден камень с изображением, рис. 43-4 [61, с. 222, рис. 22-1]. На мой взгляд, это — формочка для литья, где изображена корзинка и ряд знаков, где внизу видны буквы А и Б. Я читаю надпись **ГОСПОДИНА**, рис. 43-5, **ЖУКА СЕЛО РЫБАСОВО**, рис. 43-6. Возможно, отливки предназначались для детей.

Печать Новгорода № 2. Найдена в 1955 году на площадке 22/881 и имеет № 56/32, рис. 76-7. Описаний ее в литературе я не нашел. Надпись читаю, начиная с двух знаков вверху слева, которые понимаю как СЬЛА, затем правее читается знак > как ВИ и центральный знак как ЮС МАЛЫЙ, затем слева от него буква N, а под ней, перевернутый на 180^0, знак СИ; наконец, правее последнего знака расположен знак КА. Получается слово **СЬЛАВИЯНСЬКА**. Правая лигатура читается как **БЕЧАТЬ**, то есть *ПЕЧАТЬ*. Наконец, группа знаков под ЮСОМ МАЛЫМ вместе с фрагментами его самого имеет чтение **ВОИНЪСЪТЪВА**, рис. 43-8. Итак, перед нами *СЛАВЯНСКАЯ ПЕЧАТЬ ВОИНСТВА*.

Детское надгробье. Надгробий домонгольского времени на территории Руси найдено очень мало, поэтому каждое из них заслуживает особого рассмотрения. Данный камень высотой 1,3 м был найден в селе Сыновичи Слонимского уезда Гродненской области Эммануилом Пустовским, который 3 ноября 1913 г. Послал в Краков его прорисовку. Камень относится к периоду IX-XIII в., не атрибутирован, его надпись не прочитана до сих пор [62, с. 127,

рис. 81-11], рис. 44. Надпись выполнена в три строки, рис. 44-1. На наш взгляд, здесь применено обычное славянское слоговое письмо, которое имеет такое чтение: внизу написано **БЕБИ**, т.е. *РЕБЕНОК*, рис. 44-2, так что сразу ясно, что речь идет о детском надгробье. Наверху, на первой строке, цифра 1 или ПЕРВЫЙ нанесена на знак ЛЕ; второй знак – ТО. Два последних знака обычно читаются звонко, ЖЕ/ЖИ, но здесь – глухо, ШЕ/ШИ, а их параллельные мачты образуют знак ДИ. Образуется слово ШЕДЬШИ. В целом верхняя строка читается так: **ПЕРЬВОЕ ЛЕТО ШЕДЬШИ**, т.е. *ШЛО ПЕРВОЕ ЛЕТО* (УМЕРШЕМУ РЕБЕНКУ).

Вторая строка начертана курсивом. Это – первый образчик курсива, который нам встретился в слоговых надписях. Строка читается: **СЪПИ, РУСИ ВЪ НЕБЕ!** Это можно понять, как *СПИ НА НЕБЕ РУСИ!* Как считали, невинная душа ребенка летит прямо на небо. Перед нами – обычная поминальная надпись.

Данный памятник интересен в нескольких отношениях. Он нам показывает, кто похоронен (РЕБЕНОК), в каком возрасте (НА ПЕРВОМ ЛЕТЕ), и где (НА РУСИ). Каждая строка исполнена своим стилем: верхняя – нейтральным, средняя – курсивом (для подчеркивания родительской любви), и нижняя – строгим иероглифом (знак в знаке), самым торжественным шрифтом. В целом надпись продумана и выполнена весьма профессионально.

Надписи на стекле. Предположить существование слоговых надписей на стекле было не трудно, но такие мысли как-то в голову не приходили, ибо стекло вовсе не является писчим материалом. Береста, дерево, кость – это увязывается с нашим представлением об архаической письменности. Но стекло!... Каково же было мое удивление, когда в статье С.А. Высоцкого я прочитал следующее: «*Наши попытки отождествить открытые на стекле Софийского собора знаки с буквами какого-нибудь алфавита успехов не имели. Трудность подобных сравнений находится в том, что мы точно не знаем, где у знаков верх, а где низ, и обстоятельства находки стекла также*» (перевод с украинского мой) [63, с.57 рис 4]. При взгляде на текст, рис. 45-1, все стало ясно: он был написан слоговыми славянскими знаками, причем очень понятно (без лигатур) и красиво. Здесь я привожу его дешифровку: **СЬТЕКЛО**, рис. 45-2. Кстати сказать, верх и низ данной надписи определяются однозначно и без труда; на самом деле Высоцкого смутил непривычный вид знаков и нечитаемость надписи (если допустить, что она буквенная, то она состоит из одних согласных). На второй текст исследователь стеклодельной мастерской XI-XIII века в Галиче [64, с. 72, рис. 30], рис. 45-3, внимания не обратил, и мне пришлось делать прорись по фотографии. Этот кропотливый труд был вознагражден сторицей: на фрагменте тигля с остатками стекла четко проступил слоговой текст, написанный по вертикали в три столбца. Их, очевидно, нанесли на образец стекла, пока он был еще горячим. Я смог прочитать надпись так: **ЗАТЕЯНО ТЯЖЕЛО, ЗОЛЬНО**, рис. 45-4, 45-5. Иными словами, перед нами находится результат химического анализа стекла после его изготовления, записанный на только что изготовленном образце. Как следует из текста, мастер, проводивший этот анализ, остался недоволен.

Слоговые надписи на стекле показывают, что древнерусские ремесленники-стеклодувы были весьма образованными людьми, подписывали свои изделия, как это делают мастера наших дней, и были способны написать заключение по химическому анализу каждой партии стекла. Все это весьма

положительно характеризует русскую средневековую производственную культуру.

Выводы. Можно было бы приводить массу других бытовых надписей, исполненных на дереве, коре, бересте, металле, коже, кости, роге, шифере, глине и других материалах, однако для общего знакомства со слоговыми надписями рассмотренных примеров вполне достаточно. Цели письма были различными, например, атрибуция иконки (НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ), ее принадлежность (ДЬЯКОНА), необходимость создания второго лика (ДВА ЛИКА ДЛЯ ДВОИХ), способ изготовления (ИКОНКА ВЫКОЛОТАЯ), эпитафия на надгробье (БЕБИ, ШЕЛ ПЕРВЫЙ ГОД, СПИ В НЕБЕ РУСИ), шуточная печать (ГОСПОДИНА ЖУКА СЕЛО РЫБАСОВО), обычная печать (СЛАВЯНСКАЯ ПЕЧАТЬ ВОИНСТВА), штамп изготовителя (СТЕКЛО), заключение стекольных дел мастера (ЗАТЕЯНО ТЯЖЕЛО, ЗОЛЬНО). Цели, как видим, сугубо прикладные, и для них, видимо, не имело смысла использовать кирилловскую азбуку, связанную с христианством и государством.

Глава шестая
Надписи-рисунки

Особенностью слоговой письменности является то, что ее надписи часто сливаются или в узор, или в рисунок. К числу узоров относятся, например, гончарные клейма, княжеские знаки, надписи узелковым шрифтом и т.п.

Монограммы Владимира. Рассмотрим теперь серию монограмм Владимира, опубликованную К. Болсуновским по клеймам на монетах.

Мы видим целую серию изображений одного типа, рис. 46-1, 46-2, 46-3, 46-4, 46-5 и 46-6 [65, с. 7, рис. 7, 8, 9]. Все они читаются одинаково, **ВЪЛАДИМЪРЕВА БЕЧАТА**, то есть *ВЛАДИМИРОВА ПЕЧАТЬ*, рис. 46-7, 46-8, 46-9, 46-10, 46-11, 46-12, 46-13 и 46-14. При переворачивании на 90^0 вправо мы видим кирилловскую букву В, первую буквы имени Владимира. Поэтому у нас нет сомнений в том, что данные монограммы действительно являются княжеским знаком Владимира. После распада СССР эти монограммы легли в основу герба Республики Украина. Еще одну монограмму Владимира мы видим на металлическом изделии из Мартыновского клада Киевской губернии, рис. 46-13 [66, с. 73, рис. 42]. Монограмма Владимира находится наверху надписи и читается ВЪЛАДИМЪРЪ, рис. 46-4. Остальная часть надписи выглядит как **КЪНАСЬ, ЖИВИНА РУСЬ, ПЕЧАТА**. Итак, речь идет о ВЛАДИМИРЕ-КНЯЗЕ, однако не о ВОЛЕВОЙ РУСИ, как тогда называлась Киевская Русь, а о *ЖИВИНОЙ РУСИ*, то есть части сербских и болгарских земель, которые со времен Святослава с его походом на Болгарию принадлежали Руси.

Еще одна монограмма изображена на так называемой «печати Изяслава», древнейшей (по В.Л. Янину) печати Новгорода, рис. 46-15 [67, с. 39]. Мы уже читали надпись легенды как ГРАМОТА ВОЛОДИМЕРЬСЬКА, где слово ГАМОТА было написано кириллицей, а слово ВОЛОДИМЕРЬСЬКА – слоговыми знаками. Теперь мы читаем монограмму как **ВЪЛАДИМЪРОВА БЕЧАТА**, рис. 46-16, отмечая при этом необычайно ясное начертание имени Владимира (по сути дела, тут знаки в монограмму так и не сливаются), а также наличие на печати креста. При этом крест – типично католический, со слегка покосившейся перекладиной (для того, чтобы обозначать слог НА в слове КЪНАЗЬ). Тем самым эта монограмма относится к периоду, когда Владимир принял христианство. При повороте на 90^0 вправо можно видеть букву В, но в

дополнение к этому вершина правой части монограммы без поворота образует букву Л, а вершина левой части – букву А; кроме того середину монограммы можно принять за букву Д, а крест – за стилизованную букву Ї, наконец, общий вид монограммы похож на букву М, что дает начало имени ВЛАДИМИРА – ВЛАДИМ. Можно заподозрить и существование конечной буквы Р этого имени, если серединку рассмотреть повернутой на 90^0 вправо. Иными словами, после принятия Владимиром христианства на Руси монограмма князя стала походить на греческую надпись: слоговые знаки имени почти не сливаются, образуя как бы «мелкий шрифт», тогда как греческие буквы создают вензель «крупного шрифта». Этим реформатор хотел показать, что он с одной стороны не изменил традиции создавать слоговые монограммы, но с другой стороны, они получили более внятное начертание и возможность быть прочитанными и по-гречески.

Монограммы Владимира Ольгердовича. Карл Болсуновский рассматривает также монограммы еще одного Владимира, Владимира Ольгердовича, рис. 47-1 и 47-2 [65, с. 7 № 15]. Для чтения их необходимо перевернуть на 180^0. Мы читаем **ВЪЛАДИМЪРОВА БЕЧАТЬ**, рис. 6-8 и 6-9, то есть *ВЛАДИМИРОВА ПЕЧАТЬ*. Слово КЪНЯСЬ на ней отсутствует, зато удвоено количество крестов по сравнению с монограммами других князей (у Владимира Святославича креста в монограмме нет). Возможно, что каждый крест обозначает принадлежность христианству; тогда два креста означают, что христианами были как данный правитель, так и его отец. При повороте уже перевернутого на 180^0 изображения еще на 90^0 вправо видна буква В, что отличает настоящий княжеский знак. Таким образом, данные монограммы мы относим к княжеским знакам.

Монограммы Святополка. Рассматривает Карл Болсуновский и монограммы Святополка, рис. 47-3, 47-4 и 47-5 [65, с. 7 № 11, 12 а и 12 б]. Для чтения их необходимо повернуть на 90^0 вправо. Мы читаем **СЬВЯТОПОЛЪК**, рис. 47-10, 47-11 и 47-12; однако там же читается и надпись **СЬВЯТА РУСЬ** и, кроме того, на каждой монограмме имеется крест. Обращаем внимание на то, что, как и на монограмме Владимира Ольгердовича, этот крест – католический, а не православный. Поскольку при повороте на 90^0 вправо читается не только первый слог СЬ, но и буква С имени СВЯТОПОЛК, данная монограмма удовлетворяет требованию быть княжеским знаком. Можно обратить внимание на то, что крест изображен двойным, то есть внутренний крест обведен наружным; кроме того, надпись СЬВЯТА РУСЬ еще усиливает приверженность князя новой религии.

Монограммы Ярослава. Наконец, Карл Болсуновский рассматривает и монограммы Нежинского типа, приписываемые Ярославу-Георгию, рис. 47-6 и 47-7 [65, с. 7 № 13 и 14]. Монограмма читается комбинированно. Первая половина слова, **ЯРО**, читается без поворота монограммы; вторая, **СЬЛАВЪ**, требует поворота вправо на 90^0, рис. 47-13 и 47-14. Буквы Я при повороте на 90^0 не получается, хотя получается буква С. Но при повороте на 180^0 буква отдаленно напоминает ЮС МАЛЫЙ, с которого в принципе может начинаться имя ЯРОСЛАВ. Заметим, что тут нет ни креста, ни слов СВЯТА РУСЬ, ни имени Георгия, то есть князь был язычником. Буквы С, видимая сбоку, наталкивает на предположение, что данный князь был несвободен и подчинен другому князю, чье имя начиналось на букву С.

Краткие выводы. Рассмотрев 55 вариантов «княжеских знаков», мы пришли к выводу, что далеко не все из них отвечают установленным нами критериям, а именно: 1) представляют собой лигатуру из слоговых знаков,

передающих имя князя и 2) при каком-то повороте монограммы содержат одну или несколько начальных кирилловских букв того же имени. Мы убедились также в том, что часто в качестве «княжеских знаков» исследователи понимали слово ПЕЧАТЬ в разных вариантах его написания (БЕЧАТА, ПЪЧАТА, ПЪЧАТЬ), где не было никакой информации об имени князя. Теперь, после обсуждения, мы считаем, что княжескими знаками являются лигатуры, обладающие свойствами 1) и 2).

Подписи под Китоврасом. Китоврас, русский кентавр, привлекал внимание художников средневековой Руси. В Печорском крае на берегу реки Надым у поселка Шуга вблизи Пустозерска была найдена бронзовая бляха, которую О.В. Окладников посчитал бронзовым зеркалом XVII века из Ирана, рис.48-1 [48, с. 68]. В.Н. Демин полагает, что «*загадочный крылатый кентавр — это обычная **трансформация одного из языческих богов***» [48, с. 73]. Действительно, бронзовых зеркал с изображением зеркал на русском севере много, и Демин приводит изображение одного из них с низовий Оби [48, с. 73], но узор на нем не образует читаемых надписей. Таковы же зеркала многих северных народов — ненцев, хантов, манси, бурятов, юкагиров. Надпись на данном зеркале можно прочитать: левое крыло (от зрителя справа) читается **ВЕРА РУСЬКА**, рис. 48-2; под ним (с поворотом на 90^0) — **КИТЬВЪРАСЪ** (Китоврас), рис. 48-3; слева, между крылом и хвостом — **ЛЪЖЕБОГЪ**, рис. 48-4; между ног коня внизу — **РУСЬ** ЛУЖЬ (слева) и ТЪСЬ (справа, читая справа налево), КА, что дает **ЛУЖЬТЪСЬКА** (“*Лужицкая*”, название славянского народа лужичан), рис. 48-5; **СЛАВЯНЪ** (самый низ узора), рис. 48-6. Лужичане, или лужицкие сербы, проживают на востоке Германии вблизи границы с Польшей; их изделие могло попасть к русским посредством торговли. Другое изображение Китовраса видно на плитке XII века из Пскова, рис. 48-7 [48, с. 76]. Узелковый узор может быть разложен на элементы с чтением КИ (участок слева чуть ниже верха), ТО (самая верхняя петля, повернутая на 270^0), ВЪ (самый правый узел), РА (нижний узел, повернутый на 180^0), СЬ (левая петля целиком). Образуется надпись **КИТОВЪРАСЬ**, то есть *КИТОВРАС*, рис. 48-8. Таким образом, изображения Китовраса могли быть подписаны.

Надпись на Московской монете. Рассуждая о «татаро-монгольском иге», А.А. Бушков замечает: «*С превеликой натяжкой еще можно объяснить «татаро-монгольским игом» тюркские надписи на монетах XIII в. Однако и в последующие эпохи, когда ни о каком иге не шло уже и речи... двуязычие сохранялось по-прежнему! Монеты Ивана Грозного, кроме русской надписи, несут еще и арабскую, где Иван именуется «Ибан». На московских монетах, кроме того, попадаются татарские надписи... От «ига» давным-давно пропал и след... А татарские надписи на монетах остались!...Надпись на монете с рис. 49-2 гласит: ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ. Быть может, на «нечитаемой», рис. 49-4, стоят те же слова, но изображенные иным, забытым алфавитом, вариантом русской «скорописи»?*» [68, с. 273-274]. Целью нашего исследования и была проверка надписи на рис. 49-4 на наличие слоговых славянских знаков. Результаты приведены на рис. 49-5. Как видим, предположение Бушкова подтвердилось: надпись на правой монете не татарская, а славянская. Однако она выполнена не «алфавитом», и не скорописью, а слоговыми знаками, очень напоминающими первую опубликованную в России надпись эль Недима [69, с. 513]. Хотя ее общее содержание совпадает с тем, что написано на аналогичной монете кирилловскими знаками (рис. 1), однако есть и отличия. Текст пространнее, и означает **ГОСЪДАРЬ ВЬСЕХЪ РУСОВЪ-СЪЛАВЯНЬ**, т.е.

ГОСУДАРЬ ВСЕХ РУСОВ-СЛАВЯН. Иными словами, в славянском тексте говорится не о руссах вообще, но лишь о тех из них, которые являлись славянами. Из этого можно сделать вывод о том, что понятие Руси не совпадало с понятием «славяне», было шире него. Напрашивается и другой вывод: кириллица была письменностью РУСИ, тогда как слоговое письмо было письменностью СЛАВЯН. Наконец, можно до некоторой степени согласиться с мнением А.Т. Фоменко и А.А. Бушкова о том, что «Орда» представляла собой не тюркское, но славянское образование. Тут можно пойти и чуть дальше, и предположить, что размежевание РУСИ как южной территории (с центром в Киеве) и СЛАВЯН как северной территории (с центром сначала в Новгороде, затем во Владимиро-Суздальском княжестве) сохранилось вплоть до XVI века, что и показывают рассмотренные монеты.

Разумеется, различие между понятиями РУСЬ и СЛАВЯНЕ должно быть исследовано более полно в свете наметившегося различия в их понимании.

Помимо надписей-узоров существуют и надписи-рисунки, где знаками слогового письма являются фрагменты изображения.

Надпись-рисунок с ликом Медузы-Горгоны. Среди ряда носимых на шее подвесок (брактеатов) есть так называемые змеевики, изображающие змей вокруг лика Медузы-Горгоны. Одна из подвесок изображена на рис. 48-9 [48, с. 49]. Я читаю надпись из пересечения змей: **ЖЕНЪСЬКИ**, рис. 48-10, **БЪРАКТЕАТ СЬВЯТЪ**, рис. 48-11, то есть *ЖЕНСКИЙ СВЯТОЙ БРАКТЕАТ*.

Оселок из Суздаля. В.П. Глазов, раскапывая в Суздале Дмитровскую сторону, нашел оселок с рисунком, рис. 50-1, который, на наш взгляд, отличался от другого оселка с портретом, рис. 50-2 [31, рис.15Б-8 и рис. 13-18]. На втором оселке портрет действительно передает черты лица, что же касается первого портрета, то каждый его фрагмент напоминает тот или иной слоговой знак. Если попытаться прочитать еще и жирные линии на боковине оселка, то получится, как нам кажется, такой текст: **ВЬЛОЖИ ВЪ ЛЕКАРЬСЬТЬВО, НАЛЕЙ И ЖЬДИ!** Возможно, предлагалось покрошить в лекарство частицы оселка. В таком случае, вещество оселка либо усиливало действие лекарства, либо, напротив, служило ядом. Тем самым царапины боковины и портрет на лицевой части оселка можно считать тайнописью.

Ловозеро — Русь скрытых тультеков. О том, что земля Тулия населена славянами, сообщал космограф Димешки [48, с. 29]; одно из племен, живущих в Туле, на самом севере Европы, Прокопий Кесарийский в своей “Войне с готами”, называет *скритифинами*, тогда как Иордан называет их *скререфеннами* [48, с. 25]. Первое название больше похоже на славянское не только потому, что *финны* названы *финами*, а не на немецкий лад, не *феннами*, но и потому, что первая часть слова, *скрити*, является развитием славянского слова *скрыты*. Эта первая часть коррелирует с названием *Туле*, что, по мнению В.Н. Дёмина со ссылкой на словарь Владимира Даля, означает *скрытое, недоступное место* [48, с. 28]. Вспоминает он и Центральноамериканских *тольтеков* [48, с. 28]. Во время путешествия по Ловозерской тундре он нашел камень величиной в 30 см с процарапанным примитивным человекообразным существом, в шутку названным инопланетянином, рис. 51-1 [48, с. 427, рис. 129]. Я вижу в рисунке надпись, которую читаю РУСЬ, рис. 51-2, СЬКЬРИТИ, рис. 51-3, ТУЛЕ, рис. 51-4 и ТЕКЪ, рис. 51-5. Получается, **РУСЬ, СЬКЬРИТИ-ТУЛЬТЕКЪ**, то есть *РУСЬ, СКРЫТО-ТУЛЯКИ*.

Изображения Живы. В городище Звенигород на реке Збруч в Тернопольской области Украины в жилище 14 был найден камень с рельефом,

рис. 52-1 [70, с. 148, рис. 4-2 и 149, рис. 5-2]. Грубый рельеф плохо сохранился, однако дает возможность прочитать надпись как **БОГЪ ЖИВА ВЪ ВОДЕ**, рис. 52-2. Кроме того, рельеф можно принять за черты лица: толстый, мясистый нос, тонкие губы, складка под подбородком, тонкая шея. Другое изображение передает портрет Живы в профиль; это — песчаниковый нос лодки из пещеры Рыбы (место № 56) Бог-горы (Каменной Могилы), находящейся в 18 км от Мелитополя Запорожской области Украины, рис. 52-3 [71, с. 98, рис. 62-8]. Надписи по бокам изображения я читаю **ДЕВЫ ЖИВЫ НОСЪ. ДЕВЫ ПЕНЬ**, рис. 52-4 — 52-8. Вероятно, в необходимых ритуальных случаях этот нос водружался на лодку. Еще на одном камне оттуда же, но уже из грота данной богини (хотя археологи назвали данную пещеру гротом Козы, место № 60), можно видеть изображение лица человека, рис. 52-9 [71, с. 113, рис. 75-1]. Надпись читается **ДИКИЕ ЖИВЫ БОГА ДИВЬНЕ ЛОНА**, рис. 51-10, что можно понять как *ПРИРОДНЫЕ ДИВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕЩЕРЫ БОГИНИ ЖИВЫ*. Портрет Живы дан в профиль, рис. 51-11, часть лишних линий удалена. Наконец, имеется камень, рис. 52-12 [71, с. 120, рис. 80-5] с надписью БОГЪ ЖИВА, рис. 52-13. Этот камень удостоверяет принадлежность пещеры и всего, что в ней находится, богине Живе.

Псковский устав. Интересной особенностью многих рисунков храмов является то, что на них есть малозаметные надписи, несущие дополнительную информацию. Так, например, на полях Псковского пергаментного устава XII века, изданного В.Е. Румянцевым, был помещен рисунок храма в виде башни [72, с. 98, рис. 28], рис. 53-1. Если надпись, изображенную на храме, попытаться прочитать, то можно обнаружить сначала букву Б, нижняя часть которой читается как слоговой знак ЛО, правая нижняя мачта с крючком как ГИ, а верхняя перекладина – как МЪ, что образует слово БЛАГИМЪ. Справа находится вверху слоговой знак ПО, слева от него и ниже – знак ЖЕ, низ ЖЕ и продолжение вниз знака По образует знак ЛА и продолжение правой мачты ПО – знак Й, что вместе образует слово ПОЖЕЛАЙ. Наконец, внизу в лежачем положении можно обнаружить знак ЦЕ, затем из частей знаков ЛА и ЖЕ образуется знак РЬ, и, весьма нечетко и горизонтально, к тому же зеркально, знак КЫ, что образует слово ЦЕРЬКЫ, то есть *ЦЕРКОВЬ*. Тем самым вся надпись получает смысл: **БЛАГИМЪ ПОЖЕЛАЙ ЦЕРЬКЫ!**, рис. 53-2. Хороший девиз для верующего!

С-115. София Новгородская, №4. На древней стене придела Иоанна Богослова Новгородского собора святой Софии, имеется рисунок-граффити, рис. 53-3. «*Это рисунок трехглавого (или пятиглавого) храма, который мог появиться до 1108 г. – даты росписи Софии. На малых главах особенно ясно видны горизонтальные линии, по-видимому обозначающие декоративную отделку стен красными полосами, следы которых нами обнаружены в натуре. София ли это, или один из трехглавых новгородских соборов, автором которого является знаменитый зодчий Петр, и встретились ли мы с его автографом? Это вопрос специального исследования, но ясно одно – человек, изобразивший храм, находился под впечатлением виденной им декоративной отделки барабанов Софии. Менее уверенной рукой нарисован другой трехглавый храм (в диаконнике), но элементы «кадровой разделки, да еще с вертикальными линиями, имеются и здесь*», – сообщает исследователь архитектуры Новгородского храма Г.М. Штендер [73, с. 212]. Таким образом, на рисунке представлены либо варианты росписи самого храма Софии в Новгороде, либо каких-то других Новгородских храмов. Итак, граффити

сделаны до начала XI века, скорее всего – в конце X века. На первый взгляд, ни один, ни другой рисунок не содержит никаких надписей, кроме слова **ПЕТРЪ**, рис. 53-4. Во всяком случае, здесь надписи не столь очевидны, как на рис. 53-1. Однако уже верхнее окно центральной башенки храма на рис. 53-3 заставляет заподозрить наличие надписи, ибо в нем виден косой крест, означающий слог ЗА, ЗЪ, тогда как арка окна, расположенная выше (и, следовательно, предназначенная для более раннего прочтения), тоже имеет слоговое чтение как БЕ; в итоге это дает предлог БЕЗЪ. Далее наводит на размышление весь рисунок первого этажа. Уже под крышей слева виден сложный знак, лигатура из ВЪ и ЛА. Ближайшая колонна, представляющая собой две параллельных вертикальных линии, может быть прочтена как слог ДИ. Центральный вход в храм с его обрамлением выглядит как слог МЪ, наконец, правый край храма представляет собой слоговой знак РУ. Все вместе образует слово ВЪЛАДИМЪРУ, т.е. *ВЛАДИМИРУ*.

Чуть левее и ниже виден еще один косой крест, ЗА; далее, часть этого креста, похожая на пику, есть слог КО, а ниже него виден знак Н со значением НЪ; вместе они образуют слово ЗАКОНЪ. Лежащая перед храмом прямоугольная лестница в сочетании с линиями на площади перед собором образуют слоговые знаки, которые вместе дают слово НЕПЪРАВИЛЕНЪ. На рис. 53-5 показана вся фраза, выделенная путем анализа: **БЕЗЪ ВЪЛАДИМЪРУ ЗАКОНЪ НЕПРАВИЛЕНЪ**. На наш взгляд, речь идет о сожалении Петра, автора этих строк, о днях князя Владимира Святославовича, которые уже прошли. В отсутствие Владимира, на взгляд Петра, любой закон неверен.

Приведенные примеры показывают, что слоговые надписи могли быть оформлены как рисунки, или присутствовать на рисунках. Этим пользовались некоторые русские писатели. Разумеется, мимо слоговых надписей как выражения русского национального духа не мог пройти такой наш замечательный поэт, как А.С. Пушкин.

Надписи Пушкина. О Пушкине как о самом любимом русском поэте и представителе русской культуры написано уже очень много. Но исследователи всегда особо отмечали его близость к народу не только по духу, но и по знанию мельчайших деталей народного быта. Поэтому об этом поэте и говорят как о народном.

При исследовании народного культуры я в широком масштабе встречал надписи, выполненные слоговыми знаками, о чем я уже сообщал в «Вестнике Университета» [74, с. 221-233]. Их наносили на самые различные вещи, например, пряслица, употребляемые крестьянками при прядении, глиняную и деревянную посуду, гребни, перстни и многое другое. Однако я нигде не встречал таких знаков в творчестве русских писателей, которые, видимо, о существовании подобного вида славянского письма и не подозревали. Как выясняется, эта точка зрения ошибочна, и основана только на опубликованных литературных произведениях. А в них обычно не входил такой компонент деятельности писателя как иллюстрации и черновики, которые писатель делал для себя. Вот тут-то меня и подстерегали настоящие откровения.

С именем А.С. Пушкина связаны величайшие достижения в области русской литературы, имеющие как общеславянский, так и общемировой характер. Это утверждение не нуждается в доказательстве, оно достаточно устоялось. Известен и его огромный интерес к народному творчеству. Однако

никто не знал, что А.С. Пушкин владел слоговым общеславянским письмом и пользовался им в своих черновиках и рисунках.

Тайнопись на автопортрете. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. Вот знаменитый автопортрет А.С. Пушкина 1827-1830 гг., рис. 54 [75, с. 94, рис. 84].Предлагаю читателю обратить внимание на правую часть рисунка, где завиток волос нависает над задней частью шеи. Там мы видим несколько прямых линий, которые явно не обозначают волосы, ибо прямые волосы из локона не торчат. Тогда что же это такое? На наш взгляд, это надпись славянским слоговым письмом, слитая в единую монограмму, так называемая лигатура. Ее можно прочитать, что мы и делаем, поместив ее в несколько увеличенном виде, рис. 55-1. Разложив лигатуру на составляющие ее элементы, мы можем прочитать ее так: **СЕ – ПУШКИНЪ, Я**, рис. 55-2, то есть *ВОТ – ПУШКИН, Я*. (Под знаками слоговой письменности помещена транскрипция стандартными знаками этого же письма, а ниже – кирилловская транслитерация каждого знака). Тем сами перед нами собственноручный автограф А.С. Пушкина, написанный не кириллицей, а слоговой письменностью.

Предположение о том, что великий русский поэт был знаком с древними славянскими знаками, широко распространенными в России, у меня зародилось давно, и для этого были веские основания. С одной стороны, этот славянский гений чутко прислушивался к любым проявлениям национальной самобытности, интересовался всеми чертами русской народной жизни, и с этой точки зрения просто обязан был рано или поздно дойти до знакомства с национальной русской письменностью. С другой стороны, он наверняка вел тайную переписку, и такой вид письма, не изученный еще современной ему наукой, наверняка предоставил бы ему возможность обмениваться посланиями с патриотами России, не договариваясь о выборе кода, ибо этот код должен был им быть известен. Однако эти предположения до лета 1999 г. я не мог подкрепить конкретными примерами. Теперь они нашлись.

Надписи-растения. Конечно, один пример, даже если он весьма красноречив, еще ничего не доказывает. Для того, чтобы показать, что А.С. Пушкин действительно пользовался слоговым письмом в своей деятельности, необходимо проанализировать его рукописи. К счастью, такая возможность существует. И прежде всего мы рассмотрим рисунки в тексте его стихов.

Вот стихотворение «Странник» 1835 года, начинающееся заставкой из невысоких деревьев, рис. 56-1 [75, с. 97, рис. 89]. Дерево слева помечено утолщениями, чтобы привлечь внимание. Если принять дерево за монограмму, слитую в лигатуру, то каждая веточка является определенным знаком слогового письма. Вычленяя каждый знак, мы получаем надпись **СЬТЪРАННИКЪ**, то есть *СТРАННИК*, рис. 56-2. Это и есть начальное, пока еще условное название стихотворения. У меня возникло впечатление, что сначала была нарисована заставка из двух внутренних деревьев, а лишь потом – дерево слева, передающая рабочее название данного творения. Затем пошел процесс создания поэтического текста, который, однако, автором был отвергнут и зачеркнут. Тут А.С. Пушкин призадумался. Писать дальше? Правее согнувшегося от порыва ветра правого дерева он пишет слоговыми знаками ПИСЬ..., то есть ПИСАТЬ, но в последний момент спохватывается, и в качестве заключительного знака вместо маленького крестика ставит большой внушительный крест. Так он дописывает слово **ПИСЬТЬ**, но вместе с тем, «ставит крест» на своей затее, рис. 56-3. Теперь ему окончательно ясно, что писать не следует, и еще правее он

просто пишет **НЕ ПИСЬТЬ**, то есть *НЕ ПИСАТЬ*, рис. 56-4. Следовательно, раз стих не идет, его писать не следует.

Однако проходит еще какое-то время, А.С. Пушкин понимает, что все-таки кое-что из данного сюжета выжать можно, и он приходит к компромиссу с самим собой, добавив ко второму слева, одетому листвой дереву, голых веток – знаков слоговой письменности. Теперь читается слово **НЕБОЛЬШОВЕ**, то есть *НЕБОЛЬШОЕ*, рис. 56-5. Тем самым, дилемма ПИСАТЬ-НЕ ПИСАТЬ разрешается: ПИСАТЬ, но НЕБОЛЬШОЕ стихотворение. И лишь когда данное произведение было написано, рука поэта вывела каллиграфическое начертание его названия кирилловскими буквами, **СТРАННИКЪ**. Так прочтение слоговых знаков помогло проникнуть в творческую лабораторию русского поэта, начиная от неясного замысла и кончая его реализацией.

Из данного примера можно также заключить, что дерево с безлистыми ветками нарисовано не просто так, а несет какой-то смысл. В этом можно убедиться, если мы рассмотрим некоторые изображения деревьев, например, одно из них из рукописи стихотворения «Страшно и скучно», рис. 57-1 [75, с. 92, рис. 81]. Изогнутая уцелевшая ветвь и сломанного ствола имеет слоговое чтение **ЧЕЛОВЕКЪ**, рис. 57-2. И действительно, эта ветвь напоминает профиль человека с закрытыми глазами, небольшим носом и срезанным подбородком, поверх которого выступает профиль бороды, рис. 57-3.

У А.С. Пушкина можно встретить портреты мужчин в профиль, например, такого, как на рис. 57-4 [75, с. 89, рис. 79]. Если же всё изображение наклонить вправо на 30^0, сходство будет еще больше. Так что дерево в данном случае – не только надпись, но и узор-фантазия на тему человеческого лица.

Ветка: и надпись, и лицо. Еще одно дерево из рукописи того же стихотворения 1829 года, рис. 58-1 [75, с. 92, рис. 81], ассоциируется А.С. Пушкиным уже не просто с человеком, а с конкретным лицом, с **ЕВГЕНИЕМ ОНЕГИНЫМ**, рис. 58-2. При этом тонкие ветки правой части дерева передают имя, а толстые ветви слева и ствол – фамилию персонажа. Надпись сделана уже не чисто слоговыми знаками, а чередованием с ними букв. Правда, если усмотреть в нем узор с профилем человеческого лица, оно получится неказистым: самая левая ветка обозначает короткий, мясистый нос; рот открыт; подбородок переходит в бороду. Поэтическое сравнение человека с деревом обретает черты конкретного литературного персонажа, но изобразительное воплощение этого персонажа пока еще не лучшее.

И вот мы встречаем настоящий шедевр, где зрительный и письменный элементы получают свое завершение, рис. 59-1 [75, с. 90, рис. 79]. Перед нами – портрет поэта Д.В. Веневитинова, принадлежащий перу А.С. Пушкина. Деревце, очень похожее на предыдущее, является графическим оформлением надписи **ЕВГЕНИЙ – ВЕНЕВИТИНОВЪ**. И портрет, и надпись не просто разделились, они стоят после даты «28 ноября 1830 года» и перед заглавием «Предисловие к Евг. Онег.», давая черновик восьмой и девятой глав романа. Тем самым А.С. Пушкин в основу своего литературного героя кладет черты своего современника, поэта Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805-1827 гг.), о чем и пишет прямым текстом. Вероятно, литературоведы давно подозревали эту связь, коль скоро портрет поэта оказался в черновиках романа «Евгений Онегин». Однако здесь эта связь подчеркнута самим А.С. Пушкиным, так что строить о ней предположения не приходится.

Тайнопись на рисунке гроба. Слоговую надпись мы встречаем и в иллюстрации к рассказу 1830 г. «Гробовщик», рис. 60 [75, с. 96, рис. 87]. Два

человека мирно пьют чай на фоне гробов. В левом человеке, скорее всего, можно узнать приятеля А.С. Пушкина Пущина, правым человеком, видимо, является гробовщик. Под рисунком – большая круглая скобка (имеющая слоговое чтение БУ), которая справа оканчивается буквой Я. Слева находятся слоговые знаки. Я прочитал данную надпись и вычленил еще два элемента рисунка: крест перед гробовщиком и нижний гроб из лежащих справа. Надпись гласит: **ВЬ ГРОБУ – Я**, рис. 61. Действительно, из гробов вычленяется лицо человека: видны закрытые глаза, заострившийся нос и полуоткрытый провалившийся рот с чуть заметным подбородком; масштаб не выдержан. Так поэт представлял себе свою кончину: к радости приятеля и к заботе гробовщика.

Конечно, данные иллюстрации отражают далеко не все слоговые надписи А.С. Пушкина; их еще надлежит выявить в полном объеме. Однако ясно, что поэт земли русской знал и осознанно использовал славянское слоговое письмо, дожившее до его века, несмотря на то, что ни современные ему ученые, ни академическая наука XX века этот вид письменной культуры славян не знают и не хотят знать.

Прочтение тайных строк великого поэта – удивительное открытие в год 200-летия со дня его рождения.

Часть третья

Каковы были особенности слогового письма на Руси?

В этом разделе предполагается рассмотреть графические особенности славянского слогового письма на Руси, а также выяснить его предполагаемые связи с последующими двумя славянскими азбуками, глаголицей и кириллицей.

Глава седьмая

Особенности слоговой графики

Здесь за неимением места мы не будем воспроизводить все выкладки, связанные с дешифровкой славянской письменности. Приведем лишь полученные результаты.

Возможный вид славянского силлабария. Для чтения славянских надписей я применяю силлабарий, общий вид которого показан на рис. 62. Звездочками отмечены знаки, которые мне не встретились в опорных текстах, но существование которых можно предположить на основании сравнения с выявленными знаками. Силлабарий показывает наличие достаточно хорошо развитой системы графем. Эти графемы были определены по немногим опорным текстам и домыслены по аналогии, так что данный силлабарий представляет собой скорее теоретическую схему, чем практическое руководство. Тем не менее, он очень хорошо подходит для транскрибирования славянских слоговых текстов.

Результат исследований. Когда были проанализированы не десятки, а чуть больше сотни текстов, из которых были выбраны многочисленные реальные графемы и, после их усреднения, проставлены в силлабарий, картина получилась несколько иной, рис. 63. Знаков появилось больше, а их начертания приняли более угловатый, чем округлый характер. Иными словами, перед нами появляется уже *настоящая практическая система использования* слоговых знаков, прошедшая многовековой, а то и многотысячелетний отбор графем.

Общие свойства славянского силлабария. Анализ приведенных примеров привел к выводу, что совокупность знаков слогового письма образовывала весьма четкую систему графем, основанную на противопоставлении **фонетически наиболее важных** оппозиций; но не на выявлении всех существенных оппозиций. В этом смысле слоговая письменность занимает промежуточное положение между иероглификой, где наряду с пиктограммами непоследовательно имеется передача различных звуков, и буквенной письменностью, где фонетические оппозиции переданы с максимальной полнотой; таким образом, в слоговой графике уже присутствует система, но еще нет всей полноты передачи звуков.

С другой стороны, следует отметить, что практика письма в значительной степени нивелирует эти противопоставления, и там, где было бы необходимым писать СОГЛАСНЫЙ (С)+А, пишется С+О и наоборот. Дело тут, однако, не в отсутствии системы, а в отсутствии органа надзора за орфографией, который, полагаю, еще существовал в раннеми средневековьи (в виде жрецов-грамматиков), но исчез со введением кириллицы (и исчезновением слоя жрецов). То же самое могло бы произойти и с нынешней орфографией, если бы были упразднены все корректоры (знаменитое слово КОРОВА тода можно было

бы встретить не только в начертании КАРОВА, но и КАРОФА, КЫРОФА, КЫЁФА и т.д.). Подобную ситуацию легко понять тем более в переломный период ухода с исторической арены слоговой письменности и явного преобладания кириллицы, что как раз и отражает смешанное начертание. И хотя практика письма выявляет именно размытую систему слоговой письменности, ее нет смысла фиксировать в соответствующих таблицах, ибо так был бы зафиксирован хотя и достоверный, но кратковременный миг существования слоговой письменности — период ее упадка и умирания. Для фиксации куда важнее выявленные оппозиции в знаках — вот они и должны быть отражены в итоговых таблицах так, как будто бы никакого размытия этих строгих противопоставлений не было.

Проведенный анализ помогает выявить систему слоговой письменности не только в статике, но и в динамике. Иными словами, наряду с максимальной системой противопоставлений в графике можно выявить и наиболее архаическую систему знаков, которые позже дали полную систему. Естественно, подобная реконструкция вряд ли будет пригодна для чтения слоговых текстов, но она окажется весьма полезной для общей теории и истории развития письма.

Наконец, в результате анализа стало ясным, что большинство выдвинутых в первой части предположений в отношении графем оправдались, и не только частично, но и полностью. Вместе с тем, какая-то часть гипотез была отброшена, а в отношении новых данных возникли новые гипотезы. Разумеется, такое положение вещей сохранится и при переходе к более обширному массиву текстов, например, чисто слоговых. Тогда прояснится значение многих редко употребляемых знаков, но, возможно, и тогда останутся неясными особо редко употребляемые знаки.

Построение силлабария. Для построения силлабария достаточно воспользоваться уже полученным силлабарием знаков слоговой транскрипции, рис. 62, и подставить в него вместо гипотетических или не оправдавшихся графов то, что удалось выявить в результате анализа. Поскольку анализ только что выявил наиболее частотные значения графем, их вполне можно подставить в нужные места. Получившаяся картина изображена на рис. 63. Естественно, она весьма напоминает силлабарий знаков слоговой транскрипции, однако наряду с уже известными значениями присутствует и ряд новых. Так, в первой строке вместо отсутствующего значение ГЬ появилось установленное значение, напоминающее цифру 1, повернутую на 180^0; значения БЬ и ДЬ даны уже не гипотетические, а реальные; для ЖЬ/ЗЬ приведено не одно значения, а два, для ЖЬ и для ЗЬ; значения для МЬ выглядят совсем не так, как одно гипотетическое; не так выглядит НЬ и одно из значений ПЬ. Значения Ц и Ч разделены, и каждое из них несколько отличается от предполагаемого. Во второй строке Е и И даны как наклонные штрихи; БЕ и БИ различны по ширине; ДЕ и ДИ, а также ЖЕ/ЗЕ и ЖИ/ЗИ поменялись местами; КЕ и КИ изображены однорогими стрелочками; ЛИ, МЕ, МИ, НИ, ПЕ, ПИ изображены иным способом; то же самое можно сказать в отношении ТЕ и ТИ, СИ, ЦЕ и ЦИ, ЧЕ и ЧИ. В третьей строке иначе выглядит О, А/Я, ВО, ВА; а также ЖА, КУ, ЛО, ЛУ, ЛА, МА; для НА приведена несколько небрежная форма изображения; весьма отличны начертания ПА, РУ, СО, СУ, СА. Вставлены отсутствовавшие значения ЦА и ЧА. В четвертой строке добавлено значение с Ы; представлен полугласный Й, добавлены значения ВЪ, РЫ, СЪ, СЫ, ТЫ. Короче говоря, исправлено около 4 десятков начертаний.

Создание репертуара знаков. На основе полученных значений можно составить репертуар знаков, перенумеровав все различные графемы. При этом симметричные знаки я учитываю лишь один раз, а несимметричные — столько раз, сколько разных несимметричных состояний они могут образовывать (то есть зеркальные — в 2 состояниях; несимметричные относительно горизонтальной оси — тоже в 2 состояниях, а несимметричные относительно двух осей симметрии — в 4 состояниях). В результате получается репертуар, содержащий 91 знак, рис. 64. Горизонтальное расположение гласных я не считаю за особую графему и приравниваю ее к вертикальному штриху. Учет зеркальных вариантов как отдельных графем я произвожу для того, чтобы была возможность при чтениях регистрировать их отдельно; так что данный репертуар включает в себя как основные графемы, так и их варианты. Полученный репертуар позволяет проводить сопоставление с репертуарами, выделенными другими исследователями.

Создание гипотетического архаического силлабария. Высказанные при анализе выявленных при чтениях знаков замечания и предположения помогают составить предполагаемый архаический силлабарий, для которого было бы характерно наличие еще неразвившихся графем. Подобный силлабарий приведен на рис. 65. Из него видно, что гласные делились на два типа: переднего и непереднего ряда, а графем предполагалось очень немного. Подобный архаический силлабарий оказался бы весьма полезным при анализе слогового письма праславянской и более ранних эпох.

Более подробно по поводу особенностей славянских силлабариев можно прочитать в моей монографии [1].

Глава восьмая
Соотношение слоговой письменности с русской азбукой

Здесь мы попробуем рассмотреть отношения между слоговым письмом и кириллицей, поскольку глаголица, хотя и была известна на Руси, но имела очень ограниченный круг применения. Кроме того, вопрос о глаголице методически было бы правильнее решать, опираясь на данные по взаимоотношению слогового письма и кириллицы. А наиболее ранним видом кириллицы является письменность «Велесовой книги», велесовица.

Сведения о велесовице. Публикация «Велесовой книги» вызвала большую полемику среди ученых; очень многие склонялись к тому, что азбука «Велесовой книги», так называемая «Велесовица» представляет собой такую же подделку, как и сам текст. Вообще говоря, из одного не следует другое; напротив, любой мошенник, сочинивший текст, ни за что не будет сочинять иную систему письма хотя бы потому, что это сразу привлечет ненужное внимание. Да и непонятно, зачем идти на совершенно ненужную дополнительную работу по созданию нового шрифта, если для целей записи текста было вполне достаточно кириллицы X века. Тем более, что в XX веке образец такой кириллицы был найден в надписи на корчаге из Гнёздово.

Правда, можно возразить, что архаический текст больше согласуется с архаической письменностью, и это действительно так. Если бы текст «Книги» был написан фальсификатором в XIX веке, когда чешские слависты пришли к выводу, что глаголица старше кириллицы, фальсификатор использовал бы глаголическое написание. Если бы фальсификат был изготовлен в XVIII веке, когда господствовали представления о так называемых «славянских рунах», то

есть о германских рунах на службе славян-ободритов из города Ретра, то «Книга» была бы выполнена этой славянской разновидностью германских рун. Наконец, если бы фальсификатор был в курсе научной полемики начала XX века, когда А.А. Спицын был своеобразным центром, вокруг которого группировались исследователи славянского докирилловского письма с 1908 по 1926 гг., он бы попытался создать текст на основе тюркских рун в их хазарской разновидности. Ничего этого мы не обнаруживаем при взгляде на письменность «Влесовой книги».

Как выглядели знаки велесовицы. К большому сожалению, до нас дошла фотография только одной таблички. Тем не менее, благодаря профессору Радивое Пешичу, умершему в середине 90-х годов XX века, сохранились некоторые результаты систематизации этой азбуки со стороны предшествующих исследователей. В изданной его дочерью Весной Пешич в 1997 году монографии можно видеть несколько рисунков приложения, например, начало систематизации письма «Велесовой книги», рис. 66 а [2, с. 177] и полную систему этого письма, рис. 66 б [2, с. 179]. В начале систематизации, рис. 1 а, Ю.П. Миролюбов нашел значение двух знаков, А и Ы, как ему показалось, ибо позже первый знак уже понимался как Я; что же касается Т, то он был необычным, но каким – из данной записи не видно. Из этой маленькой записи следует, что два данных знака показались этому эпиграфисту наиболее удивительными из гласных; затем, видимо, он решил перейти к согласным, где изобразил Т, но затем оставил данный подход, ибо он изобразил далее всю азбуку. На рис. 1 б виден следующий подход Ю.П. Миролюбова, где он изобразил азбуку «книги Велеса» в соответствии с латинским алфавитом. Это уже кажется странным: зачем изображать славянскую азбуку с позиций иной системы письма? Ответа может быть два: 1) знаки настолько поразили исследователя своей формой, что он решил сделать их транскрипцию, для чело обычно использовалась латинская графика и 2) он сам изобрел эти знаки, для чего и выписал их в соответствии не с кирилловским, а с латинским порядком.

Решить, какое из этих двух предположений верное, постараемся в конце исследования. Пока заметим, что знаки велесовицы АЗ, ГЛАГОЛЬ, ДОБРО, ЕСТЬ, ЗЕМЛЯ, ХЕР, И, ЛЮДИ, МЫСЛЕТЕ, ПОКОЙ, РЦЫ, СЛОВО и ПСИ очень напоминают соответствующие греческие буквы АЛЬФА, ГАММА, ДЕЛЬТА, ЭПСИЛОН, ДЗЕТА, ХИ, ИОТА, ЛЯМБДА, МЮ, ПИ, РО и СИГМА и ПСИ (в случае СЛОВА – концевую СИГМУ). Знак ВЕДИ, напротив, похож на руну БЕРКАНУ во всех трех вариантах, второй вариант знака СЛОВО – на руну КЕНАЗ. Знак ЩТА в двух вариантах имеет некоторое сходство с руной ЦА из англосаксонского (самого экзотического) футарка. К буквам кириллицы можно отнести знаки Ц, Ч, h, Z (в двух вариантах), Л Ш, Ъ, Ы. Наконец, к необычным знакам можно отнести М, Н, О, три варианта Ш, Т, Я, ОУ, Ж и Ы. Таким образом, из рассмотренных Миролюбовым 39 графем 13 являются греческими, 9 – кирилловскими, 6 – руническими и 11 – необычными.

Несколько иное впечатление производят систематизации Н.Ф. Скрипника, рис. 67 а [1, с. 181] и рис. 67 б [1, с. 183]. Этот эпиграфист вначале размещает все гласные буквы, затем все согласные. Почти все они отличаются от тех, которые мы видели на предыдущем рисунке. Среди гласных букв, рис. 67 а, А имеет дополнительную крышу, Е вместо округлых очертаний приобрело угловатое, появилось йотованное Е (украинская буква Є) как два варианта начертания буквы ЯТЬ (один из них не имеет донца у петли) и один вариент

сочетания И и Е; ИЖЕ выглядит как диграф ОI, тогда как наряду с И в виде I имеется и йотованное I как II, но также как диграф IЄ и триграф ИЄI. Почему-то в этот список попал и ЙОТ, передаваемый как ОЙ, АЙ, УЙ, причем в диграфе УI знак У выглядит как современный, без прямой мачты. Возможно, что как и в случае с ИЖЕ речь идет о том, что И или Й на конце передавались как ОИ или ОЙ, а не о том, что эти звуки изображались диграфами. Заметим, что О передается и как О, и как ս, тогда как У передается как У. Буква Ю передана как сочетание IУ. Зато при взгляде на Я возникает впечатление, что буква А с дополнительной крышей получилась у Скрипника в результате освобождения лигатуры IА от И. Иными словами, Миролюбов давал начертание этой буквы точнее. В этом списке отсутствуют гласные Ъ, Ы, Ь.

Во втором списке, рис. 67 б, буква Б имеет не просто наклонную крышу (как у Миролюбова), но и вторую короткую черту, параллельную первой. Кроме того, Б может иметь начертание в виде двух наклонных черт вверху или в виде такого же Б, как у Миролюбова, но с разрывом между левой мачтой и крышей с петлей. И если Миролюбов не нашел буквы К, то у Скрипника помимо нее отсутствует и начертание буквы Г. Нет у Скрипника и букв В, Ф, Ж, З, М, Н, П, Т, Х, Ц, зато знак Ь он трактует как запятую, а знак Ъ – как редуцированный звук О. Последнее весьма любопытно, ибо у Скрипника знаки Ъ и Ь играют разные роли: Ъ как редуцированный звук любого происхождения, а Ь – как знак препинания.

Радивое Пешич не предлагает своих значений, а в своей таблице [2, с. 187] объединяет оба начертания, Миролюбова и Скрипника, пометив, что таблицу он составил в 1985 году. Тем не менее, представляет интерес посмотреть на знаки самой «Велесовой книги», того самого уцелевшего фрагмента, чтобы получить возможность сравнить его со знаками, выделенными эпиграфистами. Вот как выглядит эта дощечка, рис. 68 [2, с. 84]. Теперь попробуем выделить буквы этой надписи и разместить их в алфавитном порядке. Для первых двух строк получится любопытная азбука, рис. 69. Из этого рисунка видно, что чаще всего употребляются гласные буквы, и на первом месте по частотности идет буква Е; она употреблена 11 раз. Ее начертание **округло**, и если имеется некоторая тенденция к угловатости (четвертое употребление), то лишь как слабый намек из-за небольшого отклонения от нормы. Иными словами**, никакой угловатой формы здесь нет даже в единичном случае**. Буква А имеет вертикальную правую мачту и слабый загиб влево в ее верхней части, однако очень часто этот загиб сливается с линией строки, образуя несуществующую крышу. И в букве Я, представляющей собое соединение I с А, нет и этого крошечного загиба. Тем самым трактовка буквы А Н.Ф. Скрипником **не подтверждается**.

Буква Б употреблена 7 раз; восьмое употребление (показанное как первое) было взято из самого начала пятой строки, чтобы показать, что обычная форма Б велесовице не чужда. При этом первое и шестое употребление демонстрируют самую привычную для нашего глаза форму, в восьмом случае форма привычна, но внизу недописана петелька, в четвертом и пятом случаях к этой форме добавляется незначительный добавочный поперечный штрих, и только во втором, третьем и седьмом случаях формы буквы непривычна, петля не просто недописана, но лишь намечена. Из этого рассмотрения следует вывод, что **обычная форма буквы Б является преобладающей**. Попробуем разобраться, когда вместо привычной формы употребляется редуцированная. В первом случае (на рис. 4 на втором месте) буква Б входит в слово БГУ (БОГУ),

во втором – в слово БЪ (БОГЪ); в третьем, где написание нормальное, в слово ПРИБЕЗИЦА (ПРИБЕЖИЩЕ), в четвертое, с нормальным написанием – БЯ, в пятом, где написание тоже нормальное, – в слово БЛГА (БЛАГА), в шестом, с редуцированным написанием, в слово ДБЕЛЕ (ДЕБЕЛЕ), в седьмом – в слово БЯ с нормальным начертанием. Получается, что нормальное написание присутствует везде, где графема Б передает звук Б; но где имеется редуцированное написание Б, оно передает слог БО, БО или БЕ. Иными словами, **редуцированное написание графемы Б является слоговым знаком**.

Буква В употреблена 5 раз, при этом четвертый случай является особенным: петелька сверху незамкнута, а вместо нее имеется косой штрих и, кроме того, нет пробела между округлыми частями и мачтой. Иными словами, данная графема редуцирована. По аналогии с буквой Б подозреваем, что и тут имеет место слоговой знак. Слово, в которое входит этот знак, может быть прочитано различно, однако возможно, что оно читается ВОЯ, хотя написано ВЯ. Так что и здесь **графически редуцированная буква может обозначать слоговой знак**.

Буква Г имеет привычная начертание, буква Д – типичное для греков (ножки у нее редки).

Весьма интересно начертание буквы Ж, которая состоит как бы из двух букв Ш, верхней и нижней (нижняя повернута на 180^0), соединенных центральной мачтой. Иными словами, ее можно понимать как **диграф согласных звуков**; в отличие от диграфов гласных, где соединительная черта является горизонтальной, данная соединительная черта является вертикальной. Буква З очень привычна для начальной кириллицы; она представляет собой греческую букву Z с большим орнаментальным хвостом. Буквы I, К и Л тоже привычны; заметим, что буква ИЖЕ (И восьмеричное) здесь отсутствует. У буквы М нижний зубец превращен в дугу; это как раз типично для ранней кириллицы, что особо отмечают палеографы; так, по мнению И.А. Шляпкина, «*первоначальное начертание ее греческое, главным образом характерное тем, что средняя часть представляет дугу*» [2, с. 56].

Что же касается буквы Н, то ее начертание совершенно нетипичное, ибо в ранней кириллице эта буква писалась как N; но зато она в точности соответствует слоговому знаку НЪ славянского **слогового письма**.

С буквой О мы имеем большую проблему, ибо один и тот же знак используется то для обозначения О (два раза), то для обозначения У (тоже два раза), то в значении Ъ (тоже 2 раза), то как Ъ в составе Ы (три раза). Иными словами, графемой ü передавались 4 разных звука! Такое неразличение гласных звуков совершенно неизвестно для буквенной графики, но **типично для слоговой**. Более того, для передачи звука О слоговые тексты часто пользуются графемой ВО как в виде V, так и в виде О; знак велесовицы ü по сути дела представляет собой лигатуру из этих знаков, начертанных один над другим.

Буквы П, Р и С, хотя и несколько отличаются от привычных, но вполне читабельны, а вот буква Т с заниженной перекладиной (в виде «+» по Миролюбову) **типична для слоговой графики** (где данная графема обозначает преимущественно палатальный звук – ТЬ, ТЕ, ТИ).

Буква У велесовицы состоит из наклонной черты с маленьким штрихом влево. Такое начертание, равно как и начертание одной наклонной черты без штриха характерно для изображения У **в слоговой графике**.

Что же касается буквы Ц, то такой вид она имеет в самой ранней кириллице; правда, хвостик часто является непосредственным продолжением

мачты. В саму кириллицу этот знак попал **из слоговой графики**, где изображался как F с наклонными поперечинами, но затем в ранней кириллицы завалился влево. Буква Ш попала **оттуда же**, обозначая как ШЬ, так и ШЕ, однако она могла быть начертана и в вертикальном положении как Е, и в наклонных положениях – при этом длина штрихов могла быть различной, в том числе с более длинным или более коротким средним. Так что велесовица фиксирует два из возможных начертаний. Что же касается Щ, то, несмотря на округлость в начертании верхнего знака Ш, видно, что перед нами находится лигатура из Ш и Т, что весьма коррелирует с графемой Ж, куда тоже входит Ш.

Наконец, особняком стоит знак h, который можно считать лигатурой из I (в горизонтальном положении) и Ъ , то есть как бы Ы наоборот, IЪ. Так обозначался закрытый звук ӗ. Тем самым в данном диграфе использована горизонтальная черта для обозначения И, что опять-таки характерно **для слогового письма**.

Тем самым наш предварительный вывод будет таким: помимо знаков, перешедших из слогового письмо в кириллицу (Ш, h), в велесовице имеется несколько знаков, либо непосредствено перешедших из слогового письма (Т, У), либо являющихся лигатурой слоговых знаков (Ж как Ш-Ш; О, У, Ъ, Ы как ВО-ВО), либо передающих слоги редуцированными буквенными графемами (Б, В). При этом наряду с объединением гласных звуков по горизонтали (графема Я), что типично для буквенной графики, имеется объединение графем по вертикали (Ж, u), что типично для слоговой графики. Иными словами**, велесовица типологически старше кириллицы, представляя собой знаковую систему, промежуточную между силлабарием и алфавитом**.

Продолжив рассмотрение, сделаем азбуку третьей и четвертой строк, рис. 70. Теперь на первое место неожиданно выходит буква А, употребленная 11 раз; при этом в шестой раз ее начертание оказывается вполне кирилловским; очень близким к таковому оказывается и форма седьмой буквы. Тем самым, особенность велесовцы в начертании данной буквы, как кажется, состоит лишь в чуть редуцированной графике, что можно объяснить высокой скоростью нанесения знаков и неизбежной при этом небрежностью. Буква Б в своем единственном употреблении в слове БИА очень напоминает слоговой знак F в значении ЖИ; а по смыслу в словосочетании ОНЪ БИА ТУ И ВО СТОУПЕХЪ гораздо правдоподобнее чтение ОНЪ ЖИЯ ТУ И ВО СТОУПЕХЪ, то есть ОН ЖИЛ ТУТ, И В СТЕПЯХ. Если так, то **мы имеем слоговой знак F для обозначения буквы Ж**, что можно считать слоговой опиской в буквенном письме.

Единственный случай употребления В с разорванной верхней петлей относится к словам ДВА ДЩЕРЕ; на первый взгляд, тут нет слогового чтения, однако слово ДВА не согласуется со словом ДЩЕРЕ – должно быть ДВЕ ДЩЕРЕ. Однако согласование достигается, если предположить слоговое чтение В как ВО, тогда получается выражение ДВОЯ ДЩЕРЕ, то есть ДВЕ ДОЧЕРИ. Тем самым наша гипотеза о передаче слогового чтения в разорванной графеме подтверждается. Кстати, в знаках для обозначения буквы Д во втором случае мы видим вместо равнобедренного треугольника прямоугольный. Если предположить, что это тоже слоговой знак, то вместо ДЩЕРЕ надо будет читать ДОЩЕРЕ, что больше согласуется с русским языком Х века. Подлинный слоговой знак для обозначения ДО в слоговых текстах изображался как D, что очень близко к тому, что изображено на рис. 5 в качестве угловатого варианта.

В начертаниях Е, Ж, I, К, Л, М, Н, О, П, Р, Т нет ничего особенного. В начертании С во втором случае в слове СКТИА, то есть СКОТИЯ буква С становится угловатой. Буква У дважды пишется в виде одного графа и один раз в виде диграфа ОУ. Впервые встречается буква Х, вполне напоминающая греческую. В начертаниях Щ в первом случае вместо округлого Ш вверху диграфа помешен угловатый вариант. В начертании ЯТЬ отсутствует низ у петельки, как в написаньях А и Б. Знаки Ы и Я стандартные. Тем самым, чтение третьей и четвертой строк не только не опровергли наших предположений, но подтвердили их. С одной стороны, графические особенности велесовицы еще более обозначились как чисто вариативные, обусловленные скорописью, а не иным принципом начертания; с другой стороны, обнаружилась случайная слоговая описка.

Анализ можно продолжать и далее, однако, к иным выводам он не приведет. И уже сказанного достаточно, чтобы понять, что почти все знаки Скрипника и часть знаков Миролюбова были не типичными, а **нестандартными**. Иными словами, они начертали не столько транскрипцию, сколько «азбуку графических трудностей», которую последующие исследователи, однако, приняли за подлинный вид велесовицы.

Сделав отбор наиболее выразительных знаков графики велесовицы по первым четырем строкам этого памятника, я получил такой репертуар, рис. 71. Легко видеть, что и по числу графем велесовица является промежуточным образованием между силлабарием и алфавитом. То, что этого не заметили другие эпиграфисты, я объясняю так: первые исследователи памятника, включая Асова и Пешича, не предусматривали такого самостоятельного этапа анализа текста, каким является транслитерация, а сразу же приступали к переводу. Точнее, у А.И. Асова некоторые фрагменты транслитерации даны в скобках в самой транскрипции и, кроме того, в транскрипции произведена разбивка на слова. А между тем, бросается в глаза «экономия на гласных», то есть приближение орфографии памятника к идеалам консонантной письменности, что заставляет выделять этап транслитерации в самостоятельный. Так, уже первые слова, ВЛЕСКНИГУ можно понять как ВЕЛЕСА КНИГУ, понимая, что буква В передает слог ВЕ, а буква С – слог СА. Во всяком случае, А.В. Арциховский, выполняя аналогичную работу в отношении новгородских берестяных грамот, помимо их прориси, давал вначале их транскрипцию, а затем транслитерацию с разбивкой на слова, после чего следовал комментарий к словам. То же самое следовало бы сделать и в научном издании «Велесовой книги», тогда к ее тексту было бы меньше замечаний. Наконец, я проанализировал многие часто встречающиеся консонантные написания «Велесовой книги» и понял, что еще в XVI веке консонантная запись считалась нормальной. Консонантные знаки Б, М, Л, С, Ц, В тут читаются как БО, МИ, ЛО, СЬ, ЦА, ВЬ. Наверняка, таких примеров консонантных записей – великое множество, я же взял их только для иллюстрации. Пока я лишь обратил внимание на исторический факт – период бытования на Руси консонантных надписей при переходе от слогового к буквенному письму. Как видим, текст «Книги Велеса» весьма прочно вписывается в эту традицию.

Из всего рассмотренного можно сделать важный вывод: **орфография «Велесовой книги» так приближена к особенностям слогового письма, что ее можно рассматривать как ппереходную между слоговой и буквенной**. Иными словами, велесовица вообще не вполне азбука, а силлабо-фонетическая система, то есть ее отличие от кириллицы в первую очередь не графическое, а

типологическое. Таким образом, эту азбуку можно считать наиболее ранней кириллицей, а пропорцию между буквами и слоговыми знаками можно видеть на рис. 72.

Отметим, что в таблицу вошли в качестве слоговых те значения, которые были связаны с трансформацией внешней формы буквы. Например, в слове ДБЛЕ знак ДО передан равнобедренным треугольницком (правда, со штрихом слева), то есть стандартным способом, и этот знак не вошел в таблицу, ибо совпадал с основным начертанием буквы Д; зато вошел знак из слова ДЩЕРЕ в виде прямоугольного треугольника. Поскольку на Руси до кириллицы существовала слоговая письменность, было бы интересно сопоставить слоговые знаки велесовицы с ее значениями. Это несложно сделать, рис. 73. Разумеется, из силлабария представлены только те значения, которые выявлены в велесовице. Легко видеть как наличие определенного сходства, так и существование различий. Так, звук А (а также остальные гласные звуки и полугласный ЙЭ передавался в силлабарии чаще наклонной, но иногда и вертикальной чертой. Элементы этого мы видим в велесовице, где буква А имеет вертикальную мачту, а слог ЙА содержит Й в виде вертикального элемента слева (один из вариантов буквы А, как показано на верхней строке рис. 73 внизу, тоже содержит косую черту, обозначая А). Редуцированная графема Б велесовицы содержит слоговой знак БО в необычном положении, в горизонтальном, и вертикальную мачту с чтением А/О, что наталкивает читателя на чтение Б+О, БО. Редуцированная графема ВО велесовицы содержит два равнозначных слоговых знака ВО, О и V, что тоже имеет чтение ВО. Знаки ГЕ, ДО, КЪ, ЛА, МО, НЪ, ПО, РО, СЕ, ШИ велесовицы несколько отличаются от соответствующих знаков слогового письма, но имеют и черты сходства, знаки ЖИ, ЗИ и ТИ являются целиком заимствованными из слогового письма. Йотованные гласные для слоговой письменности нетипичны, но могут быть изображены так, как показано на рис. 73. Наибольшие отличия в графеме ЩИ.

Из сказанного следует вывод, что велесовица не просто обладает слоговыми знаками (здесь их помещено 23, но их может обнаружиться и больше), **но эти знаки весьма близки к знакам славянской слоговой письменности**.

Проблема времени заимствования азбуки Кирилла. Когда и где была введена кириллица на Руси? Долгое время полагали, что, после того как святые равноапостольные учителя славянские Кирилл и Мефодий где-то в 60-70-е гг. IX века создали азбуку, позже названную именем Кирилла, она в X-XI вв. различными путями попала на Русь и постепенно вошла в обиход наших предков. Однако в XIX в. сначала чешские ученые, а затем, в XX веке и отечественные специалисты стали приходить к выводу, что кириллицу создал вовсе не Кирилл, а кто-то из его учеников, например, Климент Охридский. В таком случае время создания славянской азбуки отодвигалось на более поздние сроки, примерно на полвека, и связывалось уже не со столь значительными личностями, какими были солунские братья. Да и свидетельств о деятельности Климента было меньше, к тому же он шел проторенной дорогой, так что вероятность создания им первой славянской азбуки оказывалась более призрачной. Что же касается Кирилла, то он как будто создал глаголицу.

Хотя эту позицию разделяют не все исследователи, однако, всякий историк письма напоминает, что Русь не могла обойтись без письменности и потому создание алфавита для нее было жизненно необходимо. Я не разделяю этой позиции потому, что вижу тут не одну, а две проблемы: существование

письменности вообще и существование конкретно буквенного письма. Первой проблемы для Руси просто не существовало: и в древности, и в средние века, и даже в Новое время на Руси имелось слоговое письмо, так что **потребности государства им вполне удовлетворялись**. Не было и второй проблемы, ибо после создания глаголицы отпала необходимость в создании еще какой-то азбуки; южные славяне прекрасно обходились глаголицей более полутысячелетия, она дожила до появления книгопечатания, на ней была отпечатана большая литература и даже появилось две разновидности глаголического шрифта, болгарский и хорватский. Так что неожиданно вырисовывается третья, самая скромная проблема: создания славянской письменности по образу и подобию греческой. Если первая проблема оказывается поистине громадной, от которой зависит само существование славянского государства, то уже вторая сжимается до рамок модернизации шрифта, учета в нем лингвистических и этнических особенностей, короче говоря, больше преследует цели обеспечения **этнической самобытности**, нежели полноценного существования государства. Что же касается третьей проблемки, то она интересовала прежде всего церковь, и ту ее часть, которая ориентировалась на Византию. Западные славянские страны ввели христианство католическое, ориентировались на Рим, и поэтому вполне естественно, что их письменность построилась на основе латиницы. Столь же естественно желание православных христиан построить письменность как можно более тесно привязанную к греческой. Иными словами, кириллица как определенный вид графики была нужна **православному духовенству**, а не Русскому государству (у которого она уже была), и тем самым проблема введения кириллицы оказывается вовсе не равновеликой проблеме создания письма на Руси, а чисто **конфессиональной**, маркируя господствующую **разновидность религии**.

Из этого следует, что инициатором создания новой письменности должно было выступать не государство и не патриотически-настроенная культурная элита, а духовенство, и истоки русской глаголицы нужно искать в церкви. Там они и были найдены, однако не благодаря целенаправленным поискам именно ранних славянских азбук, а в ходе реставрационных работ в храме святой Софии в Киеве. Весьма живо описывает открытие азбуки на одной из стен собора Инна Яковлевна Бурау: «*Тогда, в 70-х, это была настоящая сенсация. А произошло это случайно. Реставраторы осторожно снимали аляповатые росписи 18 столетия, намалеванные поверх старинных фресок. Вдруг на каменной стене появились «паутинки» выбитых букв. Всего одна строка... Новые граффити? Позвали Сергея Александровича Высоцкого, историка-исследователя древних письмен. Увидев совсем не «святые» рисунки (корову с надписью «муу..»), он усмехнулся. «Вновь дети озорничали». Потом внимательно осмотрелся: «Да ведь это азбука!» В ней оказалось 28 буквенных знаков: от буквы А со знаком Т над ней, до буквы ОМЕГА. А буква Ж помещена над азбукой. Буквы похожи на греческие и лишь четыре славянские: Б, Ж, Щ, Ш*» [3, с. 118-119]. Кроме этих строк воспоминаний, в книге Бурау помещена не очень четкая фотография азбуки [3, с. 119], хорошо мне знакомая по книге С.А. Высоцкого [4, с. 268-269], но с одним отличием: над буквами Р и С там были тоже помещены какие-то знаки. Кроме того, у Высоцкого не говорилось о букве Т над буквой А. Все это на первый взгляд не имело существенного значения и воспринималось как детские шалости вроде надписи «муу», а потому и выпало из монографии ученого. Единственное, что он счел возможность прокомментировать, так это наличие знака Ж: «*только Ж*

написано над строкой. Это, несомненно, указывает на то, что автор, выцарапав азбуку, проверил, не пропустил ли он каких либо букв. Заметив отсутствие Ж, он дописал его в соответствующем месте над строкой» [4, с. 18-19]. Тем самым наличие надстрочного Т над А и В над Р осталось без объяснений, а само объяснение наличия Ж стало сомнительным, ибо автор надписи зачем-то поместил еще и Т, и В, которые уже были в тексте. Неужели он был таким рассеянным?

Я объединил фото Бурау с четкой прорисью Высоцкого и получил вполне приемлемое изображение Софийской азбуки, рис. 74-1. Знак Т над А выделялся плохо, лучше была видна буква Ж, и еще лучше – буква В над Р и два знака справа и слева от нее. У меня уже давно зародилась мысль о том, что Ж – вовсе не Ж, и что вынесена эта буква над линией строки далеко не случайно. Но сначала – несколько слов о том, чем интересна эта азбука. Она, разумеется, очень необычна, и прежде всего тем, что содержит очень мало букв в строке, всего 26 (это при том, что сейчас в азбуке 33 буквы, а в некоторых разновидностях их было больше 40), АБВГДЕЗНΘІКЛМNξОПРСТУФХШЩω. Затем она очень напоминает греческую азбуку из 24 букв, ΑΒΓΔΕΖΗΘΙΚΛΜΝΞΟΠΡΣΤΥΦΧΨΩ. Отличия Софийской азбуки от греческой невелики: вставлено Б между А и В, и Ш между Х и Ψ, вот и все; порядок же букв целиком греческий. Правда, некоторые современные греческие буквы выглядят иначе, чем в VII веке, в котором сложился греческий устав, принятый славянами за основу; например, СИГМА сейчас выглядит как Σ, а раньше – как С. Даже Щ можно принять за Ψ с прямоугольным расположением боковых линий. При этом ряд исследователей установил, что в виде Б у греков когда-то писалась БЕТА; что же касается Ш, то этот знак тоже не совсем чужд грекам, представляя собой верхушку знака Ψ в прямоугольном изображении. Итак, Софийская азбука лишь на 1/12 отличается от греческой; большего приближения славянской азбуки к греческому образцу трудно себе вообразить. Вместе с тем, эта азбука уже и не совсем греческая, отличаясь от нее на пару букв; кроме того, она написана в храме столицы Руси, в Киеве, да еще в кафедральном соборе. Стало быть, она русская; исследователи отнесли ее к XI веку. Это означает, что со времени деятельности Кирилла прошло более полутора столетий.

Вот теперь и возникает загадка: является ли Софийская азбука одной из первых на Руси, или же, подобно детским шалостям, процарапанным на той же стене поблизости, она представляет собой просто попытку какого-то забывчивого недотепы написать греческий алфавит, в который он по недоразумению вставил русские буквы Б и Ш, а затем, спохватившись, надписал над строкой еще и Ж? Надо сказать, что оба предположения ведут к не очень хорошим следствиям. Первое предположение ломает существующие стереотипы о том, что кириллицу мы заимствовали из Болгарии или Македонии от самого Кирилла или его учеников. Ведь если они создали кириллицу, то это была продвинутая азбука со множеством славянских букв, и возвращаться от нее к Софийской азбуке не было никакой необходимости. Но из этого следует, что Софийская азбука была не демаршем русских последователей Кирилла, а достижением местного духовенства, либо незнакомых с успехами учеников Кирилла, либо, что еще хуже, опередивших их в создании славянской азбуки. Тем самым, поднимая значение киевских эпиграфистов современности, выявивших эту необычную форму кириллицы, открытие Софийской азбуки принижает деятельность самого Кирилла или его учеников, ибо получается, что

Русь создала кириллицу независимо от Кирилла. Если же посчитать Софийскую азбуку детской шалостью, то можно спасти теорию заимствования кириллицы от Кирилла или его учеников, но тогда непонятно, как детские каракули стали предметом ученых дискуссий маститых исследователей. Словом, пока эпиграфисты заняли выжидательную позицию, и даже такой известный из них, как В. Л. Янин, смог лишь осторожно заявить следующее: «*Как бы то ни было, но Киевская азбука обнаруживает существование на Руси и иной системы очередности букв в азбуке, максимально приближенной к системе греческого алфавита, и, следовательно, указывает на вариантность азбук в ранний период бытования кирилловского письма. Думаю, что сумма этих новых источников позволяет с большой уверенностью высказаться в защиту того мнения, согласно которому кирилловское письмо формируется постепенно на основе греческого алфавита, а не имеет единовременного искусственного происхождения. Иными словами, версия об изобретении Кириллом не кириллицы, а глаголицы представляется весьма основательной*» [5, с. 55]. На самом деле более основательной становится лишь версия о том, что на Руси кириллицу не заимствовали от Кирилла или его учеников; вопрос же о том, что создал Кирилл, требует отдельного рассмотрения.

Так обстояло дело к настоящему моменту; меня же просто заинтересовали выносные знаки, Софийской азбуки, ибо они похожи на слоговые, и свое исследование Софийской азбуки я начал просто как плановую работу по их чтению. Ничто не предвещало каких-либо сенсаций. Знак над А определялся наиболее просто, ибо в виде Т чаще всего изображался слоговой знак ТО. Что же касается «буквы» Ж, то как раз «буквенность» это знака и была мной поставлена под вопрос, коль скоро надстрочные знаки оказывались слоговыми. Однако в качестве слогового знака Ж можно прочитать и как ЖА, и как ЗА, так что для более точной идентификации была нужна дополнительная информация. Поэтому я обратился к другим азбукам и скоро нашел то, что искал; мне попались на глаза сразу два документа, которые подтвердили возможность чтения ЗА или, скорее, ЗЪ, рис. 75-1 и 75-2. Наконец, осталось прочитать остаток, букву В и другие знаки над буквой Р Софийской азбуки. Это сделать несложно: В и читается как В, а знаки слева и справа имеют слоговое чтение ВЕДИ, что выражает славянское название буквы В. Вместе с тем, сочетание РС в слоговой азбуке всегда выражает слово РУСЬ, так что, читая все знаки, получаем чтение ВЕДИ В РУСЬ, рис. 75-4. Но ведь это не просто слоговое значение букв, а настоящее послание! Соединив все прочитанные знаки вместе, получаем текст: ТО ЗАВЕДИ В РУСЬ. Это как раз и есть тайное, зашифрованное в виде ребуса из букв и слоговых знаков послание составителей азбуки.

Ребенок стремится выплеснуть усвоенные знания наружу, и если он выучил произношение букв М и У, он тотчас оставляет свою надпись в виде МУУ. Целая азбука для него слишком длинна, а уж греческий порядок букв и вовсе неизвестен. Шифровать или каким-то иным способом утаивать свои знания ему совсем не нужно – он стремится к прямо противоположному, к их обнародованию. Что же касается священнослужителей, то они как раз не склонны поверять первому встречному свои намерения, а часто поясняют свою мысль едва заметными намеками. И в данном случае мы имеем дело как раз с тайнописью духовенства. Ведь в данном тексте два плана: внешний и внутренний. Внешний план прост: пояснение значения знаков, например, ТО— А. Или: З – ЗА. Или: В – ВЕДИ. И любой посетитель церкви, зная слоговые

знаки, в первую очередь читал эти пояснения и понимал редкие знаки греческого алфавита. А ведь если бы речь шла только о пояснениях, тогда, безусловно, надо было бы пояснить прежде всего такие странные для славянского глаза буквы, как ПСИ и КСИ. А вот именно они-то и оставлены без внимания. С другой стороны, хорошо известна греческая БЕТА (позже она называлась ВИТА), и пояснять ее как ВЕДИ не было смысла. Так что выбор букв для пояснений представлялся бы крайне загадочным, если бы отсутствовал второй план, тайный. А он как раз и требовал выбор именно нужных букв в нужном месте, и их чтение то слоговое, то кирилловское.

Итак, послание прочитано. Что же оно означает? Это ясно: непосредственный приказ духовенству о введении на Руси собственной азбуки, едва отличающейся от греческой. Любой священнослужитель или монах, посетивший святую Софию, мог своими глазами увидеть данное распоряжение, понять его, и приступить к реализации. Следовательно, теперь найдено доказательство тому, что в кириллице было заинтересовано именно русское духовенство; но более того — имелось письменное распоряжение и утвержденный образец. Иными словами, **кириллица на Руси стартовала из Киева!** Это означает, что Софийская азбука оказывается не просто одной из прочих ранних, а именно она и является исходным прототипом! Тем самым, время ее начертания можно связать с датой не ранее окончания строительства Софийского собора в Киеве, 1040-м годом (начало постройки пришлось на 1037 год). Так определяется вид первой кирилловской азбуки на Руси, а также место и время ее введения.

Как видим, во вводимой кириллице содержится тайное слоговое послание, а это означает, что слоговое письмо являлось общенародным, тогда как максимально приближенное к греческому образцу письмо Софийского собора преследовало узко конфессиональные цели.

Краткие выводы. На основе проведенного рассмотрения можно сказать, что слоговое письмо лежало в основе составления велесовицы, и отдельные его знаки, как это видно из рис. 73, вошли в состав кириллицы. Можно сказать и сильнее: все негреческие буквы кириллицы являются знаками русского слогового письма. Тем самым слоговое письмо продолжает существовать в современном русском гражданском шрифте как реликт, многие русские буквы называются не только слоговым способом, но и в точности воспроизводят их слоговое чтение, например, ША, ЧА, ЕРЬ (РЕ-РЬ); то же относится и к вышедшим из употребления буквам кириллицы, например, ЯТЬ (РЕ-ТЬ), ЮС (Ю-СУ).

Заключение

В данной работе мы постарались проследить историю определения и дешифровки слоговой письменности Руси, слоговые надписи на различных документах, взаимоотношение слоговой письменности и кирилловской азбуки в двух особых вариантах последней — велесовицы и Софийской азбуки. На основе проведенного исследования можно сделать такие выводы, тесно связанные с историей культуры Руси.

1. Слоговая письменность на Руси существовала всю средневековую эпоху, что дает основание предполагать ее существование и в более ранний период, еще до образования Киевского государства. Иными словами, Русь вступила в период образования государства, имея

достаточное для применения средство письменной фиксации русской речи.

2. Слоговая письменность использовалась фактически во всех слоях русского общества и для самых различных целей. С ее помощью составлялись берестяные грамоты, фиксировалась собственность, пояснялось содержимое сосудов, давались указания изготовителям, объяснялись особенности изготовления, передавались тайные сообщения. Тем самым она играла роль общенационального русского письма.
3. Параллельно со слоговым письмом в Новгороде возникает велесовица, содержащая и слоговые знаки, и буквы, то есть те же знаки, но уже читаемые без гласного. Таким способом возникают некоторые письменные документы, например, «Велесова книга», датируемая IX веком. Буквы похожи на греческие, но происходят из слоговых знаков.
4. В то же время из Македонии вместе с христианскими книгами на Русь проникает кириллица, очень похожая по начертанию знаков на велесовицу и содержащая, хотя и в меньшем количестве, ряд слоговых знаков в буквенном чтении. Стремление еще сильнее приблизиться к греческому оригиналу приводит к созданию азбуки, начертанной на стене Софийского собора. Ее вводит тайное слоговое послание. Однако этот вариант азбуки на Руси не приживается.
5. Слоговая письменность существует на Руси вплоть до XVII века, но в областных и провинциальных городах, тогда как в стольном граде Киеве кириллица ее вытесняет уже в XI веке. Слоговое письмо обслуживает главным образом простых людей. Но уже в XVII веке надписи слоговым письмом становятся плохими по своей орфографии, слоговые знаки все чаще читаются как буквы, и в XVIII веке слоговое письмо повсеместно (за исключением очень далеких окраин России) вытесняется русским гражданским шрифтом.
6. Судя по распространенности слоговой письменности, на ней могли быть написаны весьма обширные документы. Пока они не найдены. Однако в результате проведенного исследования можно придти к выводу о том, что Русь и накануне введения кириллицы, что связано с обращением Руси в христианство, имела такое важное завоевание в культурной области, как самобытное русское слоговое письмо. Следовательно, должна была существовать и обширная литература на нем.

Литература

К предисловию

1. *Чудинов В.А.* Славянская докирилловская письменность. История дешифровки. Части I и II // Серия «Славяне. Письмо и имя», том I. М., 2000
2. *Чудинов В.А.* Проблема дешифровки. Чтение смешанных надписей. Создание силлабария // Серия «Славяне. Письмо и имя», том 2. М., 2000
3. *Чудинов В.А.* Славянская мифология и очень древние надписи. М., 1998
4. *Чудинов В.А.* Реабилитация славянских надписей. М., 1999

К первой части

1. *Татищев В.Н.* История Российская. Т.1. М., 1962. Цит. по: Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М., 1998
2. [*Екатерина Великая*]. Записки касательно Российской истории, ч. 1. СПб, 1787
3. *Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуки. М., 1963
4. *Mikucki S.* Etudes sur la diplomatique russe la plus ancienne // Bulletin international de l'Academie Polonaise des Sciences et des Lettres. Classe de philologie-classe d'histoire et de philosophe. № suppl. 7. Cracovie, 1953
5. *Серяков М.Л.* Русская дохристианская письменность. СПб, 1997
6. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Том 1-2. М., 1993
7. *Флоря Б.Н.* Возникновение славянской письменности. Исторические условия ее развития // Очерки истории культуры славян. М., 1996
8. *Уханова Е.В.* У истоков славянской письменности. М., 1998
9. *Седова М.В.* Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода // Советская археология, 1964, № 1
10. *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские надписи на бересте. Из раскопок 1951 года. М., 1953
11. *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958-1961 гг. М., 1963
12. *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978
13. *Медынцева А.А.* О надписи на "кресте" Манасии (село Цар Асен, Болгария) // СА, 1990, № 4
14. Велесова књига. Превод и коментари Радивоје Пешић Београд, 1997
15. *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1939-1949 гг.) // МИА, № 41, М., 1954
16. *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк. Автореферат кандидатской диссертации. Минск, 1965
17. *Fraehn Ch.M.* Ibn-Abi-Jakub El Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im X Jahrhundert n. Ch., kritisch beleuchtet // Memoirs de l'Academie de imperiale de sciences de st. Petersbourg, VI serie. Politique, Histoire, Philologie, III T., 1836, S. 507-530
18. *Воланский Т.* Гнезно, 1845. Письма о славянских древностях. Письмо второе. Пер. с польского Г.С. Беляковой // Волхв. Журнал венедов. СПб, 1991, № 2-3
19. *Прозоровский Д.И.* О названиях славянских букв // Вестник археологии и истории. СПб, 1888, вып. 7, с. 63
20. Древности, т. XXXIII, вып. 2. М., 1914
21. [*Siögren von, Dr.*] Ueber das Werk Finn Magnusens Runamo og Runerne. S.-Petersburg, 1848
22. [*Magnusen F.*]. Runamo og Runerne. En Commiteeberetning til det Kongelige Danske Videnskabers Selskab Samt Trende Afhandlinger angaaende Rune Literaturen, Runamo og forskjelligesaeregne (tildeels, nylig opdagelde). Kjöbenhavn, 1841, 742 S.
23. *Гедеонов С.* Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб, 1876
24. *Городцов В.А.* Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками // Археологические известия и заметки. СПб., 1897, год V, № 12
25. *Городцов В.А.* Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды // Археологические известия и заметки. СПб., 1898, год VI, № 11-12
26. [*Лецеевский Я.*] Рунические надписи на Алекановских урнах. Доктора Я. Лецеевского, профессора Краковского университета. Перевел Щепкин // Археологические известия и заметки. СПб, 1898, № 11-12
27. *Ванкель Г.* Эрратический валун с финикийской надписью, найденный близ Смоленска в России // Полоцко-Витебская старина, вып. III, 1916
28. *Драчук В.С.* Дорогами тысячелетий. О чем поведали письма. М., 1976
29. *Болсуновский К.* Родовой знак Рюриковичей, Великих князей Киевских. Геральдическое исследование, предназначенное к чтению на XIV археологическом съезде в Чернигове. Киев, 1908
30. *Бартольд В.В.* О письменности хазар // Культура и письменность Востока, кн. IV. Баку, 1929
31. *Артамонов М. И.* Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // Советская археология, XIX, 1954
32. *Щербак А.М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии, 75, М., 1959
33. *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология, 1964 № 1
34. *Фигуровский И.А.* Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными знаками» // Ученые записки Елецкого педагогического института, вып. 2. Липецк, 1957

35. *Эпштейн Е.М.* К вопросу о времени происхождения русской письменности // Ученые записки ЛГУ, сер. историческая, вып. 15. Л., 1947
36. *Константинов Н.А.* Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья // Вестник ЛГУ, серия истории, языка и литературы (№ 14), вып.3. Л., 1963
37. *Родионов В.Г.* Об отношении В.А. Чудинова к славянской слоговой (докириллической) письменности // Русская мысль, М., 1995, № 1-6
38. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961
39. *Гриневич Г.С.* Сколько тысячелетий славянской письменности (о результатах дешифровки праславянских рун) // Русская мысль, Реутов, 1991
40. *Гриневич Г.С.* Праславянская письменность. Результаты дешифровки // Энциклопедия русской мысли, т. 1. М., 1993
41. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М., 1981
42. *Никольская Т.Н.* О летописных городах земли Вятичей // Краткие сообщения института археологии, вып.129, М., 1972
43. *Чудинов В.А.* Славянская докирилловская письменность. История дешифровки. Часть II // Серия «Славяне. Письмо и имя», том I. М., 2000
44. *Вильтон Р.* Последние дни Романовых. Каббалистическая надпись, найденная на стене комнаты, где были убиты император Николай II и его семья // Память (газета), 1991, № 2
45. *Жизневский А.К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888
46. *Голубева Л.А.* Граффити и знаки пряслиц из Белоозера // Культура средневековой Руси. Л., 1974
47. *Новицкий Е.Ю., Полищук Л.Ю.* Об одной группе изображений на сосудах трипольской культуры // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев
48. *Молчанов А.А.* Таинственные письмена первых европейцев. М., 1980

Ко второй части

1. *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953-1954 гг.) М., 1958
2. *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956-1957 гг.) М., 1963
3. *Арциховский А.В*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958-1961 годов. М., 1963
4. *Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). М., 1986
5. *Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII века. М.,1981
6. *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962-1976 гг. М., 1978
7. *Лабутина И.К., Костючук Л.Я.* Псковские берестяные грамоты № 3 и 4 // СА, 1981, № 1
8. *Зализняк А.А., Колосова И.О., Лабутина И.К.* Псковские берестяные грамоты 6 и 7 // РА, 1993, № 1
9. *Кун Т.* Структура научных революций. Перевод с английского издания 1970 г. М., 1975
10. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из раскопок 1990-1993 гг. // Вопросы языкознания, 1994, № 3
11. *Чудинов В.А.* Нечитаемые новгородские грамоты // Четвертые культурологические чтения ИППК МГУ и Института молодежи "Вопросы истории культуры и краеведения". М., 1999
12. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984-1989 гг. М., 1993
13. *Климишин И.А.* Календарь и хронология. М., 1981
14. *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954
15. *Вайнер И.С., Каховский В.Ф., Краснов Ю.А*. Береста с надписью из Чебоксар // СА, 1971, №3
16. *Маныгин П.Д.* Работы в Торжке и его округе // Археологические открытия 1985 г. М., 1987
17. *Арциховский А.В*. Берестяные грамоты мальчика Онфима // СА, 1958
18. *Зиновьев А.В*. Тайнопись кириллицы. Владимир, 1998
19. *Арциховский А.В, Янин В.Л.* . Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962-1976 г. М., 1978
20. *Равдоникас В.И.* Старая Ладога // СА, XI, 1949
21. *Гупало К.М., Толочко П.П.* Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень // Стародавній Київ. К., 1975
22. *Авдусин Д.А.* Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг. // СА, 1969, № 3
23. Новгород и новгородская земля, вып. 6. Новгород, 1992
24. *Чудинов В.А*. Надпись на берестяной грамоте из Старой Русы // Третьи культурологические чтения ИППК МГУ. М., 1998
25. *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990
26. *Загорульский Э.М.* Возникновение Минска. Минск, 1982
27. *Челяпов В.П.* Береста с рисунком из кремля Переяславля Рязанского // КСИА, вып. 198, М., 1989
28. *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту. М., МГУ, 1995
29. *Дрбоглав Д.А*. Грамота № 448 // *Арциховский А.В, Янин В.Л.* . Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962-1976 г. М., 1978
30. *Седова М.В*. Эпиграфические находки из Суздаля // Краткие сообщения института археологии, вып. 190, М., 1987
31. *Седова М.В*. Суздаль в X-XV веках. М., 1997
32. *Воронин Н.Н.* Раскопки в Ярославле // Материалы и исследования по археологии, № 1. М.-Л., 1949
33. *Порфиридов Н.Г.* Надписное пряслице из Рюрикова городища. Новгородский музей. Новгород, 1930

34. *Рыбаков Б.А*. Ремесло древней Руси. М., 1948
35. *Фигуровский И.А*. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных “загадочными” знаками // Ученые записки Елецкого педагогического института, вып II. Липецк, 1957
36. *Гриневич Г.С.* Сколько тысячелетий славянской письменности (О результатах дешифровки праславянских рун) // Русская мысль, Реутов, 1991
37. *Durczewski Zd*. Stary zamek w Grodnie w swiete wykopalisk, dokonanych w latach 1937-1938 (оттиск из «Niemna» за 1939, № 1)
38. *Алексеев Л.В.* Еще три шиферных пряслица с надписями // Советская археология, 1959, № 2
39. *Алексеев Л.В.* Три пряслица с надписями из Белоруссии // Краткие сообщения института истории материальной культуры, вып. 57, М., 1955
40. *Тимощук Б.А.* Об инструментах для письма (“стилях”) // КСИИМК, 1956, вып. 62
41. *Зверуго Я.Г.* Древний Волковыск X-XIV вв. Минск, 1975
42. *Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н.* Древнейшая русская надпись // Вестник АН СССР, 1950, № 4
43. *Черных П.Я.* Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950
44. *Mareš F.V.* Dva objevy starých slovanských Nápisů (v SSSR u Smolenska a v Rumunska) // Slavija, 1951-1952, XX
45. *Iakobson R.* Vestiges of the Earliest Russian Wernacular // Word, 1952
46. *Корзухина Г.Ф.* О гнездовской амфоре и ее надписи // Краткие сообщения и исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь проф. М.И. Артамонова. Л. 1961
47. *Медынцева А.А.* Надписи на амфорной керамике X-начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М.. 1998
48. *Дёмин В.Н.* Тайны земли русской. М., 2000
49. *Чудинов В.А.* О русском названии греческих амфор // Третьи культурологические чтения кафедры культурологии ИППК МГУ. М., 1998
50. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции, ч. II. Материалы и исследования по археологии, вып. 75. М.-Л.1959
51. *Чудинов В.А.* О древнейшей русской надписи // Третьи культурологические чтения кафедры культурологии ИППК МГУ. М., 1998
52. *Кравченко Н.М., Корчусова В. М.* Деяки риси материальной культури пізньоримськой Тірии // Археологія, 1975, № 18
53. *Рыбаков Б.А., Николаева Т.В.* Раскопки в Белгороде Киевском // Археологические открытия 1969 года. М., 1970
54. *Wendel M.* Frühmittelalterliche Keramik mit eingeritzter Verzierung // Latrus-Krivina. III Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Berlin, 1986
55. *Чудинов В.А.* О названии Киева и днепровских порогов у русов // Четвертые культурологические чтения. Теоретическая и прикладная. культурология. Сб. ИППК МГУ и Ин-та Молодежи, М., 1999
56. *Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О.* Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966
57. *Гончаров В.К.* Археологічні розкопкі в Києві у 1955 р. // Археологія, 1957, т. X
58. *Артамонов М.И.* Саркел-Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА № 62. М.-Л., 1958
59. *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI-XV вв. // САИ, вып. Е!-60. М., 1983
60. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский период). Киев, 1990
61. *Рыбина Е.А.* Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода М., 1978
62. Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск, 1979
63. *Висоцький С.* Віконна рама та шибки з Київської Софии // Київська старовина. Щорічник. Київ, 1972
64. *Безбородов М.А.* Древнерусские стекла и огнеупорные изделия // Краткие сообщения института материальной культуры, вып. 62. М., 1952
65. *Болсуновский К.* Родовой знак Рюриковичей, Великих князей Киевских. Геральдическое исследование, предназначенное к чтению на XIV археологическом съезде в Чернигове. Киев, 1908
66. *Фехер Геза.* Ролята и културата на прабългарите. Значението на прабългарската и старомаджарската култура в изграждането на цивилизацията на Източна Европа. София, 1997
67. *Янин В.Л.* Древнейшая русская печать X века // КСИИМК, вып. 57, 1955
68. *Бушков А.А.* Россия, которой не было. Загадки, версии, гипотезы. М., СПб, Красноярск, 1997
69. *Fraehn Ch.M.* Ibn-Abi-Jakub El Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im X Jahrhundert n. Ch., kritisch beleuchtet // Memoirs de l'Academie de imperiale de sciences de st. Petersbourg, VI serie. Politique, Histoire, Philologie, III T., 1836, p. 507-530
70. *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993
71. *Михайлов Б.Д.* Петроглифы Каменной Могилы на Украине. Запорожье, 1994
72. *Воронин Н.Н.* К характеристике древнейшего зодчества восточных славян // Краткие сообщения института материальной культуры (КСИИМК), вып. 16, М.-Л., 1947
73. *Штендер Г.М.* К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии. (По новым материалам исследований) // Культура средневековой Руси. Л., 1974
74. *Чудинов В.А.* Поиски культуры Древней Руси // Вестник Университета. Государственный университет управления. М., 1999, № 1
75. Рисунки русских писателей XVI—начала XX века. Автор-составитель Р. Дуганов. М., «Советская Россия», 1988

К третьей части

1. *Чудинов В.А.* Проблема дешифровки. Чтение смешанных надписей. Создание силлабария // Серия «Славяне. Письмо и имя», том 2. М., 2000
2. Велесова књига. Превод и коментари *Радивоје Пешић*. Београд, 1997
3. *Бурау И.Я*. Загадки мира букв. Донецк, 1997
4. *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI-XII вв.). Киев, 1976
5. *Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). М., 1986